

В. Винокуров

ВЕСМ

№ 9, 2023

СОЛНЕЧНЫЕ ОЗАРЕНИЯ ВИКТОРА ВИНОКУРОВА

Разговор двух родителей. Один спрашивает другого: «Кем будут твои дети?» – «Мальчик, ему пять, будет юристом. Девочка, ей шесть, – врачом. А твой ребенок?»

«Я не знаю, кем он будет работать, но он будет невероятно счастливым человеком! Счастливый человек видит наш мир прекрасным. Солнечным. Веселым. Оптимистичным. Радостным».

Но как стать счастливым? Как развить это умение? Это трудно объяснить? Это больше похоже на волшебство.

И Виктор Винокуров владеет этим магическим даром. И он пишет, пишет это. Он изображает наш мир таким же очаровательным, как его изображали французские импрессионисты. Ренуара называли певцом Счастья. Матисса – проводником Радости. Ван Гога – провозвестником Солнца.

Конечно, Виктор Винокуров ходит по тем же неремонтированным дорогам, ездит в переполненных автобусах, страдает от инфляции и нестабильности в стране. Ему не хватает солнечных дней.

Но он не забыл то детское восприятие мира. Эту волшебную палочку, что все превращает в Чудо. Он неисправимый романтик. Но у него есть сила – он умеет рисовать. Он может поделиться своими впечатлениями. Он – поэт, который красками повествует о разнообразии нашего мира.

Говорят: «Быть добрым – это не профессия». Да, но это призвание. Это важная миссия в наше время: привнести свет, добро, красоту туда, где их ждут.

Как писал известный уральский поэт Алексей Решетов:

«Мы в детстве были много откровенней,
Что у тебя на завтрак – ничего.
А у меня хлеб с маслом и вареньем,
Возьми немного хлеба моего.
Прошли года и мы другими стали.
Теперь никто не спросит никого:
Что у тебя на сердце, уж не тьма ли,
Возьми немного света моего».

Виктор Винокуров замечает красоту повсюду. Это и улыбчивые девушки, одетые в белые летние платья. И пожилые интеллигентные мужчины, играющие в шахматы на Плотинке. Это и цветы, которые растут буквально под ногами. А мы спешим и не замечаем, что мир чудесен и изобретателен. Что деревья могут быть мудрыми и талантливymi. А воробьи милыми, восхитительными и загадочными существами. Это и фонтан, запорошенный снегом.

Художник собирает эти мимолетные мгновения человеческой жизни. Радости, грусти. Он бережно прикасается к этим мизансценам в Театре Человеческой Трагикомедии. Но радость у него всегда перевешивает. Возможно, он чувствует, что ее как раз и не хватает.

Как говорил Анри Матисс, когда его спрашивали, почему у него такие яркие полотна: «Я пережил две мировые войны. И мне этого хватило. И поэтому сейчас я буду рисовать радость».

Федор Морозов.
(Окончание на 40 стр.)

ЗДРАВСТВУЙТЕ, УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного
управленческого округа
Правительства
Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит,
ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
(620100,
г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артёмов
д.и.н. С.В.Голикова
(Екатеринбург)
В.Н.Ермолаев (Тавда)
д.и.н. В.В.Запарий
к.и.н. С.А.Корепанова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
к.т.н. Я.Л.Либерман
(Екатеринбург)
Я.С.Недвига
(художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова
О.В.Птиченко

чл.-кор. РАН, д.и.н.
И.В.Побережников
д.и.н. Д.А.Редин
(Екатеринбург)
С.П.Садовников
(Москва)
Б.В.Соколов
(Ярославль)
С.И.Симонов
(Каменск-Уральский)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.А.Фролова (Москва)
Е.И.Щупова
Ю.В.Яценко
(Екатеринбург)

Корректор номера
Анна Андреева

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ: АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
Учреждение культуры 620100, г. Екатеринбург,
«Банк культурной п/о 100, а/я 51
информации» сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и
со ссылкой на журнал «Веси».

Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной
почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные
для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах
журнала без дополнительного согласования с автором.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале
на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются
на правах рекламы.

На обложке (1–4) живопись В.Винокурова.

Подписан в печать 01.11.2023.

Отпечатан в АО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

12+

Звонит мне нынче искусственный интеллект, вот так и представился: «Искусственный Интеллект». Сказал, что посмотрел отзывы в Интернете о «нашей фирме», и так как они все положительные, то он хочет помочь «увеличить продажи». Я ему говорю, что мы ничего не продаем, что он не по адресу обратился. А он: «Дайте мне шанс сделать вашу фирму более успешной». Я опять ему: «Навряд ли получится. Продажи – это вообще не наш профиль». Он вроде как обиделся: «Я же Искусственный Интеллект! Я во всем разберусь. Мне это не трудно». Говорю ему: «Трудно – не трудно – это вообще не о том. Нет у нас продаж – никаких!» И тут он сменил тактику: «Вы шутите, – говорит, – значит, у вас хорошее настроение. И голос у вас приятный. Думаю, – говорит (Думает он! – Т.Б.) – вы обаятельный человек, мне нравится с такими работать. Вы будете нашим VIP-клиентом». «Нет, на VIP я никак не потяну – денег таких нет. И вообще, какой же вы интеллект, если не понимаете, что мне вообще не нужны ваши услуги». На этом я закончила разговор, а ссылку, которую он прислал, сразу удалила.

Теперь я думаю. Первооснова интеллекта – это мозг. А что это такое и как он работает – люди до сих пор не могут ответить. Как можно воссоздать то, чего ты не знаешь?.. Интеллект – это не просто большой объем информации и не только ее структурирование и установление новых связей, это еще и генетика, эмоциональное восприятие, накопленный опыт, личная точка зрения и даже интуиция. Не уверена, что всем этим обладает искусственный интеллект. А может, мы просто некорректно его называем? Вот, например, роботы уже давно стоят на службе у человека и помогают решать конкретные задачи в заданной среде. Этакие «специалисты» узкого профиля, специализированные помощники. Человек развивает их, закладывает новую информацию, с помощью которой система генерирует новые связи. Но робот – он и есть робот – специальная программа, созданная человеком. С помощью человека он может перетаскивать тяжести, работать на заводах, исследовать космическое пространство, выстраивать схемы продаж и даже играть в шахматы. А в наше время, благодаря роботам, человек научился «зарабатывать» деньги, обещая увеличить, повысить, улучшить, расширить и углубить.

Но когда дело касается творчества – роботы бес- сильны. Разве что могут скомпилировать стих из уже придуманной человеком поэзии. Человек же в творчестве создает то, чего еще никогда не было. Творческие озарения – это не меньшая тайна, чем работа человеческого мозга. И никакая созданная человеком система – будь то робот, искусственный интеллект, электронный помощник и так далее – никогда этого сделать не сможет.

Татьяна Богина,
главный редактор.

ВЕСТИ

№ 9
(199) 2023
ноябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Федор Морозов.	
Солнечные озарения Виктора Винокурова	1, 40
Елена Фролова (Тенятникова)	
Зеркало человека	4
Александр Больных	
Тени Эльсинора	11
Елена Фролова (Тенятникова)	
Солнечный день	27
Василий Куприянов	
Рассказы	29
Александр Крамер	
Рассказы	33
Алексей Шихалёв	
Память	36
Андрей Сальников	
Чума на оба ваших пира	38
Федор Морозов	
Солнечные озарения Виктора Винокурова	40
Владлен Козинец	
«Фрески»	41
Валерий Анишкин	
Рассказы	69

Журнал удостоен медалей

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочих специальных
исторических
дисциплин»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничейвой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO clubs,
centers and associations

РБА

Издается под патронатом Все-
мирной федерации ассоциаций, цен-
тров и клубов ЮНЕСКО, Федерального
агентства по делам Содружества Не-
зависимых Государств, соотечествен-
ников, проживающих за рубежом, и
по международному гуманитарному
сотрудничеству, Российской библи-
отечной ассоциации и Российского
представительства ТИССИН.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

президент Российской
библиотечной ассоциации, директор
Государственной публичной
исторической библиотеки России
Михаил Дмитриевич АФАНАСЬЕВ

заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

член Исполнительного
совета Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО,
казначей Европейской
федерации АЦК ЮНЕСКО
Юлия Александровна АВЕРИНА

член Федеративного совета
Союза журналистов России
Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

ЗЕРКАЛО ЧЕЛОВЕКА

Все мы когда-то вышли на свет из темной утробы нашей матери. Все мы вышли из тьмы, и все мы движемся к свету, вместе с нами совсем рядом из темной земли поднимаются к солнцу деревья, былинки, соломинки, цветы и вместе с нами живут.

М.Пришвин

**Елена ФРОЛОВА
(ТЕНЯТНИКОВА)**

Поэт, переводчик.

На детской площадке невольно услышала отрывок разговора двух молодых мам: «Ваша Лера – настоящий лидер, сразу видно задатки». – «А ваша Амалия – хозяйка жизни, такой настрой и характер, всего добьется». Будущим «хозяйке жизни» и «с задатками лидера» 5 и 6 лет, им бы еще цветочки научиться поливать, кукломатанке платья шить, но увы, в них уже разглядывают блестящее будущее, где задачи лидера, видимо, самое важное.

К сожалению, в последние годы стало очень модным с ранних лет настраивать детей на блестящее достижение своих целей в будущем. Тому потворствует в том числе и школа с ее многочисленными проектами и конференциями с любимыми темами: «Что бы я сделал, если бы стал президентом», «Мой план устройства города», «Как я устроил бы жизнь страны» и т.д. Такое ощущение, что взрослые дяди и тети сразу решили растить чиновников и управленцев, забывая, что детство – это, прежде всего, фантазия, творчество, придумки и задумки, удивление, веселье

и волшебство. Вот почему я всегда сторонник детских конкурсов, где возможно поддержать и развить именно эти стороны детского восприятия мира.

Быть членом жюри в таких конкурсах – особое удовольствие, ведь ты прикасаешься к тому миру, от которого уже далек, но все еще помнишь его легкую и радостную бытийность...

Конкурс «Добром за добро!» к 150-летию М.М.Пришвина, где в этом году мне посчастливилось читать и отбирать детские работы от Калининграда до Удмуртии, был организован Орловским региональным отделением Союза российских писателей при поддержке Дома-музея М.М.Пришвина (ГМИРЛИ им. В.И.Даля, Москва), Областного государственного учреждения культуры «Орловская детская библиотека им. М.М.Пришвина», Администрации Становлянского муниципального района Липецкой области. Особую благодарность хотелось бы выразить заведующей Домом-музеем им. М.М.Пришвина Яне Зиновьевне Гришиной, которая гостеприимно приняла в музее финалистов конкурса и провела для них и их родителей бесплатную экскурсию по дому-музею. На церемонию награждения приехали ребята из Москвы, Тулы, Мурманска, Ижевска и т.д. А 10 сентября в Орловской детской библиотеке им. М.М.Пришвина прошло награждение орловских участников, которым также были вручены дипломы, подарки и уникальные пряники ручной работы.

Пришвин писал, что творчество заложено в самой природе человека, в его личности и в единении с природой. Отделение от нее губительно для личности. Дети, как

никто, до определенного времени чувствуют это единение, поэтому среди присланных работ было много рассказов и эссе о природе, о животных, о красоте окружающего мира. Дети еще раз доказывали нам, взрослым, что человек един с природой и чувствует глубоко и сильно лишь тогда, когда он с ней рядом, лицом к лицу, а не «...повернут к ней спиной», потому что ушел вперед (М.М.Пришвин «Зеркало человека»). Особое умение детей переживать и сочувствовать прошлому нашло отклик в работах детей, связанных с Великой Отечественной войной, о которой они, конечно, слышали от своих прабабушек и прадедушек. Каждая конкурсная работа – это особое детское искреннее открытие, еще не замыленное взрослыми догмами, клише, правилами. Многие работы наивны, просты, но прекрасны своей фантазией и радостью жизни. Призовые места – это, пожалуйста, условность, необходимая в конкурсе. После прочтения всех работ остается тайное ожидание, что через несколько лет или пусть десятилетий мы вдруг узнаем нового прекрасного писателя, который начинал свой путь среди участников конкурса имени М.М.Пришвина. Сегодня мы публикуем часть работ детей, выбрав самые неординарные, искренние, смелые и яркие в своем желании познавать этот мир. Пожелаем им сохранить в себе ребенка, который позволяет «оставаться самим собой на всю жизнь», как писал Михаил Михайлович Пришвин: «Дети, все дети, и вы, настоящие наши физические дети, и те взрослые, пожилые, и вовсе старики, кто сохраняет в душе себя самого, как своего ребенка!»

Гульжиян Жансейтова

ВЕСЕЛЫЙ ЗАЙЧИК

Мальчики, между прочим, бывают разные. Одни тихие, другие драчуны, третьи – двоичники, а вот в нашем доме живет умный мальчик. Знаете, он из неговорящих игрушек делает веселых и говорящих. Но это ведь умеет делать не каждый, а ему удается, потому что его папа – инженер.

Мальчик решил сделать говорящего зайца. После уроков пошел в магазин и купил мягкую игрушку. Это был белый-белый плюшевый зайчик.

Он торопился, потому что хотел вечером сделать сюрприз для родителей. Он взял иголку с нитками, расшил ему живот и вставил батарейку. Это у него получалось легко. Чтобы зайчик был еще красивее, приклеил белых пух, и он стал больше похож на зайца. Не забыл зарядить батарейку.

Прошел один час, и зайчик сказал:

– Привет, меня зовут Бинго. А как тебя зовут?

– Меня зовут Тима.

– Знаешь, давай танцевать.

Зайчик прыгнул на пол и начал танцевать. Тима удивился, такое было первый раз с его говорящими игрушками.

Вечером мальчик все показал и рассказал отцу. Отец посмеялся и ответил: «Значит, у него уже стояла батарейка, а ты поставил вторую, поэтому он и пел, и танцевал».

Потом они пошли на праздник. Мальчик и зайчик на празднике пели песни и танцевали. Было весело и хорошо.

Дарина Культикова

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В КНИЖНОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Часть 1. Колобуля

В одном Книжном королевстве жила маленькая толстенькая книжка. Она всегда была грустной, так как другие книжки смеялись над ее внешним видом, не хотели с ней дружить и прозвали Колобулей. Обидно стало Колобуле, и решила она пойти искать другое королевство, где можно найти себе друзей и где ей будут рады.

Путь ее был трудным. Целых 105 дней шла она по стеллажам, пробиралась через шкафы и пыльные полки и очень устала. Только Колобуля присела отдохнуть, как услышала чей-то тихий плач. Это плакала совсем новенькая, блестящая и очень красивая книжка.

– Как тебя зовут и почему ты плачешь? – спросила Колобуля.

– Я Королева Книга, и я ищу свою сестру Кору. Ее похитил Книжный Червь и унес в свою пещеру, где он пожирает книжки и питается их умом.

– Пойдем вместе искать твою сестру, – предложила Колобуля. Вдвоем веселее и не так страшно.

И они отправились в путь. Долго ли, коротко ли шли книжки, и, наконец, пришли к пещере Книжного Червя. Но оказалось, что пещеру охраняет злой и страшный микроб Атор Бугар.

Пришлось Королеве Книге применить свою волшебную суперсилу. Она рассказала «сонную» сказку, и когда Червь и микроб уснули, они освободили Кору и другие книги и бросились бежать, пока волшебная сила не перестала действовать.

После возвращения в свое королевство Королева Книга за помощь в спасении сестры наградила Колобулю золотой закладкой, и они стали настоящими друзьями. Когда другие книжки узнали, что Колобуля помогла самой Королеве Книге, то перестали над ней смеяться и тоже стали с ней дружить.

Часть 2. Гада

Однажды Колобуле и ее друзьям предстояло путешествие в другую библиотеку под названием «Любимые книги детства». Там они сразу же познакомились с другими книжками и нашли новых друзей.

В этой библиотеке жила одна старая, вредная и потрепанная книжка по имени Гада. Когда она увидела у Колобули золотую закладку, то тут же решила ее похитить. Однажды Колобуля отвлеклась по делам, Гада украла золотую закладку и сбежала. Колобуля с друзьями бросились за ней в погоню и почти догнали, но не тут-то было: старая книга расставила ловушку, и друзья попались в нее. Когда они выбрались и побежали дальше, то увидели след из порванных страниц Гады, которые вели в подвал. Друзья спустились туда и в самом дальнем углу увидели очень грустную и печальную старую книгу.

– Зачем ты украла золотую закладку, Гада? – спросила Колобуля.

– Я хотела, чтобы хоть кто-нибудь обратил на меня внимание. Никто не хочет дружить со мной, потому что я старая, и мне очень одиноко.

Гада отдала Колобуле золотую закладку, а ее друзья помогли старой книге обрести приличный вид: они подклеили ей страницы, сделали новую обложку и корешок. Больше

никто не звал старую книжку Гадой, и все стали с ней дружить, а Колобуля с друзьями подарили ей новую фиолетовую закладку, на которой было написано: «Лучший друг века!»

Эвелина Лысенко

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

*«Могучий богатырь летит;
В деснице держит меч победный;
Копье сияет как звезда;
Струится кровь с кольчуги медной;
На шлеме вьется борода...»*

Жил был мальчик по имени Гриша. У него была мама Люда и папа Руслан. Мама всегда читала ему перед сном эти непонятные стихи. Грише было пять лет, когда ее не стало, но почему, ему об этом никто не говорил. Самое грустное, что он ее совсем не помнил. Только периодически всплывали строчки:

*«Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой»*

или:

*И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской...*

Откуда он их знал – этого Гриша сказать не мог. От мамы осталось очень много книг, они стояли прямо на полу многоэтажными башенками. Гриша брал их, старался читать, но там не было картинок, и они казались ему скучными. Еще была редкость, которую мама очень любила – проигрыватель пластинок, очень старый, папа называл его, как и мама когда-то, красивым словом «радиола». В нем было и радио, и проигрыватель пластинок, в рамочке на сером фоне было выведено «Рекорд-314». В комод, на котором стояла радиола, лежало множество пластинок. Папа показывал, как их нужно ставить, куда ставить игу. Самое уди-

вительное было, когда черная пластинка оживала. Это было чудо.

Вообще в детстве все для Гриши было волшебным, он выдумывал фантастические истории, что мама не умерла. Ее, как в сказке, украл злой колдун, и папа вот-вот, совсем скоро, освободит маму. Ведь папа был богатырем. Не зря же у него в комнате висит картина, на которой изображен дядя в шлеме и с большим мечом в руках. На дяде был красный плащ, который развевается на ветру. Папа говорил, кто этот дядя, но Гриша все равно забыл, он только смотрел на картину, и ему казалось, что это его папа и он вот-вот всех победит и освободит маму из плена колдуна.

Гришин папа был рабочим на заводе, он рано уходил утром, а приходил поздно вечером. Иногда мужчина уходил на ночные смены, и мальчика забирала соседка тетя Марта, у которой не было ни мужа, ни детей, зато были три кошки и две собаки. Гриша любил оставаться у тети Марты, потому что у нее было весело, ведь дома они не могли завести животных: за ними никому было бы ухаживать и выгуливать.

Грише исполнилось 10 лет, и папа подарил ему телефон. Мальчик долго мечтал о таком, ведь у его друзей уже были телефоны, они играли в них и переписывались, и в это время Гриша был самым счастливым. Наверное, поэтому он не до конца понял слова «повестка» и «мобилизация», которые очень часто стали появляться в речи папы, когда он разговаривал с другими людьми, в основном, с мужчинами.

Мужчины хлопали папу по плечу и добавляли непонятные слова «отсрочка», «несовершеннолетний» и начинали

задумчиво смотреть на Гришу.

Но папа с каждым днем становился все грустнее и грустнее. Однажды утром он, как обычно, рано поднялся на работу, разбудил Гришу и сказал, что не может оставаться в стороне. Должен выполнить свой долг. И уходит на войну. И Гриша останется пока с тетей Мартой.

«Но ты же вернешься?» – спросил сын. Папа ничего не ответил, сославшись на то, что опаздывает на работу и они договорят вечером.

А потом все так закружилось, завертелось, было не до разговоров. Когда папа садился на поезд, Гриша заплакал, но отец поднял его на руки и подкинул над собой. Он же настоящий русский богатырь. Папа прижал заплаканное лицо мальчика к своему и прошептал на ухо: «Мужчины не плачут. Будь мужчиной». Но Гриша не мог остановиться и сквозь слезы сказал: «Я не мужчина, я еще мальчик». «Это не важно, – ответил папа, – мужчиной можно быть в любом возрасте».

Через полгода пришла печальная весть, что папа Гриши геройски погиб. Тогда тетя Марта стала жить, как она сама говорила, «на два дома».

Прошло время. Однажды вечером Гриша зашел в комнату папы. Над письменным столом висела картина. Этот мужчина ему казался знакомым, но не папой, как он представлял раньше. Вроде он видел уже эту картину в каком-то учебнике. Он долго смотрел на нее, потом снял и перевернул. На обратной стороне прочитал: «Павел Дмитриевич Корин. «Александр Невский». А ведь когда-то он думал, что это папа.

Григорий как-то осознал, что перестал создавать волшебные истории, которые ушли из его

жизни внезапно. Но ему стали нравиться книги мамы, они уже не казались ему скучными. Слова оказались важнее картинок.

Вот старая радиолa. На самом дне комода, среди множества пластинок, он нашел ту, на которой было написано: «А.С.Пушкин. Поэма «Руслан и Людмила», бережно вложил ее в проигрыватель и поставил иглу на край черного круга.

И когда незнакомый женский голос читал эту поэму, перед ним возник образ мамы, он вспомнил строчки:

«То был Руслан. Как божий гром,
Наш витязь пал на басурмана;
Он рыщет с карлой за седлом
Среди испуганного стана».

И Гриша понял, почему эту поэму так любила его мама. «Руслан и Людмила» – это история любви его родителей, только не волшебная, а настоящая. История о том, как Руслан потерял свою Людмилу, но не потерял себя.

Виктория Шматко

НЕПРОСТЫЕ СЛОВА

Дорогой читатель, давай на время перенесемся из шумного города в тихий безлюдный лес. В нем и будет происходить история, которую я тебе непременно поведаю.

Наш герой – молодой кабанчик Пятно – сейчас резвится на лесной полянке, бегая за различными насекомыми, совсем позабыв о поисках еды. У него мощные бивни и острые зубы, а на боку красуется большое белое пятно (благодаря ему он и получил свою кличку). Несмотря на свой юный возраст, Пятно – сильный и ловкий, а также отличный добытчик пропитания для всей многочисленной кабаньей семьи, что вызывает в

нем сильное чувство гордости, а временами, даже некоторого превосходства по отношению к другим членам семейства.

В этот раз Пятно преследует большую яркую бабочку, но через какое-то время все же упускает свою «добычу», но не беда, он тут же переключает свое внимание. Теперь его привлекло пестрое тельце, лежащее под дубом. «Ага! Это птица! Зяблик! Сейчас-то я ее поймаю!» – и Пятно, пригнувшись, начал тихо приближаться, чтобы не спугнуть пернатого. Но, к его удивлению, птица оставалась неподвижна, только изредка пыталась взмахнуть крыльями, но безуспешно.

– Ты чего тут лежишь, почему не летаешь? – спросил Пятно у птицы, подбежав к ней уже без азарта охотника.

– Не могу, крылышко болит. Около ручья растет целебный мох, он должен мне помочь, правда, своими силами мне до него не добраться. Ты сможешь мне помочь? – грустно ответил Зяблик. Птица взглянула на рану и с надеждой обратилась к кабанчику.

«Кто знает, сколько он еще протянет тут в одиночестве, а если хищник встретится – то считай уже, мертв!» – задумался Пятно. Были у него сомнения: идти к ручью далеко, да и особо не хотелось, но сочувствие помешало бросить беспомощную птицу здесь.

– Хорошо, я помогу я тебе! Залезай на меня! – он развернулся спиной к птице.

Путь тернист, но нашему кабанчику было все по силам, и вот уже они у ручья. Найдя укромное место под корягой, Пятно аккуратно «высадил» больного зяблика.

– Ладно, пернатый, говори уж, где твой мох искать! – хрюкнул недовольно кабанчик, ему ужасно хотелось закон-

чить уже возиться с птицей и заняться своими «делами».

– Он растет в укромных местах под камнями. У тебя же нюх хороший, отыщи его, дальше я сам, не хочется тебя больше утруждать, – виновато пропел Зяблик. Пятно незамедлительно приступил к поиску, и результат не заставил себя долго ждать. Скоро мох уже лежал около птицы.

Кто же знал, что с этого момента Пятно будет помогать Зяблику добывать мох. Каждый день кабанчик приносил не только лекарство, но и прихватывал для пернатого больного жирных червячков и жуков, которые ему попадались по дороге к ручью. Прошло время. Действительно, крыло у Зяблика зажило, и он снова мог летать, как и прежде.

– Спасибо тебе, Пятно, без тебя бы я не выжил. Я обязательно отвечу добром за твое доброе ко мне!» – искренне просвистел Зяблик.

– Чем же ты сможешь мне отплатить, пернатый? Мне ничья помощь не нужна! Ты же знаешь, какой я сильный и ловкий, – усмехнулся в ответ Пятно. На том они и простились.

Времена года меняли друг друга, лесная жизнь не стояла на месте, и вот уже наш милый и озорной друг Пятно превратился во взрослого отца семейства. Конечно же, он забыл о той истории с Зябликом, да и зачем о ней вспоминать, у него и так много повседневных хлопот и обязанностей, теперь он отвечает не только за себя, но и за свою семью. Но Зяблик помнил о своем обещании! Его зоркие глаза следили за Пятном и его жизнью. Прилетая с приходом тепла или устремляясь на юг с приближением первых заморозков, Зяблик здоровался и прощался со своим другом на своем «птичьем» языке. Но

Пятно, конечно же, не замечал этого, да и некогда ему смотреть в небо или на деревья и слушать пение каких-то пернатых, не по-«кабански» это.

Новое утро в лесу началось как всегда шумно и хлопотно. Пятно с семейством уже в поисках желудей в рощице. Зяблик в очередной раз «поздоровался» с другом и устремился по своим птичьим делам. Он нашел чудесный трухлявый пенек на окраине леса, где много жуков, гусениц и долгоносиков – настоящее застолье! Вот уже и большой жук выбрался из пня, редкая удача. Зяблик своим крепким клювом уже начал пробивать панцирь у своей добычи, как вдруг он услышал шум. Прислушавшись, он понял, что это людские голоса и лай собак. Сразу же промелькнула мысль: «Неужели охотники?! Здесь? Надо срочно проверить!» Он разжал лапку, жук поспешил воспользоваться моментом и тут же скрылся в пне, но это Зяблика уже не волновало, он устремился в сторону пугающих звуков.

Действительно, на окраине леса были люди, группа охотников с собаками. Они вели себя очень шумно и нагло, расчехлили оружие, и было видно, что уже готовились идти в лес в поисках добычи. Это браконьеры! В машинах, располагающихся неподалеку, были видны туши убитых животных, но этого им было мало, они хотели еще! Зяблик понял, что надо предупредить Пятно и его семейство. Может случиться большая беда, если собаки выйдут на них. Зяблик знал, где искать Пятно, у большого дуба на полянке. Быстрее туда!

На полянке, рядом с большим дубом, вольготно развалившись, грел на солнышке свое сытое брюшко Пятно. Рядом разлеглись его поросья-

та-Пяточки, мама-Хрюня все еще занималась поиском еды, роя землю клыками неподалеку. Приятную дрему нарушило резкое чириканье какой-то маленькой надоедливой птицы. Она сначала кружила над Пятном, он же в своей манере не обращал на нее никакого внимания. Потом птица бесцеремонно села ему на ухо: «Вставай! Быстрее просыпайся, сейчас на поляну прибегут собаки, они вот-вот учуют ваш след, а с ними браконьеры, у них ружья!» – чирикала птица. На словах «браконьеры» и «ружья» Пятно открыл широко глаза и вскочил. Он знал, чем это грозит для него и его семьи.

– Что? Откуда ты знаешь? Я ничего не слышу! – кричал Пятно на Зяблика. Хотя нет, теперь он уже начал разбирать в звуках леса лаянье собак.

– Времени очень мало, Пятно, соберись! Я – Зяблик – птица, которую ты спас когда-то!

Пятно удивленно смотрел на птицу, ничего не понимая. Что делать, куда бежать, где укрыться самому и спрятать свое семейство? Он – быстрый, сильный, взрослый кабан и вдруг растерялся.

– Пятно, бегите к ручью, чтобы сбить след собак. Помнишь мое укрытие, в которое ты положил меня? Ты сможешь укрыться там, только быстрее, не теряй времени! – чирикал Зяблик.

Пятно очнулся, рядом уже были Хрюня и Пяточки, все окружили его и смотрели, жалобно пища. «Все за мной!» – крикнул Пятно. И побежал к ручью.

Лаянье собак становилось все более отчетливо, слышались звуки выстрелов. Пятно вывел семью к ручью, потом они стали спускаться вниз по течению, хорошо, что ручей не глубокий и Пяточки смогли бе-

жать сами. Дальше вода стала подниматься, поросята были уже в воде по мордочки. «Где же это укрытие? Оно же должно быть где-то поблизости. Вот эта коряга, старое наклонившееся дерево, – мелькали воспоминания в голове, – вот оно! Наконец-то! Нашел, спасительное укрытие Зяблика. Семья – все сюда!» – хрюкнул Пятно. И все залезли под старую корягу.

Отдышавшись и осмотревшись, Пятно заметил, что они не одни искали спасения на берегу ручья. На противоположной стороне, спрятавшись в тростнике, в воде замерла молодая косуля. Повисло напряжение, время как будто остановилось. Лай собак то приближался, то удалялся, грохот от выстрелов доносился до ручья, было ясно – охота была в разгаре.

Через какое-то время лай собак стал нарастать, Пятно понял: браконьеры взяли след. Времени оставалось мало, скоро люди найдут их укрытие, и тогда не спастись никому. «Пора прощаться, семья, – сухо сказал Пятно, – Хрюня, береги поросят. Я уведу собак вглубь леса, как можно дальше от вас, буду бежать, сколько хватит сил». Пяточки притихли, облепив со всех сторон Пятно, каждый старался как можно теснее прижаться к нему. Хрюня тихонечко скулила, уткнувшись в его шею. Еще минута, и собаки выйдут к месту их укрытия, пора бежать.

В эту секунду из тростника выскочила косуля. Пятно показалось, что она специально дала увидеть себя своре собак, и только затем быстрыми прыжками скрылась в чаще леса. Собаки взяли след, охотники, весело присвистывая и предвкушая добычу, последовали за ними, все удаляясь

вглубь леса. Опасность для семьи миновала.

Наступал вечер, звуки охоты уже давно стихли, но Пятно с семьей все еще не покидали укрытия. Он все чего-то ждал, всматриваясь вглубь леса. Вдруг на противоположной стороне он заметил движение. Пятно вышел на середину ручья и ухмыльнулся, это та самая косуля.

– Я так рад, что все обошлось! Спасибо тебе большое! Ты спасла меня и мою семью! Я твой должник, говори, чем я могу тебе помочь! – прохрюкал Пятно с чувством глубокого уважения к косуле.

– Да, я довольно быстро оторвалась от этих глупых собак, я же самая быстрая в этом лесу! – надменно сказала Косуля. И продолжила:

– Хм, ну чем ты можешь мне быть полезен? Бывай!

– Постой, как тебя зовут? – прохрюкал вслед убегающей косуле Пятно.

– Лана, – прозвучал ответ из леса.

– Лана, я обязательно отвечу добром за твоё доброе, которое ты совершила для меня и моей семьи, – тихо прохрюкал Пятно.

Что-то знакомое было в этом разговоре, конечно, он напомнил Пятно самого себя некоторое время назад и маленькую птичку, которую он спас. «Кажется, я был такой же когда-то, как эта молодая косуля», – тихо прохрюкал сам себе Пятно. «Зяблик! – как вспышка молнии в его голове возник образ птицы, – он все это время был рядом! И как я не замечал его?» Необычное ощущение теплоты разлилось в его кабаньем сердце. «Он наблюдал за мной и в трудную минуту оказался рядом. Он выполнил данное обещание, о котором я так быстро забыл».

Теперь Пятно испытывал сильное чувство стыда за своё пренебрежение к маленькой, верной своему слову птице. «Ничего-ничего. Я все исправлю! Кажется, я знаю, где его искать!» – и тут же бросился в чащу леса со всей скоростью, на которую был способен.

«Семья, догоняйте! Все на поляну к большому дубу! Мне нужно срочно увидеть и поблагодарить своего старого пернатого друга!» – громко хрюкал Пятно своему ничего не понимающему семейству.

Солнце уже почти село, а у большого дуба, на лесной полянке, большой взрослый кабан лежал на траве, а рядом с ним на ветке сидела маленькая птичка. Кабан весело катался по траве и повизгивал, как маленький поросенок, а птица что-то насвистывала ему в ответ.

Вероника Якименко

ГЕРОЕМ КАКОЙ КНИГИ Я МОГЛА БЫ СТАТЬ?

Начну с того, что до сегодняшнего дня я не задумывалась над этим вопросом. Да, частенько приходилось сопереживать героям любимых произведений, наверное, даже иногда представлять себя на их месте. При этом никогда не возникало вопроса: а как реальная я ужилась бы с персонажами той или иной книги?

Погруженная в свои сомнения, я решила спросить совета у старшего брата. Мельком взглянув на монитор компьютера, где красовались итоги первого этапа конкурса, он буркнул: «Отстань!», и снова уткнулся в телефон.

– Нет, скажи, героем какой книги я могла бы стать, – я снова развернула его к столу.

– А, не знаю, наверное, что-нибудь про принцесс, – усмехнулся брат.

Вот опять! Принцесса! Надо сказать, что я – единственная девочка в семье и это делает меня какой-то особенной. Старшие братья всегда очень снисходительно относились к моим промахам, подчеркивая при этом, что «я же девочка». Длинные светлые волосы, множество кружевных платьев и прочих «девчачьих» мелочей завершали образ. При этом я никогда не чувствовала себя нежной и возвышенной. Сказкам я предпочитала приключенческие романы, моим кумиром всегда была Алиса Селезнева из многочисленных произведений Кира Булычева. А недавно я поймала себя на мысли, что откровенно завидую путешественникам, которые бороздят морские и космические просторы различных книг, и была бы не прочь составить им компанию.

Если говорить о конкретной книге, то пусть это будет «Коралловый остров» Роберта Баллантайна. Справедливости ради надо отметить, что это мог быть любой приключенческий роман, но в «Острове» мореплавание совершается без контроля со стороны взрослых, а иногда так хочется стать немного самостоятельнее, хотя бы на страницах старой книжки. Итак...

Похоже, нас выбросило на берег. Странно, насколько я помню, еще несколько страниц назад мне на глаза попадалась фраза «ничего не предвещало беды». Хотя лично мне ни разу не доводилось читать о каких-либо «сообщениях» от беды, которая вежливо предупреждает о своем приходе и советует быть осторожнее в такое-то время. По пути нас могли подстергать две из них: голод и

шторм. Еды мы запасли даже с излишком, а вот со стихией наша начинающая команда мореплавателей не справилась. Да, не повезло. Не зря ребята не хотели брать меня с собой. Похоже, женщина на судне действительно приносит несчастья.

Размышляя таким образом, я поняла, что чудом осталась жива после кораблекрушения. Приподняв голову, я обнаружила себя в компании бутылочных осколков, деревянных щепок и вездесущего песка. В пределах видимости не было ни одного живого существа, и тогда я действительно испугалась. Где мои спутники? Что с Ральфом, Джеком и Питером? Откинувшись обратно на песок, я почувствовала сильное головокружение.

Солнце, недавно появившись на небосводе, как будто специально целилось мне в лицо. Волны накатывали оглушающе громко. С трудом повернувшись и увидев в осколке свое отражение, я несколько секунд любовалась на разлившийся под левым глазом огромный синяк. Невольно улыбнулась, вспомнив, как несколько дней назад, мечтая о путешествии, я представляла себя на прекрасном острове в белом легком платье, которое треплет ласковый ветерок. Видела восхищенные взгляды ребят, которые уже давно пожалели, что отказывались взять меня с собой. Подкатившая к горлу тошнота заставила меня вернуться к реальности.

Прошел еще час, а может быть целый год, когда я, наконец, увидела Ральфа. До моего спасителя было далеко, и я предприняла решительную попытку подняться. Создавалось впечатление, что у меня сломаны абсолютно все кости, но лежать дальше я не могла,

так как боялась, что меня не заметят. С героической задачей встать на ноги я справилась лишь наполовину. В конце концов, сдавшись, я на четвереньках поползла в сторону размытого силуэта. Но как только я приблизилась настолько, чтобы окликнуть друга, он развернулся и скрылся в зарослях.

– Эй, куда же ты, – прошептала я в бессилии.

Спустя некоторое время, я все же добралась до леса. Повсюду из земли торчали могучие корни деревьев, напоминая лапы окаменелых драконов. Изумрудные листья блестели в лучах солнца. Окружающая меня обстановка резко отличалась от моего состояния. До меня стало доходить, что этот «открыточный» пейзаж во многом виноват в том, что мои мечты уносили меня именно на необитаемый остров. Сейчас же я сердилась на себя из-за такой недалекости.

– Ну что, вставай, это тебе не Изумрудный город. Страшила, Отважный лев и Дровосек не придут на помощь, – зло подумала я, – хотела приключений – пожалуйста, получи и распишись.

С трудом поднявшись на ноги, я снова отправилась искать ребят. Деревья ничуть не помогали мне в этом поиске, от их стволов веяло еще большим жаром, чем от перегревшейся земли. И тут мне в голову пришла мысль, что, возможно, не стоит искать своих спутников. У мальчишек в книге была вполне определенная история, которая успешно обошлась без меня. Ведь я здесь только для того, чтобы почувствовать себя героиней приключенческого романа. Я шумно выдохнула и повернула обратно к берегу.

Вечерело. От воды тянуло холодом. Скажу честно, я даже не пыталась соорудить себе

жилище или развести огонь. Оказывается, это только в книгах все понятно и просто. Мы точно знаем, как найти пищу или спастись от хищников, и все это, сидя в уютном кресле с чашкой чая. Я приготовилась замерзнуть или обессилеть от голода. Мне стало так страшно, что я даже не могла заплакать. И тут вдаль я увидела корабль, который плыл прямо к острову. Через пару минут от борта отделилась шлюпка, которая стремительно понеслась к берегу. За пару метров до суши из нее выпрыгнул мой брат и подбежал ко мне. Я забралась к нему на руки, а он говорил что-то успокаивающее. Я практически не слышала его из-за шума волн, но до меня четко донесся обрывок фразы: «...говорил же, что лучше принцессой».

Так хочется закончить мой рассказ словами: «А потом я проснулась». Но нет. Наоборот, я уснула. Грезы рисовали картины, удивительно похожие на реальность. Наверное, я совсем запуталась, определяя, что из этого было на самом деле, а что оказалось сновидением. Одно я поняла четко: примерять на себя судьбу героев книг нужно с большой осторожностью.

Оказывается, мне очень нравится быть просто Вероникой, а не капитаном пиратского корабля. Мне нравится быть младшей сестренкой сильных и умных братьев. А теперь еще понравилось внимательнее относиться ко всему, что нас окружает в реальной жизни, ведь она порой интереснее самого увлекательного романа. Может быть, когда-нибудь я напишу об этом свою книгу, а кто-то захочет на полчаса стать ее героем. А пока останусь просто читателем, который наблюдает за литературными героями, не пытаюсь повторить их героические поступки.

В

ТЕНИ ЭЛЬСИНОРА

Танюше, моей единственной

Александр БОЛЬНЫХ

Член Союза писателей России
с 1993 года.
Лауреат литературной премии
им. Александра Беляева.
Родился 1 февраля 1954 года
в Таллине.
Живет в г. Екатеринбурге.

Город нервно передернул плечами. Понятно, что никаких плеч у него не было, но серые крепостные башни Вана Валькириелинна совершенно не любили холодный и промозглый дождь Ёстерхёна, или как его там сейчас называют пришельцы? Итямери или Паалтиikka... Тьфу. Неприятная морось настраивала на мрачные философские размышления. Триста, четыреста, пятьсот лет пролетели для него в одно мгновение, город никуда не спешил. У него свое время, у людей свое, и они никак не пересекаются. Люди приходят и уходят, а город остается. Хотя... Они же глупы до невозможности, не в состоянии почувствовать и увидеть, что прячется за серым камнем. Кое-кто из них кажется ему любопытным и смешным. Фантазеры. Однако они хотя бы пытаются понять то, что город нашептывает им по ночам. Впрочем, там гораздо больше их собственных фантазий, выдумок и страхов. Город не пытается пугать их, они ему, если говорить честно, почти безразличны. Но только почти. Эти фантазеры ему чуточку симпатичны, жаль только, что с возрастом это очень быстро проходит. Почему-то, взрослея, они все теряют возможность слышать и видеть то, что Город Валькирий может и готов показать, следует только открыться ему навстречу. А ведь он каждому показывает ту легенду, которая человеку больше всего по душе, благо за девять веков истории город накопил историй и легенд более чем достаточно.

Сашка скрипнул зубами и нервно поежился. Весна была не-

жаркой, да и погода подкачала. Увы, не было ни чистого неба, ни блеклого балтийского солнца, все закрыли мутные серые тучи. Не рваные черные, которые могут в любую минуту разразиться бурным ливнем под сверканье ветвистых молний-мечей и раскаты грома, ведь после грозы остается отмытая до блеска голубизна. Нет, это была равнодушная, беспросветная серая хмарь, без единого крошечного проблеска, способная скрывать небо и солнце днями и даже неделями. А это означает, что в замке его не ждет ничего хорошего. Только такая же серая безнадежность.

Он любил приходить сюда, тем более, что от их дачи до Гамлетовой горы не было и получаса ходьбы. Мальчишкой он частенько бегал сюда, особенно если вместе с ним были приятели. Играть в самом настоящем рыцарском замке было невероятно интересно, это вам не замшелые стены Домбергета, откуда полиция нещадно гоняет пацанов, во избежание, так сказать. Еще сверзится кто-нибудь со стены, а отвечать придется патрульным, не уследили. Зато здесь было настоящее приволье.

Откуда замок рядом с дачным поселком? Нет, бароны фон Кегель, которым принадлежал соседний городок, не построили здесь замка. Он остался после съемок фильма «Гамлет» и изображал датский королевский Эльсинор. Замок, понятно, не настоящий – картон, брезент, бревна и доски, но это только если потыкать пальцем. А издали он смотрится очень даже впечатляюще, особенно донжон, горделиво венчающий довольно кру-

той холм. Сашка даже прочитал несколько пьес Шекспира, хотя больше всего ему понравились сонеты, даже сам попытался написать кое-что в подражание. Не догадываетесь, почему парня семнадцати лет вдруг потянуло на поэзию?

Ему нравилось сидеть на стене, которая выходила к берегу моря, и смотреть на лениво ползущие серо-голубые волны. Думалось здесь особенно хорошо, а мечталось еще лучше. Вот если бы он сам попал в Эльсинор, то наверняка разобрался бы во всем быстрее и жестче мямли Гамлета. Нужно было действовать жестко и быстро, как Пиранья одного известного автора, а не размазывать кашу по тарелке, даром что ли он немного занимался дзюдо. Хотя парень не заблуждался: его умений и силы хватит максимум с гопниками в подворотне разобраться. Ну не профи он, никакой не профи, и становиться им даже не собирался, но ему хватает. Кстати, многие парни в классе тоже балуются подобным спортом, не всерьез, для здоровья и самоуважения, а Харви, кажется, даже разряд какой-то имеет. Жаль только, что кулак или шпага могут решить далеко не все проблемы.

Он передернул плечами, потому что с моря потянуло промозглой сыростью, но уходить не хотелось, поэтому Сашка

поплотнее прижался спиной к небрежно отесанному бревну, изображающему крепостную пушку. Дерево показалось ему странно теплым и успокаивающим, все-таки была в замке капля колдовства, пусть даже самая маленькая. Или он это просто придумывает? Ведь неспроста его сюда тянет, словно какой-то тихий голос нашептывает: «Иди, иди туда. Там ты все увидишь и поймешь». Ни черта он здесь не увидел и не понял, врал незримый советчик.

Хотя... Пришла ему в голову не то шальная, но то вообще безумная мысль. Вот бы отсюда попасть куда-нибудь во времена Шекспира, то есть не во времена, а в какую-нибудь пьесу. И попытаться исправить ее, ведь ничем хорошим эти истории не кончались, вспомнить хотя бы любовь Ромео и Джульетты. И если получится исправить к лучшему что-то там, обязательно что-то исправится и здесь. Сашка даже плечами передернул от невольно пробежавшего по спине озноба, размечтался, глупый. Он читал какой-то фантастический рассказ, в котором герой пытался таким образом поправить свою нескладную судьбу.

Потом он бросил короткий взгляд на часы. Пора возвращаться, а то дома начнутся укоризненные вздохи и понимающие взгляды, от которых делается

еще тошнее, потому что было бы за что укорять и что понимать. Ведь нет, не было ни-че-го. Хотя чего бы он только не дал хоть за самую малость.

Впрочем, кое-какие грешки за Сашкой водились, однако родители о них не подозревали, считая сына невинным паинькой. А что, выглядел он именно так, не о всех приключениях ведь можно рассказывать, не так ли?

Где-то далеко внизу еле слышно шелестел прибор. Ветер почти стих, и слабые волны лениво облизывали гранитные валуны у подножия обрыва, над которым высилась черная громада замка. Правда, сейчас прибрежный утес окутала пелена густого тумана, поднявшаяся до крепостных стен, от этого казалось, что мрачные тяжелые башни плывут в небе над облаками. Действительно, почему бы легендарному замку не подняться над землей с ее низменными желаниями, мыслями, поступками и воспарить туда, где в сияющей голубизне сверкает золотое солнце? Именно там должны жить герои Шекспира, там Гамлет и Офелия могут встретиться с Ромео и Джульеттой, а из высокого донжона на них будет смотреть, улыбаясь, Смуглая Леди Сонетов. Ведь она твердо знает, что однажды придет ее верный рыцарь...

Кажется, он размечтался и задремал на солнышке, нежаркое оно, но в укрытом от ветра уголке оно разморить все-таки может. Во всяком случае, когда Сашка открыл глаза, то первым делом дернулся посмотреть на часы, хотя солнце стояло по-прежнему высоко, значит, прошло не слишком много времени. И дернулся, потому что часов не было! Ограбили, пока спал?! Однако тут он заметил кое-что другое, что сразу развеяло все мысли об ограблении.

На нем был какой-то необычный костюм, средневековый. Правда, Сашка, хоть и много читал о делах давно минувших дней, но никогда всерьез не пы-

тался разобраться во всех этих шоссах, пурпуэнах, сюрко и прочих барбаканах и ламбрекенах. По виду понятно – вот это рубашка, вот это штаны, а как оно точно называется, пусть фанаты-реконструкторы разбираются. Но одежда так, непривычная, хотя и удобная.

После этого он немедленно успокоился, значит, он действительно просто спит, и еще не проснулся. Какие, к черту, тут грабители, кому придет в голову рыскать по медленно ветшающим декорациям?

Однако следует прогуляться, если уж попал в интересный сон, нужно постараться увидеть как можно больше, а, сидя на месте, этого сделать не удастся. Он поднялся и невольно охнул, потому что ноги затекли, и он едва не шлепнулся обратно. Невольно опершись о пушку, Сашка уже совершенно не удивился холоду позеленелой бронзы. Это в декорациях пушки деревянные и нагреваются на солнце, а во сне все будет по-настоящему.

А ведь замок ничуть не изменился, каким он был, таким и остался, только теперь местами продранный и слегка вылинявший брезент заменили серые камни с белесыми прожилками мха в швах кладки. Эльсинор?! «Они плоды бездельницы-мечты, фантазии бесцельной порождение...» Почему бы и не помечтать? И он решительно нырнул в узкий коридор со сводчатым потолком.

Сашка толкнул тяжелую дверь и нырнул в коридор, невольно пощупав холодный ноздреватый камень, сменивший крашенный брезент. Ну так это же сон, чего вы хотите?! Но тут где-то впереди, в полумраке слышались голоса, и он замер. Женский голос. Господи, да что она несет?!

– Прокаркал ворон со стены о злополучном прибытии Дункана. Ко мне, о духи смерти! Меня от головы до пят злодейством напитайте. Кровь мою сгустите, вход для жалости закройте, чтоб

голосом раскаянья природа мою решимость не поколебала.

Это же «Макбет»! Точнее леди Макбет готовит убийство короля. Вот он, удобный случай вмешаться и изменить Шекспира. Вдруг и в настоящем мире что-нибудь изменится? Хотя, с другой стороны, что ему до короля Дункана? И вообще, в жизни класса вроде никаких кровавых злодейств не предвидится. Может, лучше просто постоять, послушать, посмотреть? Однако леди явно идет сюда. Стоит ли попадаться ей на глаза?

Сашка попятился обратно на бастион, но в двери зацепился за порог и полетел кувырком, до крови рассадив левый локоть. И снова оказался на прежнем месте. Вот он, макет Эльсинора, никакой старой Шотландии в помине нет. Только локоть все равно болит. Сашка помотал головой, приходя в себя, снова глянул на часы и заторопился домой, твердо решив, обязательно наведается сюда еще один раз.

Откуда ему было знать, что Ланге Герхард, невидимый из Кегельдорфа, лукаво усмехнулся. Появился еще один настоящий житель Вана Валькириелинна.

Первым уроком была литература, и всю дорогу до гимназии Сашку глодало какое-то нехорошее предчувствие. Сегодня определенно должна была случиться некая неприятность, вопрос только – очень большая или вообще чудовищная. Шум и суэта в классе улеглись быстро, не третьеклашки какие-нибудь, а солидные, взрослые люди. Выпускники.

Поэтому, когда фру Хельга вошла величаво, как всегда, все дружно вскочили. Она милостиво кивнула и поистине королевским жестом разрешила ребятам садиться. Сашка заметил у нее в руках кроме журнала и стопки тетрадей цветастую обложку, и сердце неприятно кольнуло, хотя никаких грехов он за собой не чувствовал.

Фру Хельга разложила на столе классный журнал, тетради и, что было совершенно неожиданно, какой-то тонкий журнальчик в яркой глянцевой обложке. Все вещи легли с метаматематической точностью на привычные места. Сашку всегда удивляло это странное сочетание: глубочайшее знание литературы, от Гомера до Мураками, что вроде бы должно было вести к некоторой богемной небрежности, и чисто прусская тяга к порядку, который больше заслуживал названия орднунга.

– У меня есть очень интересная новость.

– К нам едет ревизор, – прошипел кто-то с камчатки.

– Оставьте вашу неуместную иронию, Адамсон. Еще пара реплик «в сторону», как помечают в сценариях, и у вас появятся проблемы. А новость действительно очень интересная, речь идет о городской олимпиаде по литературе.

Сашка с облегчением выдохнул. Ну да, загнали его туда участвовать для массовки, ни на что он не рассчитывал, это вам не любимая физика. Лично ему литература не нужна и не интересна. Написал что-то, на подведении итогов его даже не упомянули, что парня совершенно не расстроило. Создал фон для признанной литературной звезды Алочки из параллельного, и хватит с него. Зато Алка поедет на региональную олимпиаду, а потом, глядишь, и на до международной доберется. Он просто любит читать, и глотает все, что под руку подвернется, ни на что не претендуя и ни о чем не думая. И вообще это было давно, еще зимой, даже непонятно, почему вдруг фру Хельга вспомнила. Как выяснилось, рано обрадовался.

Фру Хельга ласково улыбнулась, от этой улыбки почему-то невольно хотелось вскочить по стойке смирно и щелкнуть каблуками.

– В комиссии, оценивавшей работы, был главный редактор

юношеского журнала «R + J». Надеюсь, вам не нужно расшифровывать эту формулу? – Мечтательный вздох девичьей половины класса подтвердил, что не нужно, и так все знают, что это «Ромео + Джульетта». – Господин Стром очень высоко оценил одну из работ. При этом он заявил, что по формальным признакам данная работа совершенно не отвечает критериям олимпиады, зато читается как великолепный лирический рассказ. Автор мало опирался на рекомендованную литературу, собственно, кроме названия там от заявленной темы и нет ничего. Поэтому рассказ как олимпиадная работа был оценен очень невысоко. Однако всех восхитила его оригинальная идея, лиричность и своеобразный красочный язык. Практически вся комиссия сожалела, что не выполнены формальные требования. Однако, как говорится, закон суров, но это закон.

Вот это уже заинтриговало. Класс, приготовившийся было снисходительно выслушать лекцию о современной литературе, насторожил ушки. Похоже, их ждал настоящий сюрприз.

– Так вот, господин Стром решил, что рассказ «Гамлет из Кегельдорфа» вполне заслуживает публикации в его журнале. Журнал – это не газета, поэтому прошло некоторое время, и вот, в последнем номере этот рассказ был напечатан.

Сашка громко икнул. Так громко, что все оглянулись на него. Фру Хельга кивнула.

– Да-да, Токарев, ты совершенно прав. Это твой рассказ.

Сашка непроизвольно встал и промямлил:

– Но я не... И вообще... Ошибка какая-то... Э-э...

– Тем не менее, поздравляю с первой публикацией. В твоём возрасте это удавалось очень немногим. Разумеется, «R + J» – это всего лишь юношеский журнал, однако путь в тысячу миль начинается с первого шага.

Сашка отчаянно замотал головой:

– Я не хотел! И не хочу. Я не виноват, что у нас дача рядом с Кегельдорфом, я просто написал, что видел в замке. Я вообще жду олимпиаду по физике.

– И тем не менее, твой рассказ опубликован. Редактор попросил передать тебе три авторских экземпляра. Он добавил, что написано очень реалистично, можно подумать, что ты сам видел все это собственными глазами. Он вообще желал бы с тобой познакомиться.

– Нет, – выпалил парень, не успев осознать, что именно говорит.

– Почему? – не поняла фру Хельга. – У тебя ведь определены литературные способности, которые следует развивать. А физика не волк, в лес от тебя не убежит. Одно другому не мешает.

– Нет, – набычился он.

– Почему?!

– Я не хочу об этом говорить.

У Сашки ноги подкосились, и он рухнул на стул. Вот как ему аукнулись визиты на Гамлетову гору! Он втянул голову в плечи и украдкой посмотрел вправо. И в ее глазах не заметил даже тени радости, что было просто ужасно. Ах, если бы можно было что-то изменить...

После уроков Сашка решил перехватить Астрид и все-таки поговорить, однако она сделала вид, что не замечает его. Быстро сбежала с крыльца и выскочила за ограду, не дожидаясь подруг, а парня вообще обошла, как фонарный столб, отчего он растерянно заморгал. Потом даже глаза ладонью закрыл, словно солнце его ослепило, хотя в действительности его рассеянный свет едва пробивался сквозь голубоватую дымку, затянувшую блеклое прибалтийское небо.

Сашка поколебался немного, потом сорвался с крыльца и побежал следом, не заботясь о том, насколько глупо он выглядит сейчас. Догнав, он схватил ее за руку.

– Подожди.

– Зачем? – не оборачиваясь, поинтересовалась она и отдернула руку.

– Нам надо поговорить.

– О чем и зачем?

– Астрид, я не понимаю, что случилось. Ведь мы же с тобой не ссорились. В чем дело.

– Не понимаешь?

– Нет.

Сашка снова сжал ее ладонь и почти что силой потащил за собой. Девушка от изумления даже не сопротивлялась, настолько это было необычным для всегда сдержанного и робкого Сашки. Внутри поднималась волна протеста, и все-таки она шла, как привязанная. Когда они завернули за угол, на улицу, ведущую к рынку, Сашка сам отпустил ее.

– Прости, пожалуйста, – проговорил он. – Я так обычно не делаю.

– А как делаешь? – мрачно-то спросила она.

– Ну... я... это... – вконец смешался он.

Астрид скептически посмотрела на него и двинулась дальше. Парень дернулся было забрать ее сумку, как и положено, но не решился. Вместо этого он просто пристроился сбоку, поглядывая на девушку, покусывая губу, придумывая, что сказать, но в голову, как назло, не приходило совершенно ничего. Он все-таки решился снова тронуть ее за руку, но девушка дернулась, словно ужаленная.

– Ты что себе позволяешь? – сорвалась она. – Теперь все будут считать нас парой! Ты об этом подумал? Хотя ведь ничего не было и не будет!

– А вдруг? – промямлил он, проклиная собственную нерешительность.

– Зачем вдруг? Тебе сколько сегодня записочек набросали, литературный гений? Первые красавицы класса, а завтра, когда все узнают, вообще такое начнется...

Сашка побагровел. Записки действительно были, материализовались на парте ниоткуда во время перемены. Только не чи-

тал он их, честное слово! Даже не смотрел, скомкал и сунул в карман, хотя, понятно, следовало вообще выкинуть. Но рука не поднялась. Но вот и двор, где живут двое одноклассников, хороший двор, большой. Будем надеяться, что у Яана и Вовки найдутся дела, и они припрутся домой не сразу.

– Скажешь еще.

– Нет, это ты скажи, – она остановилась и повернулась к Сашке, на щеках у девушки выступили нервные пятна. – Зачем ты ходишь за мной? Ты же прекрасно знаешь, что я тебе не пара. Будущее светило физики, а теперь, как выяснилось, еще и писатель. А я самая простая. Вот Полина Сергеевна говорит, что надо по себе сук рубить. Так что ищи себе подружку среди первых красавиц.

Сашка едва не подавился.

– Что ты несешь?! Ты на меня, на меня посмотри! Красавец-мужчина, секси-блонд в штанах, гренадерский рост, кудряшки до плеч и голубые глаза в обрамлении пушистых ресниц. За что ты меня так?!

– Видишь, даже сейчас не можешь удержаться от красочных сравнений, – горько усмехнулась она.

– Какие еще сравнения, – скривился он. – Нормальный язык. Ты ведь не ждешь от меня «зыкай сюды, как клево»?

– Ну, конечно нет, – смутилась она.

– Слушай, а кто такая Полина Сергеевна? Ведь твою мать зовут иначе.

Астрид пристально посмотрела ему прямо в глаза, но у Сашки от этого сурового взгляда почему-то лишь сладко заныло сердце. Хоть так, но ведь заметила!

– Ее дочь учится в параллельном, и они живут в соседнем доме, поэтому мы с ними знакомы. Наверное, ты знаешь Галку? – Сашка помотал головой. – Полина Сергеевна преподает в университете, но не в этом деле. Мы с ней часто видимся, она помогает

нам с Галкой готовится к институту. И она очень умный человек, еще ни разу не посоветовала дурного.

– Но, может, лучше решать самой?

– Так она никому не навязывает свое мнение, просто призывает трезво смотреть на жизнь, не предаваться бессмысленным мечтаниям.

Сашка вспыхнул.

– Так я глупый мечтатель?

– Нет, ты очень умный мечтатель, – усмехнулась Астрид. – Пожалуй, даже слишком умный.

– А физику иначе нельзя. Знаешь, решить поставленную задачу может любой. А вот поставить задачу могут немногие.

Астрид изумленно подняла брови.

– Вот ты какой, – протянула она, оглядывая Сашку, словно впервые увидела его.

Он смутился и сбивчиво пробормотал:

– Давай в воскресенье сможем к Кегельдорф. Хочу тебе кое-что показать, ты удивишься. И увидишь, что иногда мечты воплощаются в реальность.

– Какие речи, – она дернула уголком рта.

Сашка совсем сник.

– Ну, пожалуйста...

– Ладно, я подумаю. Но ничего пока не обещаю.

На следующий день, благо, в субботу было всего четыре урока, Сашка прямо из гимназии помчался на автовокзал, он तो ропился в замок. Он очень хотел прорваться в мир Шекспира, не задаваясь глупым вопросом: реальность это, сон или мечта. Он должен, просто обязан, кровь из носа обязан, побывать там. Вдруг получится подготовить завтрашний визит, как-то настроить этот переход на нужный лад?

Сашка ненадолго задумался: куда он попадет на этот раз? Угрюмый замок отличался совершенно непредсказуемым капризным характером и каждый раз подбрасывал сюрприз. Казалось бы, он просто обязан

следовать своему прообразу и предлагать ту или иную сцену из «Гамлета». Так ведь нет! Создавалось впечатление, что замок совершенно наугад берет с полки тот или иной том Шекспира и, совершенно не глядя, открывает его. В результате парень попадал то в Эльсинор, то в Дунсинан или Тауэр. Мог оказаться в Венеции рядом с Шейлоком и даже эльфийском лесу у Оберона. Вот бы попасть в «Укрощение строптивой», самое подходящее сейчас.

Вылетев на бастион, он плотно, до рези, зажмурил глаза и стиснул кулаки так, что ногти впились в ладони. Голова закружилась, и в лицо дохнуло влажной прохладой. Когда парень открыл глаза, то обнаружил, что на нем темно-синий колет с серебряным шитьем, белая шелковая рубашка, синие шоссы (узнал наконец, как называются средневековые колготки!), но при этом почему-то на ногах остались кроссовки «Найк Эйр Джордан», мало гармонирующие со всем остальным. Хорошо еще синие они почти сливались с шосссами, если не приглядываться, вполне можно принять за какие-нибудь старинные башмаки. Кстати, почему-то они каждый раз оставались, хотя одежда менялась обязательно.

Привычно толкнул массивную почерневшую дверь и юркнул в коридор. Остановился, прислушиваясь. Сашка еще ни разу не пытался ломиться, очертя голову, и вмешиваться в события, предпочитал прислушиваться и подглядывать. Не очень красиво, но иначе ведь не назовешь, не в театре.

И за первой же дверью справа по коридору он услышал негромкий разговор, мужчина и женщина. Неужели Ромео и Джульетта? Вот интересно послушать, о чем говорят влюбленные, как расточают сладкий яд посул... Тьфу, Сашка потряс головой. Кажется, он начинает заговариваться в стиле героев Шекспира, правильно его Астрид упрекну-

ла. Осторожно, чтобы дверь не скрипнула, он приоткрыл ее пошире и приник к образовавшейся щелке. Нет, это явно не Гамлет, и вот других девушек, кроме Офелии, в Эльсиноре не встретить.

– Сестра, ты не должна поддаваться на уговоры принца. Он, может, сейчас и говорит совершенно искренне, и сам верит в то, что говорит, но это только здесь и сейчас.

– Он говорит, что любит, и верю я ему.

Сашка едва не хлопнул ладонью по лбу. Лаэрт и Офелия! Как он сразу не понял.

– Нет, ты не понимаешь. Принцы не вольны в своей судьбе, и самого рождения они рабы короны. Не вольны в своем выборе.

– Но я его люблю!

Странно как-то, почему они не говорят стихами. Хотя, с другой стороны, зачем героям сновиденья повторять Шекспира? Кстати, интересно, а на каком языке они говорят? Староанглийском, как у Шекспира или вообще на стародатском? И почему Сашка их прекрасно понимает? Но вопрос как пришел, так и ушел. Мало ли какие еще чудеса случаются во сне, не стоит попусту ломать голову.

– И напрасно. Его судьба с твоей никак не связана. Да, он говорит тебе слова любви, но будь умна и верь им лишь настолько, насколько принц может их оправдать.

– Я тебя не понимаю.

– Точнее, не хочешь понять. Пока он говорит о невинных поцелуях, он честен, но скоро он захочет большего, и горе, если ты ему поддашься. Будь умна и переломи себя. Первая любовь приходит и уходит, тем она и хороша. Она всегда остается сладким воспоминанием, светлой мечтой.

– Но мы любим друг друга.

– Тем лучше, тем слаще будут воспоминания. Только не открывай сердце слишком широко и не позволяй себе слишком много. И ему...

Сашке это было очень неприятно слышать, потому что напомнило кое-что из его собственного прошлого. И тут вдруг на ум опять пришла смешная идея. А что если попытаться вмешаться? Вдруг у него получится что-то изменить в пьесе, после чего что-то поменяется в реальности? Как же звали автора того рассказа? Фантастов ведь хлебом не корми, дай только возможность порассуждать насчет вариативных реальностей. Надо сказать, что фантастику Сашка любил, пожалуй, побольше, чем Шекспира. Причем фантастику на грани легкого сумасшествия, вроде «Космического госпиталя» или «Огненного цикла». Безумные научные идеи – это ведь очень интересно! Что поделать, ну вот такой у него вкус недоразвитый.

Но Офелия ответила, и впервые он услышал классический шекспировский текст:

– Я стражем сердца моего поставлю урок твой добрый. Только, милый брат, не будь как грешный пастырь, что другим указывает к небу путь тернистый, а сам, беспечный и пустой гуляка, идет цветущею тропой утех, забыв свои советы.

И ведь точно! Блюститель чужой нравственности Лаэрт показал себя пьяницей и гулякой, которого чуть извиняет то, что он попал из суровой Дании в полный всяческих соблазнов развеселый Париж. И тут Сашку словно бес под локоть толкнул, он рывком распахнул тяжелую дверь и шагнул в комнату. Не смог больше оставаться посторонним зрителем, уж очень это напомнило ему его собственную ситуацию.

– Не слушай его, ты еще тысячу раз пожалеешь! – выпалил он.

Лаэрт и Офелия уставились на него, как на привидение, даже рты раскрыли, отчего лица их стали преглупыми.

– Т-ты кто? – запинаясь, выдавил Лаэрт.

– Неважно! – огрызнулся Сашка и обратился к Офелии: – Не слушай его! Ты же от самой

себя отрекаешься, сама свою судьбу коверкаешь!

Офелия, слушая его, побеле-ла, Сашка заметил, как у нее на глазах выступили слезы.

– Замолчи! – зарычал Лаэрт, хватаясь за висящий на поясе кинжал. – Кто ты вообще такой?! Как попал в наш замок?!

Сашка невольно отшатнулся, когда перед глазами мелькнуло лезвие. Лаэрт совсем не собирался останавливаться и сделал еще выпад. Сашка зайцем скакнул к двери, вылетел из комнаты и поспешно захлопнул дверь за собой. И тут же послышался гулкий удар, когда Лаэрт врезался во внезапно возникшую преграду.

– Стража! – долетел его дикий вопль – Стража!

Сашка опрометью помчался по коридору обратно на пушечный бастион. Ему как-то совсем не захотелось проверять, что произойдет, если его зарежут в этом сне. Вылетев наружу, он растерянно заморгал, ослепленный ярким солнцем после полумрака в коридоре. А когда проморгался, то понял, что стоит, опираясь обеими руками о старую деревянную пушку, местами еще покрытую бронзовой краской. Эльсинор пропал, осталась декорация.

И снова на нем была привычная джинсовка, никаких средневековых одеяний. Глянув на часы, он понял, что проспал – или пробыл в шекспировской реальности? – совсем недолго. Только все равно пора было возвращаться домой. И он никак не мог отделаться от неприятной мысли: ничего изменить не получилось, даже во сне.

Астрид по телефону предупредила, что будет в гостях, поэтому пришлось идти в соседний дом, хотя этого Сашке смертельно не хотелось. Она уточнила, у кого именно будет, одно это могло испортить настроение все-рвез и надолго. Ничего приятного от предстоящего знакомства он не ожидал, зато неприятностей могло случиться множество. Не

зная человека, он уже заочно невзлюбил его. Почему-то дурные предчувствия его еще ни разу не обманывали, а вот радужные ожидания развеивались с удручающим постоянством.

Поднялся на третий этаж, покрутился перед дверью, нервно сжимая и разжимая кулаки, пытался набраться решимости. Наконец, глубоко вдохнул, резко выдохнул и нажал на кнопку звонка.

Когда дверь открылась, парень с трудом сдержал нервный смех, что было бы абсолютно неуместно. Внешность Полины Сергеевны – а кто это еще мог быть? – просто идеально соответствовала образу классной дамы женской гимназии имперских времен. После слов Астрид он постарался приглядеться к девушкам из параллельного, и статная шатенка Галина произвела на него впечатление. Даже мелькнула мысль, что если бы не, то может и быть. Но, похоже, она удалась в отца, а не в мать.

Полина Сергеевна была невысокой, сухонькой, ее крошечное личико с вытянутым носиком производило не самое приятное впечатление, которое довершала традиционная для классных дам прическа – закрученный на затылке кукиш. Отлично поставленный лекторский голос, с железным лязгом докатывающийся до самого дальнего уголка аудитории, уже не смягчается ни при каких обстоятельствах.

Сашка вежливо поклонился.

– Добрый день. Полина Сергеевна, если не ошибаюсь?

– Совершенно верно. И что вам нужно, молодой человек?

У него в голове вдруг промелькнула безумная мысль: Полина – Полоний. Был такой персонаж у Шекспира, не самый хороший, скажем прямо.

– Я хотел бы видеть Астрид, она предупредила, что будет у вас.

– Зачем?

– Простите, но это я скажу ей, – он изо всех сил старался быть вежливым, хотя давалось это все труднее.

– Она занята и не может встретиться с тобой.

– Но мы совершенно точно договорились.

– Ладно, проходи, – безразлично пригласили его, примерно так приглашают слесаря-водопроводчика. Полина Сергеевна смотрела на него с холодным интересом, как на курицу, которая предназначена для гриля.

Сашка осторожно вошел в прихожую, старательно обогнув хозяйку, так и не пожелавшую посторониться, и замер, не понимая, что делать дальше. Потом сипло откашлялся и позвал:

– Астрид, можно тебя?

Девушка вышла из комнаты в прихожую, и Сашка заметил, что глаза у нее были подозрительно красными.

– Так это и есть тот самый талант, о котором ты мне рассказывала? – бесцеремонно поинтересовалась Полина Сергеевна.

– Да, – прошелестел ответ.

– Понимаю, понимаю, – покивала Полина Сергеевна. – Он и физик выдающийся, и будущая литературная звезда. Гений на взлете.

– А ничего, что я здесь? – спросил побагровевший парень.

– Послушать умных людей никогда не вредно, – отрезала она. – Вы еще слишком молоды и часто не отличаете свои мечтания от реальных возможностей.

– А разве мечтать так уж плохо? – поинтересовался он, краем глаза следя за девушкой, которая молчала, опустив голову, и не пыталась вмешаться.

– Почему же, мечтайте на здоровье, – не стала спорить Полина Сергеевна. – Только ведь мечтами сыт не будешь, и жизнь нужно строить на прочной основе, а не на песке. Терпеть не могу людей со множеством дарований. Это значит, что нет ни одного настоящего.

Сашку словно дубиной по голове ударили, однако он сдержался, повторив заветную фразу:

– Я не хочу об этом говорить.

Настроение парня стремительно летело вниз к абсолютному нулю, и ничего хорошего от предстоящего свидания он уже не ждал.

– Астрид, мы ведь с тобой договорились. Ты идешь? – спросил он.

Она глянула исподлобья и молча кивнула.

– Куда? – подозрительно поинтересовалась Полина Сергеевна.

– В Кегельдорф на Гамлетову гору, – не стал скрывать Сашка.

Полина Сергеевна неодобрительно покачала головой.

– Любимое место всех мечтателей.

Сказано было «мечтатели», но явственно прозвучало «идиоты». Сашка только пожал плечами и потянул Астрид за руку к двери.

– Надеюсь, вы вернетесь до темноты? – успела поинтересоваться Полина Сергеевна, но парень уже толкнул ногой дверь, не желая отвечать.

По пути к автовокзалу Астрид грустно молчала и отворачивалась, не обращая внимания на попытки Сашки заговорить. Даже когда он в полном отчаянии купил у цветочницы роскошную бордовую розу и подал ее девушке, она лишь покачала головой. Сашка судорожно сжал несчастный стебель в ладони и невольно дернул щекой, потому что шипы проткнули кожу.

– Что ты? – впервые спросила она.

– Вот, – промямлил он, протягивая розу на раскрытой ладони, перепачканной кровью.

Глаза девушки расширились, и она прикрыла рот ладонью, словно хотела вскрикнуть, но в последний момент остановилась.

– Наверное, лучше перевязать руку? – тихо предложила она.

– Нет, ерунда. Ни капли не больно.

– Все вы мальчишки такие. Потом распухнет, загноится.

– Не от этих царапин, – усмехнулся он и снова протянул розу.

Девушка неуверенно улыбнулась и взяла цветок. А Сашкино сердце застучало втрое чаще.

Когда они выпрыгнули из автобуса, и Сашка просто не успел подать руку Астрид, почему страшно смутился и покраснел. Ведь так хотелось выглядеть настоящим рыцарем, особенно перед тем, как они попадут в Эльсинор. Девушка искоса взглянула на него, парень покраснел еще сильнее, и еле заметно улыбнулась. За время поездки она немного оттаяла, хотя предпочитала отмалчиваться, только лобовалась розой.

– Ну, что ж, веди. Где тут твое волшебное место? Надеюсь, это не какой-нибудь коттедж? – Она кивнула в сторону дачного поселка.

– Нет-нет, что ты, – заторопился Сашка. – Это совсем другое, только придется немного пройти, место в стороне от шоссе.

– Идем, – согласилась она.

Дорога, которая вела к воротам замка, уже давно заросла травой. Собственно, и дорогой-то ее назвать было сложно, просто именно здесь катались машины киношников: шикарные лимузины с актерами, грузовики с реквизитом и костюмами, тяжелые лихтвагены. Они оставили после себя две заметные колеи, только это было слишком давно, колеи уже почти стерлись. Кто сейчас ездит к заброшенной декорации? Дачники давно все облазили, осмотрели и забыли, разве что ребячьи иногда еще навешиваются сюда. Туристические путешественники даже не упоминали об Эльсиноре, зато скрупулезно перечисляли все места в Старом Городе, где снимался тот или иной фильм.

Сашка подхватил Астрид под руку и повел вверх по холму. Хотелось, конечно, обнять ее за плечи, но что-то помешало. Трусость, наверное? Девушка немного удивленно посмотрела на парня, так как раньше он не решался на подобное, однако руку не отняла. Идти было действительно недалеко, и уже минут через де-

сят они оказались перед воротами замка.

– Это и есть твое волшебное место? – скривила губы Астрид. – Выглядит как-то невзрачно, по-моему, волшебством тут и не пахнет.

– Разве ты не видишь? – чуть обиделся Сашка. – Это ведь замок принца Гамлета.

– Гамлет, Гамлет... – протянула она. – А я-то думала, что это замок фон Кегеля.

– Фон Кегеля? – не понял он.

– Так ведь городок Кегельдорф получил название в честь барона, только все изменилось со временем. Вот раньше был Домбергет, а что сейчас?

– Вот ты о чем, – кивнул Сашка. – Нет, здесь снимали кино по Шекспиру и специально построили ради этого замок. Даже гору стали называть Гамлетовой.

– Декорация, – презрительно сморщила носик она.

– Это как посмотреть, – покачал головой парень. – В конце концов, разве мы не живем в таких же декорациях? Школа, дом, даже сам город... Вана Валькириелинн в действительности одна большая декорация к сказке о девах-воительницах. Ты же знаешь легенды, связанные с ними. Только одни люди даже сказку способны превратить в унылую обыденность, а другие в собственном дворе могут найти лестницу в небо.

– А я кто, по-твоему? – лукаво поинтересовалась она, чуть прищурившись, от чего сердце Сашки застучало вдвое чаще.

– Ты это ты, – очень доходчиво объяснил он. – Астрид, Боже-ственно Прекрасная.

– Прекрати, – строго оборвала она. – Не надо смеяться.

– Почему? – не понял он.

– Я же знаю, что совсем не красавица.

– Врешь! – жарко возразил он. – Ты самая красивая, – Сашка не покраснел, побагровел до кончиков ушей, поняв, что именно сказал. – И родители совершенно правильно назвали тебя.

Ты ведь знаешь, что именно означает твое имя.

– Знаю, – кивнула она. – Но я знаю, что означает твое. Но как и мое, не слишком к месту, так и твое, как мне кажется, не очень соответствует.

– Это почему? – обиделся он.

– Сам подумай.

Сашка надулся и замолчал, только чуть сильнее прижал к своему боку руку девушки. Как оказалось, молчать можно очень выразительно, особенно если время от времени поглядывать на спутника. Во всяком случае, когда они подошли к воротам замка, щеки Астрид слегка порозовели, и она порывисто выдернула руку, не обратив внимания на жалобный взгляд кавалера.

– Н-да... – протянула она, немало разочарованно оглядывая замковые ворота. – Все-таки декорация.

Действительно, зрелище было убогое, после завершения съемок никто даже не думал присматривать за замком, вот он и разваливался помаленьку. К тому же он потерпел определенный ущерб от неугомонных мальчишек, игравших здесь в войну. Хотя Сашка знал, что сильнее всего Эльсинор пострадал от одной пьяной компании, закатившейся сюда в позапрошлом году. Перепившиеся герои для начала скинули с крепостных стен несколько «пушек». Ну, каких пушек, так грубо обтесанных и покрашенных бронзовой краской бревен. Затем, раздухарившись, отдыхающие выломали дверь донжона, хотя вряд ли кто из них сумел сказать, зачем это сделано. Хорошо еще, что вскоре водка «Абсолют» одержала сокрушительную победу, и вояки убрались. Откуда Сашка знал это? Ах, да. Дача отца как раз была в ближайшем дачном поселке, и в детстве он часто бывал в замке, тогда еще не понимая, что в нем сокрыто.

Ворота замка изрядно подгнили, одна створка была полураспахнута, а вторая вообще перекосилась, потому что висела

только на верхней петле и потому грозила упасть на землю. Астрид брезгливо поморщилась, и это не укрылось от Сашки.

– Ты не понимаешь, – торопливо сказал он, – это действительно волшебство. Я постараюсь тебе все показать. Может, это, как замок Спящей Красавицы, выглядит неважно, но на самом деле все иначе.

– Да уж, – прохладно кивнула она. – Постарайся.

У Сашки внутри ёкнуло от дурного предчувствия.

– Идем, я покажу тебе мое место.

Они вошли в поросший бурьяном и репейником двор. Заметив, что Астрид заколебалась, он взял ее за руку и буквально потащил за собой прямо к лестнице, ведущей на стену. Именно оттуда, с пушечного бастиона, он попадал в реальность Шекспира и надеялся, что сможет провести туда и девушку. Вот тогда она поймет, что мечты – это не зыбкий призрак, который может исчезнуть в любую секунду, а самая реальная реальность. Нужно только суметь ее увидеть.

Прибой привычно шелестел внизу под обрывом, и блеклое солнце уныло светило с тусклого серо-голубого неба. Нет, каждый раз, когда Сашка прорывался в Эльсинор или Тауэр, солнце было раскаленным до белизны, а небо пронзительно голубым.

– Ну и? – спросил Астрид.

– Зажмурься, и представь себе, что ты улетела далеко отсюда, в Данию. И сейчас к тебе подойдет Гамлет и возьмет тебя за руку.

Девушка тяжело вздохнула.

– Саша-Саша, ты глупый фантазер, ничего этого нет и быть не может.

– Может! – отчаянно крикнул он.

Она только покачала головой, повернулась и пошла обратно к лестнице. Сашка открыл было рот, чтобы позвать ее, но не решился, и уныло поплелся следом. Уже когда они садились в автобус, он понял, что в руках девуш-

ки нет розы. Она так и осталась лежать там, на бутафорском макете деревянной пушки, с каплями его крови на шипах.

Когда Сашка вошел в класс, его поразила какая-то непривычная, нервная атмосфера. Парни и девушки собрались несколькими кучками и о чем-то перешептывались, лихорадочно дергая свои телефоны. Что было совершенно необычно, с ним даже никто не поздоровался, даже закадычные приятели Хенрик и Тимка. Зато девушки дружно повернулись и противно захихикали. Сашка задержался и начал осматривать себя, подозревая какой-то непорядок в одежде. Нет, все нормально. Но что-то явно случилось.

Наконец из группы, собравшейся в дальнем углу возле окна, вынырнула голова Тимофея, который призывно махнул рукой и прошипел:

– Сюда, быстрее.

Сашка пожал плечами, кинул сумку на свой стул и пошел, провожаемый хитрыми взглядами и нервными смешками девушек.

– В чем дело? – равнодушно поинтересовался он. – До звонка минуты три, а вы тут митинг застряли.

– Болван, – прошипел эталон благовоспитанности Вячик, у которого галстук уехал куда-то под мышку. – Ты действительно ничего не знаешь?

– Нет, – спокойно ответил Сашка.

– Да, ты же ведь «Вконтакте» только изредка присутствуешь, – вспомнил Тимка. – Когда в последний раз свою страничку смотрел?

Сашка задумался. А действительно, когда? Две недели назад или три?

– Давно.

– Открывай немедленно! – приказал приятель.

– Чего ради? Я с телефона вообще туда ни разу, только дома с компа. Терпеть ненавижу экранчики размером в ладонь.

– Тебе говорят, открывай! – прошипел Вячик. – Нас подставили по-крупному. Поймать бы эту гадину.

Ничего не понимая. Сашка достал телефон, вошел в сеть, набрал пароль и уронил телефон, разинув рот, настолько безумное зрелище ему открылось.

– Понял теперь? – зло скрикнулся Тимка.

– Нет, – честно ответил Сашка, подбирая телефон, который, к счастью, не пострадал. Правильно отец заставил надеть чехол, иначе черт знает, чем могло бы кончиться.

Но тут прозвенел звонок, и в класс вошел математик. Однако синусы и косинусы пролетали голувоу насквозь, не задерживаясь в ней ни на секунду. Сашка оловянными глазами рассматривал свою страничку и не верил увиденному. На стене красовалась фотография парочки, которую следовало бы маркировать «18+» если не вообще «XXX». Но самое ужасное заключалось в том, что одним из героев фото был сам Сашка, а девочкой – Вика из параллельного. Вдобавок фото сопровождалось комментариями обоих участников о том, как здорово жить настоящей взрослой жизнью, не откладывая приятные радости на потом, благо, восемнадцать все равно исполнилось.

Парень решительно ничего не понимал. Вику он вообще еле знал, даже не здоровался, сталкиваясь в коридоре. Ну, учится в параллельном, и пусть ее. А уже встречаться и тем более фотографироваться вот так, ему и в голову не пришло бы. Судя по тому, что математика никто не слушал, весь класс был занят изучением скандального фото. Сашке захотелось провалиться сквозь землю, а когда он подумал, что скажет Астрид, увидев вот это, ему захотелось провалиться еще дальше.

Математика откровенное невнимание разозлило до предела, он влепил несколько двоек, задал совершенно неподъемное

задание и покинул класс, пылая праведным гневом. На перемене кучки снова собрались, чтобы обсудить.

– Теперь видел? – спросил Харви с таким видом, словно у него разболелись все зубы разом.

– Видел, – уныло кивнул Сашка.

– То же самое еще у нескольких, – мрачно сообщил Вячик, который наконец содрал галстук и засунул его в боковой карман пиджака. Это был настоящий шокинг!

– И всюду я? – робко поинтересовался Сашка.

– Дурак, – брякнул Тимка. – У каждого свое, общее только одно, кто-то крупно подставил девчонку. И я с ней, ты с ней, Вячик с ней... Вообще все с ней. Из Вики, считай, шлюху сделали, хотя она ни с кем и никогда.

– Откуда фото? – никак не мог понять Сашка.

– Совсем тупой? – взбеленился Вячик. – На что бог «Фотошоп» людям дал? Фотография одна, только рожки наши приклеены.

– Но кто? И зачем? – спросил Сашка.

– Вот бы узнать, – зло протянул Харви. – Особенно кто. А там бы уже спросили зачем. Обстоятельно спросили, – он невольно сжал кулак, и это выглядело внушительно, потому что он похаживал в секцию каратэ. Не то, чтобы занимался всерьез, а так, для души, но все равно подкачался неплохо.

– В параллельном то же самое, там пятерых подставили, – скривился Тимка. – Я с Толиком переговорил, живым готовы закопать.

Сашка вдруг понял, что чей-то взгляд буквально сверлит ему спину. Он обернулся и, к своему ужасу увидел, что на него смотрит нахмурившаяся Астрид. Вот теперь он понял, насколько глубоко все они увязли, ведь каждому придется объясняться со своей девушкой, и совершенно неизвестно, получится ли оправдаться.

Вообще-то вопрос был довольно скользким. Сашка точно знал,

что некоторые парочки в классе уже перешли рубеж взрослости. Да что говорить, если он сам потерял возможность кататься на единороге еще год назад, и с тех пор несколько раз имел возможность убедиться, что не так уж страшна эта потеря. Не будет же он решать свои проблемы так, как это делает четырнадцатилетний сопляк, лишь вчера понявший, чем мальчики отличаются от девочек. Только об этом никто не подозревал, и уж точно Вика в этом не была замешана. Астрид... Ну а что Астрид, Смуглая Леди до всего такого касательства не имеет.

– Знаете, парни, мне почему-то кажется, что хотели подставить не нас, а Вику, – задумчиво произнес Тимка. – С кем она, вы не знаете?

– С Юханом, вроде, – неуверенно ответил Хенрик.

– Кстати, она сегодня ведь сбежала с уроков. Кто-то из подруг ее на крыльце встретил и показал что-то.

– Я бы тоже от такого сбежал, – мрачно заметил Сашка.

– Знаете, на следующей перемене потолковать бы с Юханом, – нехорошо улыбнулся Вячик. – Что-то здесь нечисто, и мне это не сильно нравится.

– И с параллельным договоримся, – кивнул Хейно.

Это было неслыханно! Это было чудовищно! Во всяком случае, именно такими эпитетами на следующий день директор описывал происшедшее, парни слушали его с самым серьезным видом и старательно притворялись, будто раскаиваются. Нет, если бы здесь сидели девочки, они наверняка попытались бы изобразить круглые глазки знаменитого мультяшного кота, но парням это не пристало. Они лишь мужественно отмалчивались, разглядывая носки кроссовок или туфель. У кого что, и бурчали под нос: «Ну а что? Да ничего. Больше не повторится». Брякнуть «Ну а чё такова?» в этой гимназии значило заклеить себя раз и навсегда.

Да, если признаться честно, ничего подобного в благонаправленной истории уважаемой гимназии не происходило. Понятно, это был не элитный рассадник гениев, вроде «Ньютона», или «Эдинбург», штампующий будущих чиновников Мининдела. Но, тем не менее, под скромным безликим номером скрывалась одна из самых популярных гимназий города со своими неписанными правилами и забронзовевшими традициями.

Вот потому дружное отсутствие на последнем уроке пятнадцати парней из двух выпускных классов было воспринято, как сильнейшее землетрясение, тем более, что всех их видели на школьном дворе. Как они покинули гимназию? А вы считаете, что для тренированного парня восемнадцати лет большая проблема выскочить из окна второго этажа? Напрасно. Небольшой впрыск в артерии адреналина и тестостерона – и все в порядке. Во всяком случае, Сашка ничуть не затруднился, подстегиваемый мыслью о праведном возмездии.

Кажется, он начинает сходить с ума. Или уже не кажется? Сашка поймал себя на мысли, что при любой неприятности он теперь бежит прятаться в Эльсинор, почему-то только здесь он начинает чувствовать себя спокойно. Или это море так действует? Мерный шорох волн, плещущихся у подножья скал, гипнотизирует и усыпляет. Берег здесь не совсем типичный для Вана Валкириелинна – довольно высокий известняковый обрыв. Хотя, если вспомнить, то же самое можно увидеть в районе Бригиттен, только там обрыв начинается на довольно большом расстоянии от моря в районе Стенбергет и лишь у маяка подходит вплотную. Видимо, по какой-то причине, море местами отступило, и теперь берег там устлан белым шелковым песком.

Вот и сейчас он сидит на полу ставшего почти родным бастиона. Кстати, хорошо, что это ма-

кет, а не каменная кладка замка Домбергет. Одно дело сидеть на досках и совсем другое – на влажном стылом камне. Сашка привычно закрыл глаза, и тут же подскочил, потому что его обдало жарким ветром, словно от огромного костра пахнуло. И тут же долетел грохот самого настоящего прибоа.

Сашка вскочил, и тут же ему прямо в лицо ударил вихрь соленых брызг. На этот раз бастион стоял на берегу штормового моря, совсем не похожего на Балтику. Прозрачные зелено-голубые валы с грохотом разбивались об острые камни, выбрасывая вверх клочья пены и фонтаны брызг, которые тут же подхватывал ветер. И солнце палило совсем не так, как на севере, несмотря на ветер и брызги, парня моментально бросило в пот. «Африка что ли?» – мелькнуло в голове. Шекспир про нее вроде не писал. Впрочем, зачем гадать, вскоре все разъяснится само.

Он привычно толкнул дверь, украшенную шляпками огромных железных гвоздей, и зацелкал зубами, едва попав в коридор, потому что откуда-то снизу потянуло ледяным холодом. Прямо кондишен какой-то. Тому, что одежда изменилась, Сашка совершенно не удивился, как не удивился и оставшимся на ногах кроссовкам. Судя по всему, именно они играли роль амулета, переносящего его обратно домой из реальности Шекспира. Временами подмывало проверить это, сбросить кроссовки и посмотреть, получится ли вернуться, но что-то каждый раз останавливало. Парень старательно уверял себя, что это вовсе не трусость.

– Поцелуй тайком...

– Обман и грязь.

– И голой с другом полежать в постели в границах добродетели нельзя?

Кровь бросила Сашке в лицо, похоже, здесь у людей те же самые проблемы. Черт побери, этот замок выбирает самые подходящие сцены. Но что он показывает на этот раз?

– В границах добродетели раздевшись?! Яго, что ты несеешь?

– Отелло, когда не происходит ничего, все это лишь простительная вольность.

Ага, вот и прояснилось, куда его занесло. На Кипр к ревнивому мавру. А Яго продолжал журчать:

– Честь – это призрак, честь – то, чего у многих не бывает из хвастающих ею.

Ответом стал хлесткий удар. Сашка осторожно заглянул в щелку приоткрытой двери и увидел Яго, держащегося за щеку. Перед ним стоял высокий плечистый... араб. Это стало для Сашки настоящим шоком, он как-то привык к штампу, что Отелло негр. Хотя, простите, мавр это ведь никакой не негр. Ладно, не будем разбираться в тонкостях, лучше посмотрим, что случится дальше.

– Но Кассио повсюду трубит о своей победе, – прошипел Яго по-прежнему держась за щеку и сплюнув кровавую слюну.

– Он вслух о ней болтал?

– Болтал.

– Что? Что?

Яго втянул голову в плечи и оглянулся, словно чувствовал: они здесь не одни. Сашка заметил, как у него задергался правый глаз.

– То, от чего они оба отрекутся! – прошипел Яго.

– Он говорил...

– Что?! Да не тяни ты, демон!

– Что он лежал... – выплюнул Яго.

– С ней?

– Да. Нет. Увольте.

– Лежал. Прижимался. Он ее бесславит. И в каких выражениях. Заставить сознаться... Заставить сознаться и повесить. Боже, как я подумал!.. Чему же верить?

Неожиданно Отелло рухнул на каменные плиты, Яго в изумлении уставился на него. Потом покачал головой.

– И это смелый генерал. Но я хвалю мое лекарство. Так ловят легковверных дураков, так женщин незапятнанных порочат.

Очнитесь, успокойтесь, мой генерал.

Он нагнулся и похлопал Отелло по щекам. Отелло застонал и дернулся, но в себя не пришел.

– Остановись, проклятый! – Сашку будто какая-то пружина выкинула из его убежища. – Я не позволю тебе оклеветать Дездемону.

Яго шархнул в сторону, хватаясь за шпагу, висящую на боку, но, увидев, что перед ним всего лишь мальчишка, облегченно выдохнул и отпустил рукоять. Окинув парня презрительным взглядом, скривился, зашипел, снова приложив ладонь к окровавленной губе, и скучным голосом спросил:

– А ты-то кто?

Сашка замаялся. И действительно, кто он здесь? Потом в памяти всплыло где-то слышанное имя.

– Джованни Мочениго! – выпалил он.

Яго посмотрел на него выпученными глазами, даже рот приоткрыл, а потом спохватился и рассмеялся, но только половиной рта, потому что Отелло ударил его от души.

– Да ты наглец, дурак и самозванец.

– Почему? – не удержался Сашка.

– Назваться дожем Венеции, да еще покойным, ну не дурак ли? – Но тут же Яго посерьезнел и нехорошо прищурился. – Говори, кто послал тебя, сопляк, и за чем. Да побыстрее, пока генерал не очнулся, а то ведь прикажет тебя повесить как соглядатая турецкого.

И он сделал крошечный, еле заметный шагок в Сашкину сторону. Парень ощерился:

– Не тебе о чести говорить, поганый клеветник.

– Понял, – кивнул Яго, – ты не иначе как паж Дездемоны, прислужник. Платочки подаешь?

– Нет в том ущерба чести, прислуживать благородной даме, – выпалил Сашка, удивляясь сам себе. Ну не собирался он нести такую чушь.

– Да-да, валет... Иль дамуазо?

– Кто? – не понял Сашка.

– Самозванец и шпион! – рыкнул Яго, бросаясь на него.

Он даже успел схватить парня за плечо сильными пальцами – военный все-таки! – но Сашка шарахнулся назад и с такой силой приложился затылком о каменную стену, что потерял сознание.

В себя он пришел уже на привычном бастионе замка Гамлетовой горы. Голова болела нещадно, оцупав затылок Сашка обнаружил там преизрядную шишку, да и пальцы его оказались перепачканными кровью. Он хрипло рассмеялся. Первая попытка подправить Шекспира закончилась всего лишь испугом. Во время второй он получил, говоря протокольным языком, «легкие телесные повреждения». Что случится в третий раз?

Но ведь самое обидное – ему так и не удалось ничего изменить. В первый раз он не сумел сломать проклятое благоразумие, во второй – не помешал грязной клевете. Как легко стало жить сплетникам и клеветникам после появления Интернета! Завел себе десяток персов в соцсетях и треплись под разными именами об одном и том же. К вашим услугам прокси, VPN и всякие анонимайзеры, никто концов не отыщет. На мгновение даже стало жалко несчастного Яго: бегай лично, уговаривай, наговаривай, нашептывай, рискуя собственной шкурой.

Сашка грустно вздохнул, он даже не сомневался, что завтра ему предстоит очень тяжелый и неприятный разговор, который почти наверняка не закончится ничем хорошим. А что случится в третий раз? Он поежился, представив это. Может, просто гулять по вымышленному миру, не пытаясь ничего менять?

Парень встал и покачнулся, потому что голова закружилась. Заработал сотрясение? Нет, вроде не тошнит, просто слишком долго просидел на месте, не ше-

велясь. Ладно, пора домой, вон уже начало темнеть.

Ждать пришлось долго, наверное, часа два или больше. Сашка постарался сделаться как можно незаметнее, но разве это получится в расчерченном по линейке квартале старых пятиэтажек? Была бы возможность, он как какой-нибудь спецназовец замаскировался бы в кустиках, однако кустики здесь были такими чахлыми, что спрятать в них получилось бы разве что мышь, кошка уже не сумела бы там скрыться. При этом пришлось выбрать самый дальний конец двора, чтобы не оказаться прямо под окнами квартир, находившихся в соседних домах, да еще буквально напротив друг друга.

Парень надеялся, что ему повезет, и Астрид выйдет одна. Мало ли что может понадобиться в магазине даже в воскресное утро, хотя перспектива торчать здесь до полудня и дольше не очень вдохновляла. А что прикажете делать, если в телефоне и «Вконтакте» занесли в черный список?! Оставалось ежиться под неодобрительными взглядами ранних прохожих. Впрочем, они в крайнем случае лишь пожимали плечами при виде парня, ежащегося от утренней свежести, но упрямо не покидающего скамейку возле подъезда.

Он уже начал отчаиваться, когда Астрид все-таки появилась во дворе. Она целеустремленно зашагала к трамвайной остановке, не заметив закованную фигуру. Сашка, которому уже начало казаться, что он покрывается инеем, торопливо вскочил и побежал следом, отбросив в сторону всякую осторожность.

Трамвай уже подходил, но Сашка успел перехватить девушку и остановить буквально в самый последний момент.

– Стой!

Она вздрогнула, попыталась выдернуть руку и лишь после этого обернулась. На лице ее испуг перемешался с изумлением.

– Ты? Да как ты смеешь?!

– Ну в чем дело? Что случилось? – Сашка едва не захныкал от отчаяния.

– А то ты не знаешь. Ты собственную страницу «Вконтакте» хотя бы смотришь? – неприятно скривилась она.

– Ее взломали! – выпалил он. – Я знаю, кто это сделал, и знаю зачем.

– Вот как? – недоверчиво прищурилась Астрид. – И вообще, отпусти меня, я опаздываю.

– Нет, – уперся парень. – Не на самолет в Америку, так что даже если опоздаешь минут на десять, ничего ужасного не случится. Но нам нужно объяснить-

– Выяснить отношения? – скривилась она. – Это пошло.

– Сам знаю, – кивнул он. – Только иногда совершенно необходимо, если вдруг возникает недопонимание. Я не намерен ни каяться в несуществующих грехах, ни обвинять кого-нибудь.

– Но уже обвинил, – подпустила шпильку она.

– Нет, Юхан, в конце концов, признался во всем. Он вообще подправил странички чуть не двум десяткам парней из нашей школы, за что его слегка... поучили.

– Даже так?

– Именно. Только давай, отойдем в сторону, переговорим побыстрому. Обещаю, я тебя не задержу.

Астрид пристально посмотрела ему прямо в глаза и, похоже, что-то там увидела, потому что кивнула и согласилась:

– Давай.

Они ушли в небольшой скверик неподалеку и встали так, чтобы их было не слишком заметно с улицы. Астрид прислонилась к стволу каштана, который уже начал выбрасывать почки, и скептически спросила:

– Так что ты хочешь мне сказать?

– Все очень просто. Юхан поспорил с Викой, она его отшила, и тогда он решил ей отомстить, грязно отомстить. Он взломал странички парней из параллели

и всюду насовал фоток и постов о ней. Ты ведь на это обозлилась.

– Это мое дело, – сухо заметила она.

– А ты посмотри, на всех страницах одно и то же. Она якобы спит со всеми нами и сравнивает наши... достоинства. – Сашка заметил, как щеки Астрид вспыхнули. – Тебя ведь именно это разозлило? Можешь сейчас вернуться и перешерстить наши страницы. И ведь, гад такой, выбрал капитана футбольной команды, солиста школьного ансамбля. Короче всех парней, которые хоть как-то засветились.

– И тебя.

– И меня, – кивнул он. – Вроде так правдоподобней выглядит, если спит с местными знаменитостями. В общем, наши пацаны собрались и... побеседовали с ним. Его в нашей гимназии больше не будет. Однако и Вика тоже ушла. Выяснилось, что это клевета, но грязь-то осталась и отмыться почти невозможно. Она убила свою страничку и решила сменить гимназию. Но, как я знаю, не у всех парней пока еще руки дошли до зачистки, так что можешь убедиться сама. – Он криво усмехнулся. – Как я понимаю, ты ведь смотрела только мою страничку?

– Да, – она покраснела еще сильнее.

– Но ты мне сейчас веришь?

Астрид провела ему ладонью по щеке. Сашка непроизвольно перехватил ее руку и прижал ладонь к губам, но девушка резко вырвалась.

– Не надо! – Ему показалось, что она готова заплакать. – Верю или не верю, какое это имеет значение? Даже если это фальшивка, ведь остальное чистая правда.

– Что? – не понял он.

– Те девицы, которые пишут тебе после публикации в журнале. Они ведь никуда не денутся.

Сашка помрачнел. Действительно, возразить было нечего, письма, как выяснилось, сыпались градом. Правда, если бы не эта разборка с дикой выходкой Юхана, он благополучно не подо-

зревал бы о своей популярности еще месяц или около того. Догадывался, разумеется, но ведь догадываться и точно знать – это совершенно разные вещи, не так ли? А Интернет для него был и оставался вещью утилитарной, не предназначенной для праздного времяпровождения.

– Ну что вы прицепились ко мне с этим рассказом?! – повысил голос он. – Родители пилят, дескать, не смей отвлекаться на всякую ерунду, займись серьезным делом. Девицы сумасшедшие пишут. Ты попрекаешь. Не я организовал эту публикацию, я вообще ни о чем подобном не думал и не мечтал.

– Родителям это тоже не нравится?

– Я не хочу об этом говорить, – насупился он.

– А сам постоянно убеждал меня, что нужно мечтать, – горько усмехнулась Астрид. – К тому же наверняка какая-нибудь девочка уже и отыскала тебя живую. Скажешь, никто тебя рядом со школой не караулил?

Сашка побагровел и промолчал, потому что было такое пару раз. Он бежал от этих девиц самым позорным образом, даже уши затыкал, чтобы не слышать.

– Да, как говорится, бойтесь сбычи мечт, – вздохнул он. – На меня этот журнал упал, как кирпич на голову, с тем же результатом. Нормальная жизнь вдребезги! Неужели этот рассказ будет преследовать меня всю жизнь, как какое-то проклятье?! – Он схватил девушку за плечи. – Хочешь, я пообещаю сейчас, что ни разу в жизни больше не попытаюсь писать что-то подобное.

– А экзаменационные сочинения?

– Есть обязательные темы по классике, выбирай – не хочу.

– Нет, Сашенька, – у него сердце екнуло, никто раньше его так не называл, даже родители, – не получится это у тебя. Не спрячешься ты за своей физикой. Ты ведь сам мечтатель и меня такой же сделать пытался, волшебный замок показывал. А Полина

Сергеевна говорит, что грех это, воздушные замки строить, нужно прочно на земле стоять. Мы ведь уже почти взрослые, так что нужно привыкать к взрослой жизни. И в этой жизни у нас с тобой совсем разные дороги.

Сашка до крови закусил губу и хрипло выдавил:

– Почему ты позволяешь кому-то выбрать твою дорогу, почему не сама ее выбираешь?

– Я и сама понимаю, что мы с тобой совершенно разные люди, нет у нас ничего общего. Извини, какая уж тут любовь. Кстати, ты ведь мне про нее так ни разу и не сказал. – Она мотнула головой, точно пыталась скрыть неожиданную выступившую слезинку. – Ты весь там, в своих уравнениях и мелодрамах, и меня там нет.

Теперь уже Сашка понял, что вот-вот заплачет, что совсем неприлично для парня, считающего себя взрослым. Он не знал, как убедить Астрид, как сломать стену, выросшую между ними. Не бутафорская картонно-брезентовая стена, а несокрушимая гранитная кладка. Он кусал губы и не знал, что ответить. Наконец выдавил:

– Наверное ты права, все так, если бы мы были взрослыми. Но ведь мы пока еще не взрослые. Ты сама сказала, что мы только готовимся стать ими. И мы не должны думать, как взрослые.

И сразу понял, что напрасно говорил все это. Она его не слышала. Астрид снова пристально посмотрела ему в глаза и погладила по щеке. Сашка ждал, что она поцелует его, но нет, девушка резко повернулась и, уже уходя, бросила через плечо:

– Прости, но я опаздываю.

Любовь нежна? Она груба и зла, и колется, и жжется, как терновник.

Он понял, что остается последняя, отчаянная попытка переломить судьбу. Он заставит, заставит проклятый замок перенести его туда, куда ему нужно, и там он сделает то, что требуется, чего бы ему это ни стоило. У Саш-

ки вырвался отрывистый, лающий смешок. Хотел проверить, что случится, если рискнуть в мире Шекспира по-крупному?! Проверит! Himmelsreich!

По глазам больно ударило жаркое полуденное солнце, которое может так пылать только на юге. Это вам не туманный Альбион и не сырая тусклая Ютландия. Прокаленная площадь, слабый ветерок крутит желтые пылевые вихорьки, жалкий фонтанчик, слабо сочащийся теплой водой... Словно молния ударила – получилось! Это ведь «Ромео и Джульетта», точнее, фильм с поистине божественной музыкой Нино Ротта. Если удастся помочь этим безумным ребятишкам, может, и ему повезет больше? Сашка нервно хихикнул. Интересно, все-таки если его здесь прикончат во время какой-нибудь разборки, оживет ли он в своем мире?!

Он торопливо охлопал себя по бокам. Нет, Эльсинор все сделал, как обычно, одежда сменилась на соответствующую если не эпохе, то замыслам режиссера. Черт его знает, Сашка никогда не был спецом по средним векам. Вдобавок обнаружить на себе колготки было, скажем так, немного неловко. От того, что их нужно называть шосссы, двуцветные колготки не становились приличнее. И ко всему прочему на поясе болтается шпага, за которую он не знает, как браться. Причем это не хилая дуэльная тростиночка, в которую шпага выродилась к девятнадцатому веку, а прямая наследница меча, тяжелая и широкая, которой можно с одинаковым успехом и колоть, и рубить. И, разумеется, неизменные кроссовки.

Где-то в глубине шевельнулась трусливая мыслишка. Может, лучше убраться отсюда, пока не случилось что-нибудь неприятное. Ему совсем не улыбалось оказаться между двух огней, причем совершенно безвинно, ведь он окажется врагом и Монтекки, и Капулетти одновременно. Но нет, опоздал, на пло-

щадь выходили люди. И, в конце концов, он сам этого хотел! Ведь трусами нас делает раздумье, вперед без колебаний!

С одной стороны появилась парочка гуляк, явно уже навеселе, несмотря на утренний час, а с другой – целая толпа, причем смотрели они на парочку с откровенной неприязнью. В голове моментально искра проскочила: так это же Меркуцио и Бенволио, а там Тибальт с прихлебателями. Собственно, с этого момента ведь все и закрутится. Сашка поплотнее прижался к стене, постаравшись слиться с нею в надежде, что его не заметят. Во время таких разборок посторонним прилетает только если они пытаются вмешаться, если же держаться поодаль, то можно будет спокойно наблюдать за развитием драмы.

Но тут его посетила неожиданная мысль: а что если именно вмешаться? Постараться предотвратить роковую схватку, так как все началось со смерти Меркуцио. Может, тогда не случится и схватки Ромео с Тибальтом, и история двух влюбленных закончится не так трагично? В конце концов, чем он рискует? Ведь не на самом же деле он попал в пьесу Шекспира, это всего лишь плоды проказницы-мечты, фантазии беспутной порожденья. Если он сумеет изменить что-то здесь, вполне вероятно, что и в реальной жизни кое-что изменится. Ведь в каждой приличной сказке герою дают три попытки, вот у него сейчас эта самая третья, решающая. Изменится то, о чем Сашка даже не смел мечтать.

Он почувствовал, как внутри начала стремительно раскручиваться затянута до предела пружина, и ноги сами вынесли его на площадь.

– Стой! – крикнул он и удивился, потому что голос внезапно дал петуха. А Сашке-то казалось, что он давно перерос это.

Компания Тибальта замерла, ошарашенная его появлением. Статный высокий красавчик картинно поднял правую бровь.

– Это кто? – поинтересовался он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Его спутники запереглядывались, заперешептывались, затем кто-то неуверенно предположил:

– Может, какой-то дальний родич Монтекки? Они ведь по всему свету, как сорняки расселились.

– Но-но, поосторожнее! – непрошенным встрял Меркуцио. – Не вам судить о сорняках.

Сашка оторопел, он никак не мог предположить, что дело обернется таким образом, но, судя по всему, драки желали обе стороны, и было непонятно, которая сильнее. Однако он уже закурил удила, хотя не замечал ранее за собой такого. Остановиться на полпути, значило потерять лицо. А это непозволительно, что для дворянина, что для гимназиста. В памяти всплыли знакомые слова.

– Тибальт, ты, крысолов, готовься!

Теперь на Сашку вытаращились уже решительно все. Бенволио промямлил:

– Мальчик, тебе-то что до нашей свары?

Но Сашка только дернул плечом и гордо фыркнул, хотя внутри него все заледенело. Он чувствовал себя далеко не так уверенно, как хотел показать.

– Действительно, куда ты лезешь, щенок? – подхватил Тибальт. – Мы тебя не знаем, ступай же прочь!

– Нет!

– Чего ты хочешь?! – начал закипать красавец.

– Ты меня обозвал щенком. Так вот, любезный кошачий царь, я хочу забрать одну из твоих девяти жизней перед тем, как выколотить все восемь остальных!

Но все-таки Тибальт сохранил какие-то остатки благоразумия.

– Ты мне не нужен, ты не Монтекки, я не верю в это. – Он оглянулся на свою компанию. – Я не хочу драться с тобой. Еще не хватало мне прослыть убийцей детей, это будет пятном на моей славе.

– Действительно, уйди! – крикнул Меркуцио, выхватывая шпагу. – Он мой!

– Нет! – заорал Сашка, выхватывая свою шпагу. – Только после меня!

Он демонстративно указал шпагой на Тибальта, совершенно не думая о том, что фехтования видел лишь в исторических фильмах.

– Ну, хватит! – взорвался Тибальт. – Ты сам выбрал свою судьбу, и видит бог, я не повинен в той крови, что прольется сейчас!

Шпаги скрестились со звоном.

Сашка практически сразу понял, что совершенным безумием было ввязываться в схватку с заядлым дуэлянтом, в голове всплыла еще одна фраза: «И фехтует, как дьявол». Действительно, шпага в руке Сашки вела себя, точно метла неумелого дворника. На лице Тибальта напряженное недоумение – откуда возник этот сопляк?! – сменилось расслабленным пренебрежением, а потом и откровенной усмешкой. Он легко отбивал наскоки мальчишки, но сам не спешил наносить ответный удар, так как быстро понял, что противник ему не противник, а легкая добыча.

Уворачиваясь от неуклюжих атак, отбивая сильные, но глупые удары, он даже заскучал. В конце концов, ему нужен был совершенно другой человек, которого он пока не видел. Даже на Меркуцио Тибальту было, в общем-то, плевать, если бы тот не начал задираться. Наконец, ему это надоело, и он змеиным движением уклонился в сторону, одновременно выбросив вперед шпагу. Преимущество в росте сказалось, мальчишка не успел ни уклониться, ни парировать удар, из его плеча фонтаном забила кровь.

Сашка побелел, точно мел, но все-таки сдержал едва не вырвавшийся крик боли.

– Что, получил? Теперь домой ступай! – снисходительно процедил Тибальт. – Тем более, что вот человек, который нужен мне! –

радостно воскликнул он, завидев появившегося некто Ромео.

Но его увидел и Сашка, который взвыл:

– Мы не закончили!

Растерявшийся на мгновение Тибальт пропустил медленный выпад, распоровший ему колет, мгновенно окрасившийся кровью.

– Ах так! – взревел красавчик. – Вот тебе!

Сашка так и не понял, что же обожгло ему грудь, и почему неимоверно длинная шпага, раскаленная добела, медленно входит ему прямо в грудь. Он открыл было рот, но не произнес ни слова, опустился на колени, а потом рухнул ничком.

– Мертв, – долетело до него. – Раненые навзничь падают.

«Я умер?» – вяло изумился он. – «Тогда почему я все еще вижу и слышу? Вспомнил, это же мечты...» Более странным было то, что никто к нему не подошел, на него вообще перестали обращать внимание. Хотя, что тут странного? Никакого Сашки у Шекспира нет...

– Ромео, природа чувств моих к тебе вся выразима в слове – ты подлец.

– Тибальт, природа чувств моих к тебе велит простить тебе твою слепую ненависть и злобу...

Неужели все пойдет, как и шло у Шекспира. Господи, но больно-то как!

– А это кто лежит? – недоуменно произнес Ромео, отклоняясь от подлинника.

– Не знаю, глупый забияка, – долетел голос Тибальта. – Но ты сейчас с ним рядом ляжешь!

И снова сжатая пружина раскрутилась, подбросив Сашку, несмотря на ужасный огонь в пробитой груди. Грязный, окровавленный, растерзанный, он стремительно шагнул вперед.

– Ты рано похоронил меня, кошащий царь! – выкрикнул парень, сплевывая кровь. – Наш поединок не закончен!

И, снова падая, он с размаха вонзил свою шпагу в спину растерявшегося Тибальта. Затем

перед глазами полыхнуло белое пламя... и Верона исчезла.

Сашка снова сидел на стене картонного Эльсинора, растерянно крутя головой. Привиделось? В груди закололо, он закашлялся и сплюнул на ладонь сгусток крови. Выпучив глаза, растерянно посмотрел на него, рванул рубашку, оторвав пару пуговиц, и облегченно выдохнул. Нет, ничего, только большой синяк под правым соском, как раз туда ударила шпага Тибальта, и еще ноет левое плечо, которое этот задира проколол ему. Так все это привиделось или было на самом деле?! И жив ли Тибальт?

Получилось у него или нет, выяснится очень скоро.

Сашка, прыгая через две ступеньки, птицей взлетел на четвертый этаж и нервно надавил на кнопку звонка, раз, другой, третий. В руке он держал такую же бордовую розу, как и тогда, только теперь вместе с цветком он держал файл с распечаткой. Он обещал не писать никаких рассказов? Обещал, и свое обещание намерен выполнить в точности, хотя бы для того, чтобы родители больше не шипели. Пустяк, но ведь неприятно. «Отвлекает... Разбрасываешься... Сначала технический диплом...» Так он и сам это понимает, черт бы вас всех побрал! Понимает и не намерен отказываться, знает куда поступит, и что будет делать потом.

Только это не мечта, это так, план действий, жесткий график. Но он человек, а не поезд на рельсах, с которых нельзя свернуть. И внутри клокочет адский котел, над которым клубится ядовитый пар, рождающий странные видения, манящие картины. Он видит благородных рыцарей и прекрасных дам, пусть эти рыцари носят затертые джинсы и старые кроссовки, а у дам короткая мальчишеская стрижка и задорные лукавые глаза. Неужели это действительно отравы, которую нужно выплеснуть побыстрее и подальше? А вдруг именно она

помогает ему решать в уме уравнение Пуассона?! Вы беретесь разгъять талант на составляющие элементы? Все взаимосвязано, уберите один кирпич, и рухнет все здание.

Твои глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать...
Неправ Шекспир, я это знаю, Боже!
Любимую я буду воспевать...

Да, не Шекспир, он прекрасно понимает это и не собирается соперничать с Бардом. Но это его, его собственное, его мысли и чувства. Она должна понять и оценить. Иначе зачем вообще все?!

Он снова надавил на кнопку, и наконец-то за дверью послышались шаги. Правда, пришлось еще немного подождать, прежде чем она открылась. Только вот он совершенно не ожидал увидеть этого человека, даже рот едва не открыл.

– Что вам надо, молодой человек? – ледяным тоном поинтересовалась Полина Сергеевна.

– Простите, но что вам здесь надо? – неожиданно вырвалось у него, сам ведь не хотел, непроизвольно получилось.

– То есть? – растерялась она, глядя на него, как на внезапно заговорившую статую Вана Тоомаса.

– Это ведь не ваша квартира, – продолжало нести парня.

– Ну и что?! – опомнилась она. – Я принимаю участие в судьбе этой несчастной девочки, помогаю по мере сил ее родителям.

– А вас хоть кто-то об этом просил?! – прошипел Сашка, нервно комкая файл.

– Хам! – взвизгнула Полина Сергеевна.

Сашка на секунду прикрыл глаза и постарался успокоиться.

– Прошу прощения, Полина Сергеевна, но я все-таки хотел бы видеть Астрид.

– Зато она не желает тебя видеть, – отрезала женщина.

– Пусть она сама об этом скажет.

– Нет!

– Да кто вы такая, чтобы решать за нее?

– Искренний друг этой семьи.

– Пусть она сама об этом скажет, и или, хотя бы ее мать.

– Ты прекрасно знаешь, что Инна Владимировна сейчас на работе, а у меня лекции в институте уже закончились. Поэтому я здесь.

– Так она дома? – удивился Сашка. – Астрид! – громко крикнул он. – Астрид!

По лицу Полины Сергеевны пролетела стремительная тень, в глазах мелькнули багровые отсветы, и тут же погасли. Парню захотелось зажмуриться, никак не заслужил он такой злобы. Или ему это только померещилось?

– Замолчи!

Сашка уныло опустил голову, потом тихо спросил:

– И за что вы меня так ненавидите?

Полина Сергеевна криво усмехнулась.

– Вам слишком легко все дается, мечтатели. Там, где нормальные люди берут трудом и упорством, вы делаете это мимоходом, не то, что не напрягаясь, и даже не замечая этого. Раскрыл книгу, пробежал страницу по диагонали – и все помнишь. Мазнул глазом по уравнению и выдал ответ. Так не должно быть!

– А что в этом плохого?

– Так в результате других вы тоже не замечаете, у вас свой круг, свои правила. Нормальному человеку там неуютно и плохо. А вы еще втаскиваете туда простых девочек, чтобы посмеяться и бросить, не думая, какую боль вы им причиняете.

– Позовите Астрид, – уперся Сашка, который расслышал какое-то шевеление в дальней комнате.

– Нет! Не смей больше преследовать девушку своей грязной любовью! Я не допущу этого!

– Любовь не бывает грязной, – замотал головой Сашка.

– У таких как ты бывает. Думаешь, я не видела этот поганый снимок?! Правда всегда выходит наружу.

К горлу подступил комок, и Сашка с трудом сдержал слезы.

Снова перед ним была непробиваемая стена, бесполезно даже пытаться сломать ее. Он беспомощно выдавил:

– Это клевета, мы все выяснили, и подонок, состряпавший фальшивку, уже ушел из нашей школы.

– Даже если это была клевета, он знал, кому ее приклеить. Не эта, так другая вина была! Ага, покраснел! Вот видишь, не там, так в другом месте развратничал!

Багровая пелена затянула глаза, и Сашка испугался, что сейчас ударит женщину. Видимо, она тоже поняла это, потому что сделала шаг назад и приготовилась захлопнуть дверь. Однако парень сдержался, он только сжал кулаки и хрипло выкрикнул прямо в лицо Полине Сергеевне:

– Чума! Чума на оба ваши дома!

Как он спустился и вышел из подъезда, Сашка не помнил. Возле крыльца так и остался валяться смятый файл с какой-то распечаткой и роза с изломанным окровавленным стеблем.

Наверное, это была игра света, шутки рваных облаков, бегущих по небу, но если кто-нибудь посмотрел в это время на Ланге Герхарда, ему показалось бы, что высокая серая башня грустно улыбается. Да, вот такое причудливое сочетание изломанных теней, превратившихся в мрачные глаза под насупленными бровями и грустно опущенные уголки губ. Что поделаешь, легенды слишком часто заканчиваются печально. Но конец легенды – это ведь еще не конец жизни?

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

К юбилею заслуженного артиста Российской Федерации Василия Куприянова.

**Елена ФРОЛОВА
(ТЕНЯТНИКОВА)**

**Поэт, переводчик,
г. Москва.**

Бывает человек как солнечный день – светлый, радостный, наполненный красками жизни. Согреешься от приятного ли разговора, душевного расположения, мудрого ненавязчивого слова, ироничной шутки или сердечного сочувствия – и запомнишь надолго, и захочешь новой встречи.

Многие, кто знаком с Василием Ильичем Куприяновым – актером театра и кино, поэтом, писателем, краеведом – сказали бы о нем именно так: не человек, а солнечный день. Заслуженные слова в адрес Василия Ильича – это не только дань случившемуся в этом 2023 году юбилею заслуженного

Фотографии Елены Беловой

артиста Российской Федерации, но и дань его умению дружить, откликаться, поддерживать, оставаться человеком во все времена.

Всякого понаmeshано в человеке, как сказал классик, но иногда природа щедро наделяет человека разного рода талантами и души, и характера, и мироощущения. Возможно, причина такой одаренности Василия Куприянова и в его предках, москвичах не первого поколения. Кого только не было в их семье: и художники, и скульпторы, педагоги, врачи... Выставка о его роде, его семье, которую собрал за многие годы Василий Куприянов, прошла в Москве на нескольких площадках с большим успехом. Сам Василий Ильич помимо актерского таланта и множества незабываемых для зрителей ролей, сыгранных в театре «Сфера», в кино, замается озвучкой, работой диктора на радио, пишет прозу, стихи, эпиграммы. Его произведения можно найти в Интернете, а также в некоторых изданиях. Ну, и, конечно, творческие вечера, собирающие большое коли-

чество поклонников многогранного таланта в Москве и за ее пределами – дают возможность познакомиться с творчеством этого человека.

А если вам посчастливилось прогуляться хоть раз с Василием Ильичом по Москве, уж проверьте мне, его знания о родном и настоящему любимом им городе дадут фору любому краеведу. Его статьи о Москве так же публикуются в современных изданиях. Ненавязчивый рассказ о столице, ее прошлом и настоящем, всегда будет «расцвечен» поэтическими строками, стихами любимых поэтов.

Поэзия занимает особое место в жизни В.И.Куприянова. В соцсетях можно найти ролики, где актер читает наизусть множество стихов. Найдите время, налейте себе бокал вина или чашку душистого чая и не торопясь послушайте бархатный, глубокий голос, читающий Пушкина, Лермонтова, Тютчева и др. Поверьте, вечер ваш будет незабываемый и прекрасный, а отменный вкус, с которым Василий Куприянов подбирает

себе в репертуар стихи – принесет вам истинное удовольствие.

Когда человек полон жизни, вопреки юбилейным цифрам и датам, сложно пожелать ему что-то, кроме одного – находить новые и новые оттенки, краски и штрихи в этом мире, перерождая их в новые роли, новые стихи и рассказы, новые проекты, и радовать ими нас, верных почитателей вашего многогранного таланта, дорогой Василий Ильич.

В

Василий КУПРИЯНОВ

Заслуженный артист
Российской Федерации.

РАССКАЗЫ

ГЛАША

Как же приятно беззаботно прогуляться по заснеженной столице, сознавая, что все предпраздничные хлопоты позади и по возвращению тебя ждет украшенная гирляндами и мишурой квартира с веселой и теплой компанией за накрытым столом!

Проходя мимо недавно отстроенного дома, я с любопытством вглядываюсь в редкие светящиеся окна, пытаюсь представить себе чувства людей, готовящихся к встрече Нового года в новых квартирах.

Чем не повод для того, чтобы заново осмыслить свою прежнюю жизнь и перейти к новым достижениям? От праздных размышлений меня отвлек броский внешний вид новенького авто, припаркованного у подъезда новостройки. Миниатюрная модель бирюзового окраса очень бы подошла какой-нибудь «упакованной» леди.

Неожиданно моя догадка тут же получила подтверждение. Выпорхнув из подъезда, напрямик к машине шла, словно сошедшая с обложки журнала, модель. Привлеченный эффектной внешностью незнакомки, я не сразу заметил ее четвероногого спутника. Лишь после команды: «Глаша, садись!», обратил внимание на черного французского бульдога, замешкавшегося у выхода из дома. К досаде хозяйки, нетерпеливо ждущей у распахнутой дверцы авто, домашняя любимица не спешила расстаться с ощущением открывшейся ей свободы. Втягивая носом морозный букет уличных ароматов и читая их как раскрытую книгу, Глаша неторопливо продефилировала в сторону детской площадки. Резкий окрик: «Ты куда?!», не возымел должного действия. Лишь визгливая фраза: «Ты что? Совсем?!», заставила Глафиру остановиться, а затем нехотя проследовать к машине. Видимо, ей вовсе не

хотелось, чтобы о ней думали, что она «совсем».

Через мгновение гламурная тачка скрылась за хлопьями предновогоднего снегопада. Я мысленно послал вслед поздравления ее пассажирам и от души пожелал им обрести в наступающем году полное взаимопонимание, которого нам всем порой так не хватает.

КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

*«Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать – удел завидный...
Отрадной спать, отрадной камнем быть»*

Микеланджело

Отношение к гранитным валунам – этим безмолвным свидетелям исторических событий, протекавшим в глубокой древности – у меня всегда было благоговейным и почтительным. К тому же не прошло бесследно и частое посещение дедовских «вотчин» на псковщине, где остатки ледниковых пород встречаются на каждом шагу. Гранитные крепьши широко использовались предками при возведении фортификационных сооружений.

На мой взгляд, очень удачное применение для них нашел в наши дни легендарный директор Пушкинского музея в Михайловском Семен Степанович Гейченко.

Расположенные по его воле в определенных местах, с высеченными на поверхности поэтически строчками классика, недвижимые красавцы вносят пронзительную «ноту» в полифоническое звучание природы, не нарушая общей запovedной картины.

Не случайно, став «мелкопоместным» дачником, я пожелал создать на своем обетованном клочке земли «Сад камней». Тут, правда, не обошлось без влияния японских традиций. Как-никак наш кооператив носит гордое название «Востоковед». Полагающихся для воплощения это-

го замысла пятнадцати камней собрать сразу не удалось, но обретение одного из них заслуживает внимания.

Однажды во время прогулки на местный пруд, в десяти метрах от тропинки я заприметил торчащий из земли валун. Одержимый озвученной выше идеей, решил, не откладывая, выкопать камень и перетащить его на участок. Сказано-сделано. В неудержимом порыве я стал отбрасывать смешанную со мхом землю. Вождеденный объект оказался внушительных размеров и на поверхности, как у айсберга, была видна лишь восьмая его часть.

Когда удалось обнажить великана целиком, стало ясно, что без мощного рычага не обойтись. Все имевшееся под рукой коряги оказались слишком хлипкими. Ближе к вечеру первоначальный энтузиазм стал угасать. Да и силенок поубавилось. Решил продолжить задуманное на следующий день.

В ту же ночь разыгралась непогода со шквалистым ветром. Множество деревьев, в том числе и не слишком старых, попадало. Каково же было мое изумление, когда, придя на место, я обнаружил, между вчерашним раскопом и тропой, внушительных размеров ель, вырванную с корнем. Случившееся мной было воспринято как знак свыше. Теперь только надлежало вернее его истолковать. То ли лесной Дух не желал делиться своим «сокровищем», то ли дополнительным испытанием решил проверить твердость моих намерений.

Стало очевидно, что с наскака задуманное осуществить не удастся. А потом навалились другие дела и заботы, коих при новостройке всегда в избытке. История с экзотическим элементом ландшафтного дизайна отошла на второй план.

И тут ко мне приехал погостить мой товарищ Саня Шестопалов с сыном Ильей. В знак благодарности

КОРЕЙСКИЙ ПРИЩУР ИЛЬИЧА

*Воспоминания о гастрольях
в Южной Корее*

за гостеприимство ему не терпелось внести свою посильную лепту в благоустройство «фазенды». Я поначалу отговаривал их от всяческой трудовой деятельности, но потом, как бы, между прочим – поделился с ребятами возникшим сюжетом, ни на чем при этом не настаивая. Сам же, предоставив гостям полную самостоятельность, я вынужден был уехать в Москву. После недельного отдыха Саня с сыном отбыли домой.

По возвращению на дачу меня ждал приятный сюрприз. При очередной прогулке на пруд я обнаружил плоды их титанического труда. Злополучная ель была распилена, а образовавшиеся концы разнесены в разные стороны. Таким образом досадное препятствие исчезло. Мне ничего не оставалось, как завершить начатое. Специально припасенным дубовым дрыном я, изловчившись, поддел каменного упрянца. Представ во всей красе, он своей формой напоминал сердце, когда его изображают мишенью для стрел лукавого Амура. Обладая гладкой поверхностью, лесной старожил, по счастью, имел несколько выступов. Говоря проще, было за что ухватиться, чем я не преминул воспользоваться. Для начала пришлось выкатить лежебоку на тропинку, затем путем невероятных усилий доставить на участок. Каждый день удавалось преодолеть лишь несколько метров.

Соседи по даче, не будучи свидетелями моих атлетических упражнений, выдвигали самые замысловатые версии по поводу загадочного перемещения каменюки. Лишь когда «гранитное сердце» было водружено на свое нынешнее место, наступила ясность и страхи обывателей улеглись.

Вот так помимо своей воли неодушевленный предмет стал странником и героем непритязательной истории, которой я и хотел поделиться. Позже по соседству появились более мелкие собратья первенца, но также чем-то схожие с человеческими внутренностями.

Время разбрасывать камни и собирать... грибы.

Один из них, к примеру, являл собой печень, отравленную алкоголем. Исходя из наметившейся тенденции, не удивлюсь, если следующее приобретение будет напоминать детородный орган. Но тут уж как Бог управит.

Ровно 30 лет назад, в начале той памятной весны 1992 года, я впервые ступил на подмостки «Сферы» в роли графа Новосильцева в спектакле по роману Василия Аксенова «Остров Крым». Сразу же после финальных поклонов Катерина Ильинична Еланская, обняв и поздравив с дебютом, предложила перейти в труппу ее театра. Поскольку на тот момент, в Новом драматическом, где, пребывая в числе основателей, я прослужил более 16-ти лет, меня уже ничто не удерживало, приглашение было с радостью принято, и 18 апреля 1992 года в моей трудовой книжке появилась запись о зачислении в штат театра «Сфера».

Помимо участия в новых постановках («Прекрасные сабинянки» и «Князь Таврический»), в силу производственной необходимости, меня, как и положено, сразу задействовали во многих спектаклях текущего репертуара. Соскучившись по настоящей работе, я с интересом осваивал непривычное сценическое пространство «Сферы» и в каждой порученной роли старался добиться максимальной достоверности и убедительности. Судя по реакции зрителей, мне это неплохо удавалось.

Еще до моего прихода Екатерина Ильинична осуществила постановку по роману Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Пьеса, написанная Еланской, оказалась многонаселенной и требовала участия всей труппы. Мне перепала роль Веденяпина, дяди главного героя. Помню, как в своем коротком эпизоде, появляясь перед публикой, я с воодушевлением произносил стихи:

Мне к людям хочется, в толпу,
В их утреннее оживленье.
Я все готов разнести в щепу
И всех поставить на колени.

К своему стыду, романа, вызвавшего при выходе бурную и далеко неоднозначную реакцию общественности, я в ту пору до конца не прочел, хотя не единожды предпринимал к этому попытки. Настоящее знакомство с текстом и проникновение во внутренний мир героев произошло позже, во время гастрольной поезд-

ки в Южную Корею. Именно тогда, вдали от России, книга нашла отклик в моей душе. Остается лишь благодарить судьбу за столь счастливое стечение обстоятельств.

Началось все с того, что спектакль «Сферы» заинтересовал корейских студентов, обучавшихся в Москве актерскому мастерству, и которые, в свою очередь, смогли убедить «нужных людей» у себя на Родине в необходимости организовать гастрольный тур «Сферы» по городам корейского полуострова. Участники спектакля с радостью восприняли эту новость, предвкушая все блага зарубежного вояжа. Однако, заключив договор на поездку, театр был обязан до минимума сократить состав выездной группы. Ради выполнения поставленных условий пришлось пожертвовать некоторыми сценами в том числе и моей, но горевать по этому поводу пришлось недолго.

Стремительно меняющиеся обстоятельства сложились таким образом, что, получив другую роль, я все же был включен в состав отъезжающих счастливиц.

Совершив беспосадочный перелет из Москвы до столицы Южной Кореи города Сеула, мы там же успешно «стартовали» на одной из престижных площадок азиатского мегаполиса. Затем были Пусан, Тэгу и другие города помельче. Названий их уж не припомнить.

И везде приезде труппы из России предшествовали афиши странного содержания. На большом цветном плакате красовался голливудский актер Омар Шериф в роли Юрия Живаго, а под ним на фото помельче сцены из нашего спектакля. Вот такой маркетинговый ход.

В течение целого месяца, изо дня в день, наша труппа разыгрывала перед местной публикой один и тот же заявленный сюжет. Предоставленные нам подмостки ни в коей мере не походили на привычную круглую сцену «Сферы», и в задачу главного художника – Володи Солдатова – входила организация сферического пространства в традиционной структуре зала. Для достижения этой цели в партер «языком» выдвигался дополнительный пандус, а часть зрителей рассаживали на сцене. Некоторые выходы действующих лиц при этом предполагалось осуществлять прямо из зала.

Нередко после спектаклей благо-

дарные хозяева устраивали обильные застолья, во время которых выражали артистам свое восхищение их игрой. Мне, наравне с другими, тоже перепадало. Правда, однажды обескуражил неожиданный вопрос: «А кого же именно вы играли?» Впрочем, удивляться не приходилось. Мы все для них, как, впрочем, и они для нас, были на одно лицо.

Заканчивали мы свои гастроли на сказочном острове Чеджудо, что на юге полуострова. Это было прекрасное завершение знакомства с экзотической страной. Шикарный отель «Pearl» стал нашим последним пристанищем перед отлетом на Родину. Подарки, уложенные в чемоданы, уже ждали своих адресатов. Сверх различных сувениров удалось привезти родным большую сумку местных мандаринов, добытых в результате дерзкого набега на цитрусовую рощу, что раскинулась близ нашего отеля. Условный заборчик, рассчитанный на низкорослых и честных корейцев, не мог быть серьезным препятствием для бравых рослых парней из Москвы.

Основной сбор урожая уже прошел, и на ветках красовались лишь одиночные плоды, предназначенные, видимо, для перелетных птиц. Войдя в роли пернатых, мы вдвоем с коллегой с благодарностью «склевали» сладкий привет от тамошних натуралистов.

Опасения, что нас тормознут с таким грузом при посадке в самолет, оказались напрасными, и по «зеленому коридору» мы прошли без особого досмотра.

С особым интересом мои рассказы о поездке слушал отец, ведь Корея была единственной заграничной страной, в которой ему удалось побывать в 1945 году. При этом служба его в составе советских войск проходила по другую сторону 38-й параллели, разделяющей север и юг страны, но это уже другая совсем история...

НЕ ОЧЕРСТВЕВШИЙ ДУШОЙ

«Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем».

В.Г.Белинский

Знать историю своей страны, семьи, рода любопытно и поучительно. А если при этом есть основания для гордости – еще и приятно. Ну как не возрадоваться душой, когда, пере-

листывая документы прошлого, видишь, какие славные страницы вписали твои предки в историю страны. К сожалению, такая возможность сегодня есть не у всех: кто-то не сберег семейные архивы по небрежности, кто-то сознательно, по иным причинам.

Мне же повезло. В нашем семействе был человек, которому удалось собрать и систематизировать родовые предания. Это старший брат моего отца Дмитрий Васильевич Куприянов. Работая с архивными документами, он сумел составить генеалогическое древо нашей фамилии (начиная с 1678 г.). Привычку к дисциплине и системному подходу к изучаемому предмету дядя получил в ВВМУ им. Фрунзе, которое окончил в 1941-м, в самый канун войны, и прежде чем стать «семейным летописцем», сам оказался активным участником исторических событий.

Великая Отечественная война началась для него в Таллинне, где базировался дивизион малых морских охотников. На одном из этих катеров вчерашний курсант Куприянов был помощником командира. В морской дозор на охрану водных рубежей маленские труженики моря выходили постоянно. 28 августа 1941 г. корабли с большим трудом и немалыми потерями под бомбежкой и обстрелами с берега прорывались из окруженного фашистами Таллинна в Кронштадт. В этом походе Дмитрий Васильевич был уже штурманом на штабном корабле «Вирония». При налете немецких самолетов «Вирония» была повреждена и потеряла управление. Спасательное судно «Сатурн» взяло ее на буксир. Ближе к ночи «Вирония» и «Сатурн» погибли, подорвавшись на минах. Когда судно пошло ко дну, оставшиеся в живых моряки оказались в ледяной воде. Много часов пришлось бороться за жизнь молодому офицеру, а когда силы были уже на исходе и отчаяние парализовало волю, как луч спасения мелькнули перед ним лица родных – матери, младших сестер и братьев, меньшим из которых было три года и семь лет. Как они будут без него?! Ведь его офицерский аттестат был единственным средством существования в семье репрессированного, и он, собрав остаток сил, продолжил борьбу за жизнь. В конце концов, его, совершенно обессиленного и окоченевшего, подобрали спасатели. До-

ставать из воды и поднимать на борт пришлось с помощью сетей. Впереди было еще много испытаний: участие в обороне Ленинграда, тяжелое ранение и много другое... Однако – как и первое свое боевое крещение – молодой офицер все выдержал с честью.

Послевоенная Балтика была так напшигована немецкими и нашими минами, что моряки в шутку прозвали море «супом с клецками». Расхлебывать этот смертоносный суп пришлось в качестве морского минера и штурману Куприянову, служившему уже на тральщиках, очищавших Балтийское море от мин. Заканчивал флотскую службу Дмитрий Васильевич в учебном отряде. Молодым балтийцам, которым он преподавал морскую науку, было чему поучиться у моряка, прошедшего войну. Свои многочисленные награды он четко разделял на боевые и полученные в мирное время, за выслугу, говоря о последних: «Эти – за просиживание штанов», тем самым не стремясь превзойти свои реальные заслуги.

Выйдя в отставку в чине капитана второго ранга, Дмитрий Васильевич мог бы довольствоваться ролью заслуженного ветерана и существовать на немалую по тем временам офицерскую пенсию. Но не таков был мой дядя. С 1953 по 1998 г. он работал в Морском клубе ДОСААФ и на областной станции юных туристов в Твери. Волга, конечно, не Балтика, но и здесь можно было вместе с юными яхтсменами осваивать навыки мореходства и ходить под парусом.

С благодарностью вспоминаю то время, когда дядя брал меня с собой в шлюпочные походы по Волге. Я очень старался быть примерным матросом и не отставать от постоянных членов клуба. С непривычки и без необходимого опыта было нелегко. Случалось, что при отсутствии попутного ветра приходилось долго «идти на веслах», борясь со встречной волной. Облегчение наступало, когда можно было распустить парус; сразу хотелось почувствовать себя настоящим «морским волком», и вспоминались строки Николая Гумилева из цикла «Капитаны»:

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.
Быстрокрылых ведут капитаны —
Открыватели новых земель,
Те, кому не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы и мель.

Эти строки замечательного русского поэта Серебряного века впервые я услышал от нашего «адмирала», как почтительно называли его участники похода. Он, в свою очередь, — от своего боевого командира, в суровые военные годы. Позже у бывалого моряка возник более глубокий интерес к жизни и творчеству поэта.

В книжных магазинах того времени ни стихов, ни фактов биографии Гумилева найти было невозможно. Имя расстрелянного поэта было под негласным запретом. Необходимую информацию приходилось собирать по крупицам. Однако пытливый ум и скрупулезная работа в архивах позволили обнаружить много интересного и любопытного.

Поиски привели Дмитрия Васильевича в Бежецкий район, на место бывшей деревни Слепнево, столь часто упоминаемой в своих записках Анной Андреевной Ахматовой. И не случайно... Ведь каждое лето с 1911 по 1917 г. она гостила здесь со своим мужем Николаем Гумилевым в усадьбе его матери Анны Ивановны Гумилевой. В господский дом часто приезжали в гости соседи. Среди них были и Елизавета Кузьмина-Караваева (более известная как мать Мария) и молодой художник Дмитрий Бушен. Молодежь часто устраивала веселые праздники, словом, жизнь кипела повсюду. Однако все это осталось в далеком прошлом.

К моменту первого приезда Дмитрия Васильевича в Слепнево (в начале 1970-х годов) от того времени остался лишь дуб, воспетый Ахматовой:

Бессмертник сух и розов. Облака
На свежем небе вылеплены грубо.
Единственного в этом парке дуба
Листва еще бесцветна и тонка.

Именно благодаря этому дубу можно было отличить слепневский холм от многочисленных других, образующих местный ландшафт. Чудом же сохранившийся господский дом был перенесен в соседнее село Градницы и отдан под сельскую школу. И уже ничто не напоминало здесь о жизни поэтов. Тогда же Дмитрий Васильевич принялся за нелегкий труд по сохранению памяти о пребывании Ахматовой и Гумилева на Тверской земле.

Каждый год вместе с Виктором Семеновичем Анкудиновым, старожилом Бежецка и одноклассником Льва Гумилева, сына поэта, они устанавливали на слепневском холме рядом с дубом «мемориальные знаки», сообщавшие о том, что на этом месте стоял дом поэта.

Я, со своей стороны, тоже старался быть полезным, являясь, можно сказать, его полпредом в столице: встречался с необходимыми людьми, передавал в редакции материалы для печати. По моей просьбе сын моего педагога по сценической речи Татьяна Ильинична Васильева, ныне известный историк моды Александр Васильев, будучи в Париже, встречался с Бушеном и привез его воспоминания (машинописный вариант). А тому было чем поделиться. Знакомство молодого художника с Ахматовой состоялось в начале 1910 г. Бушен был завсегдатаем кафе «Бродячая собака», а также часто гостил в имении Кузминых-Караваевых, расположенном по соседству со Слепневым. В эмиграции в 1977 г. Бушен выполнил иллюстрации к «Поэме без героя».

Дядя рассказывал, как местные власти с особым рвением принялись охранять свои позиции от «инородного вторжения» и чинили всяческие препятствия. Несмотря на это, энтузиастам удалось восстановить утраченные могилы Анны Ивановны, матери поэта, и Анны Степановны, его сестры. По оценке Льва Гумилева акт о захоронениях составлен Дмитрием Васильевичем

безукоризненно. Оригинал акта заверен им и хранится у Евгения Степанова, автора многих публикаций о Николае Гумилеве. Слава Богу, усилия многих патриотов и поклонников поэзии не пропали даром, и 28 июня 1987 г. состоялись первые Ахматовские чтения. Для сборника «Анна Ахматова в Тверском краю» (изд-во «Московский рабочий», 1989) дядя написал подробный литературно-краеведческий очерк «Слепнево и Бежецк в жизни поэта», куда вошли, в том числе, и сведения из мемуаров Бушена. Брешь в административно-бюрократической косности была пробита.

Вся наша семья гордится тем, что у истоков этого движения вместе с другими был и мой дядя — истинный русский офицер Дмитрий Васильевич Куприянов.

При различии судеб Николая Гумилева и Дмитрия Куприянова их матерям суждено было пройти одно общее испытание. И Анна Ивановна, и Мария Ниловна получили страшные известия о гибели своих сыновей, не веря в которые продолжали терпеливо ждать. К счастью для моей бабушки, вскоре пришло опровержение. К матери поэта судьба была более безжалостна.

Интерес к личности Анны Андреевны Ахматовой Дмитрий Васильевич сохранил до конца жизни. Он общался со Львом Николаевичем Гумилевым, состоял с ним в переписке, а незадолго до смерти (2002 г.) в содружестве с кандидатом исторических наук и членом Союза писателей России Вячеславом Михайловичем Воробьевым опубликовал в тверском издательстве «Созвездие» (2001 г.) книгу «Ахматова и юмор».

РАССКАЗЫ

Александр КРАМЕР

Родился в Харькове.
Окончил Харьковский
политехнический институт,
заводской инженер.
Участвовал в ликвидации
последствий чернобыльской
катастрофы.
С 1998 г. живет в г. Любек
(Германия).

ИСТОРИЯ МЫШЕЛОВКИ

Мышеловка с давнишних времен лежала в пыли под диваном и блаженно бездельничала. Обитатели старого дома про нее просто-напросто позабыли. Когда-то ее стараниями отовсюду отвратительных грызунов извели, и они в этом здании уже множество лет не водились. Потому теперь не было в мышеловке никакой абсолютно необходимости. Оттого и валялась она теперь сиротливо и без всякого дела – в бессрочном забвении.

1

Когда-то, когда мыши здесь совершенно распоясались и всякий мышинный страх потеряли: бродили нагло по дому и днем, и ночью, пугая детей и женщин, мышеловку купили на центральном базаре и прямо плясали от радости, что теперь от противных хвостатых будет такая замечательная защита. Тогда только и разговоров было, что у них теперь, наконец-то, есть мышеловка. Потом были однообразные мышеловочьи будни: она ловила, ловила и ловила мышшей, которых мало-помалу становилось все меньше и меньше. Зато насельники здешние в нее верили и ценили; а когда однажды на кухне зашел разговор, что, наверное, чтобы дело шло побыстрее, надо б еще одну мышеловку купить, большинство наотрез отказалось. Сказали, что и эта замечательно с делом справляется. Она помнила, что ей слышать такое было очень приятно.

Мыши, понятное дело, упорно и долго прилежной охотнице сопротивлялись, но однажды все же сдались. Всех грызунов мышеловка, конечно же, так и не изловила, но те, что остались, в страхе великом прочь бежали из ужасного места. Работа закончилась, больше в ней не было необходимости. Потому и лежала теперь мышеловка в тишине и покое под старым диваном и наслаждалась тем, что никто о ней не вспоминает, и что ничего ей больше делать не надо. Она очень устала от своей непрерывной охоты и была просто счастлива, что может теперь от трудов своих праведных отдохнуть в тихом сумраке, пожить, наконец, безмятежно и праздно.

Сало, которое она терпеть не могла, потому что это была не еда, а приманка, больше в нее не запихивали, противных мышшей ловить не заставляли, и за то, что ловля идет не так быстро, как всем бы желалось, не чихвостили. Чудесная жизнь для нее наступила. Это было настоящее мышеловочье счастье! Честное слово.

2

Впрочем, одна мышеловка была, разумеется, не все время. Иногда попадали к ней в укромное поддиванное место всякие-разные вещи: крошечные автомобильчики, мелкие куклы, мячики, кубики... но хозяева в них нуждались, искали, и вскорости всевозможными способами обязательно назад возвращали.

Иногда жуки-пауки мастей всяческих забредали. Лазили по мышеловке, топтались, шуточки непристойные отпускали... Но все это было отребье, шушера – низшая расса, и она никакого внимания на хамье это не обращала.

Как-то однажды днем под диван закатилась монетка – блестящая, звонкая. Чванливо сверкая в узком лучике солнца, бахвалилась замечательным своим социальным статусом, знакомствами, значимостью... Без умолку брэнчала, брэнчала, брэнчала... У мышеловки все сочленения стали ныть от ее невыносимого пустословия. И когда наконец пустомелю шваброй из-под дивана выудили, мышеловка только что не прослезилась от радости.

Но в последние самые годы, забытая всеми, мышеловка уже и хамью мерзкому была рада. Теперь даже монетка-дура, наверное, никакой досады не вызвала бы. Все потому, что время под старым диваном стало течь просто невыносимо, просто безумно медленно.

3

Долго ли, коротко ли у мышеловки эта празднично-тоскливая жизнь продолжалась – никому не известно. А только однажды теперешние жильцы решили пришедшую в ветхость, продавленную, ни на что не пригодную мебель из комнаты выбросить, а взамен купить новую, современную – для глаза приятную и для тела удобную. Вот тогда мышеловка-то дедовская и обнаружилась.

Только она на свет божий из сумрака появилась, как обитатели дома хохотать стали как сумасшедшие, потому что – так много лет пролетело – никто из них никогда и в глаза мышеловки не видел, а только слышал да в книжках читал, что такие устройства бывают. Мышеловка-бедняга тоже никого из новых хозяев дома не узнавала. Дав-

ным-давно не было здесь уже тех, кто когда-то принес ее в дом, а потом мышковать на долгие годы заставил.

В общем, вышвырнули бесполезную мышеловку вместе со старым диваном сначала на мусорку, а потом огромный оранжевый мусоровоз, опять-таки вместе с диваном и другим всяким хламом, ее, точно дрянь какую, на городской свалке вывалил.

Лежит мышеловка теперь среди гнили и мусора. Разрушают ее метели, туманы и ветры; и уже ни на что она, горемыка, теперь не пригодна. А еще через малое время превратится она под снегами и ливнями, морозом и зноем в нечто не распознаваемое, ни формы какой-либо, ни даже названия не имеющее.

А новые жители старого дома, вдосталь навеселившись, навсегда о ней позабыли. Да и к чему было помнить?!

ЖДУЩИЙ*

*Памяти художника
Валентина Подпомогова*

Сначала море ушло; потом ушли люди, потому что болеть начали, да и еда вместе с морем исчезла; осталась одна только мертвая степь, по которой бешеный ветер гнал жесткий песок и жгучую соль.

С тех пор как люди ушли, корабль здесь и лежал, все больше и больше заносимый песками. Только ящерицы прибегали в жару понежиться на теплых, уже едва видных палубных досках изветшавшего парусника, да чайки садились изредка на реи единственной уцелевшей мачты.

1

Человек появился внезапно. Первые звезды еще только за-

* Подпомогов жил в Армении. Его картины висят в Ереване в Национальной галерее. Они есть и в Интернете. Картины необычные. Одна и послужила толчком для рассказа «Ждущий».

жигались, когда он вдруг вынырнул из безбрежных степных пространств. Высоченный, мостластый, какой-то весь взбудораженный, будто наэлектризованный, порыскал при полной луне по окрестности, выкурил самокрутку, устало спиной привалившись к борту, впихнулся, срамословя, в спальный мешок, повертелся юлой, будто блохи его донимали, и уснул наконец.

Назавтра поднялся чуть свет, вместе с птицами, подымил, глядя угрюмо сбоку на утлый, обреченный на смерть от песков ковчег, и снова взялся мотаться между брошенным рыбацким поселком и изувеченным временем и песками двухмачтовиком: таскал разный скарб, бурчал ерунду всякую, башкой крутил бешено и сквернословил. Набегавшись до упаду, устроился возле кормы, костерок разложил, похлебал наспех какое-то варево, скрутил здоровенную козью ножку и стал небо коптить и песни дурные орать. После опять в поселок подался.

Ближе к вечеру прикатил на обшарпанном драндулете (как завел – аллах знает), привез инструмент шанцевый, палатку линялую, парусины прездоровенный кусок, да еще ерунду всякую, что вроде как могла бы понадобиться. Потом до утра вино хлебал из горла, самокрутки смолил и песни свои чудные горланил – неизвестно о чем; а перед светом уснул и проспал-прохрапел до полудня – аж живность вся поразбежалась на мило вокруг.

2

Пекло стояло невыносимое, дикое просто, но кроме подзрительной забегаловки в полуподвале ничего поблизости не наблюдалось, вот и зашел. Когда жажда мучит, до формы кувшина нет дела.

Внутри пивнушки сброд местный, будто и не жарынь, под бластную музыкашку водку трескал,

пивом полировал и какой-то дрянью закусывал; стакан воды спросить под косыми взглядами гопоты всякой гонор не позволял; спросил пиво, хоть то и выглядело... ну ладно. Взял щербатую кружку с шапкой пены высотой с поварской колпак, порыскал глазами, нашел столик с папашей лысым в замызганном тельнике, уселся напротив и стал, не спеша, ледяную бурду цедить, в стенку глядячи.

– Шеф, а шеф, поставь пинту, – лысый мордатый дядька выразительно повозил по столу пустой кружкой, – побазарим... Да не зырься, не зырься ты. Не лежала б моя скорлупа в песках, может, я б тебе сам поставил, не пожлобился бы.

– Во-во, до корабля в песках назююкался? У меня таких пуль, морячок, целый склад, мне без надобности.

– Взаправду в песках. Так на стапеле и остался, когда море ушло. Посейчас, видать, там, коли не изгнул. Рыбарей тогда всех будто тайфун уволок, за бурграми попрививало. Я здесь вот ошвартовался.

– И чего, так больше к посудине своей и не ворочался?

– А на кой мне туда, я ж не девку кинул. Хрен с ним. Нет там больше морских делов никаких, оттого и корыто старое теперь тоже без надобности...

3

Он с какой-то дури решил, что бойко управится. Потому поначалу вламывал, как одержимый, без сна и без отдыха. Опомнился тогда только, когда руки стер в кровь, спину сорвал и из сил выбился совершенно. Тогда в палатку залег и валялся там пару-тройку деньков, как бревно; курил только, да воду вонючую пил, даже есть не хотелось. Пока пролеживался, дошло, что нахрапом такую работу брать – дикий абсурд. От всяких своих фантазий бредовых очнулся, и

с этого времени стал работать нормально – монотонно и неумолимо – как и положено.

Сначала очистил весь трюм – от кормы и до носа, все доски гнилые сменил, все щели законопатил; после внутрь корабля все свое барахло перенес и сам туда перебрался. Теперь никакие ненастья достать бы его не сумели, да и уютней ночами, привычней – крыша над головой все ж таки. Когда обустроился, стал корпус двухпарусника очищать, а песок отвозить подальше, в сторону моря, чтоб сразу снова не наносило. Так и работал без устали, пока не откопал оба борта до стапеля. За все это время один раз только безнадега в душу к нему закралась и верх взяла. Один раз только!

4

Так-то он со «змием» не сильно дружбу водил, но в тот день, до вечера не дотерпев, надрался до зеленых чертей, на ночь даже в берлогу свою не залез – не осилил, завалился храпеть прямо так, возле борта, а под утро от холодрыги едва не подох. Только на том черта не подвелась, чернуха не отпустила. Собрал тогда он свои манатки и в путь обратный наладился. Далеко за сутки ушел. Так далеко, что мачту не видать уже стало и в голой степи пришлось заночевать. А утром глянул по сторонам, очнулся, матюгнулся, аж туча страховодная на горизонте образовалась, и назад повернул. Назад летел так, будто кто скипидаром по пяткам мазнул. А под вечер, уже когда в трюме пластом валялся, налетел из степи черный смерч, выл, как полчище бесов, тряс утлый челн, да не вытряс – выстоял старый боец, песчаным щитом прикрытый, выдержал и его собою прикрыл. Не схорони корабль его в прочном своем нутре, сгинул бы – и костей не сыскали б. После даже и мысли не появлялось, чтоб бросить спасителя своего в проклятой степи.

И с того дня уперся он, как стадо волов, и все рыл, рыл и рыл (за провиантом только и отлучался), пока не осилил до точки рытье это чертово.

5

Рыдван вражий, что только не вытворял он с ним, заартачился и больше так и не запустился. Потому бушприт, матерясь, из поселка на себе приволок и, пролив тыщу потов, установил крепко-накрепко. Потом из парусины – на бушприт и последнюю мачту – два паруса выкроил и корабль оснастил, будто впрямь на нем в море выходить собирался.

Бушприт – это что! Вот когда он после всех этих дел бочку с краской катил по пескам!.. Все жилы бочка та вытянула, но доставил-таки! Потом долго ждал, когда выпадут штилевые дни, чтобы ветра ни малейшего не было, чтоб песок, как мертвый, лежал. Вот в эти несколько дней, с утра до ночи чертолома, он и выкрасил парусник, чтобы был белей пены морской, а потом огромными красными буквами написал на обоих бортах его новое имя – «ЖДУЩИЙ».

Все! Свершилось!

6

Он и шага ступить не успел, когда ветер снова стал выть, трепать, в клочья рвать паруса, швырять жгучую соль, гнать жесткий песок, засыпать, заматывать из песчаных лап вырванный «ЖДУЩИЙ». Но ему наплевать уже было. Он даже не обернулся. Знал, что бы ни было, снова откопает и выдраит. До полной, до абсолютной безукоризненности. А Ветер... Что ветер? Теперь его час, его право! Пускай себе воет, метет и швыряет. Сколько влезет. Плевать. Он вернется. Корабль обязан ждать воду, а не смерть, и быть всегда наготове. Остальное все – ерунда.

Алексей ШИХАЛЁВ

Родился 29 мая 1980 года в деревне Красный Ключ Малмыжского района Кировской области, живу в Ижевске. Инженер. Ранее работал в нефтегазовых компаниях (Ямал, Удмуртия). Сейчас работаю ведущим инженером в Центральном банке РФ. Публиковался в региональных и столичных литературных изданиях России, а также в литературных изданиях Финляндии, Эстонии и Казахстана.

ПАМЯТЬ

ДЕД

Небо.
Разлитая полночь,
Тучей скрывает рассвет.
Дед мой Григорий Егорыч,
Тридцать с копейками лет.

День над излучиной длинный.
Ночь.
Середина реки.
Дед мой в степях Украины,
Пишет войны дневники.

Как мне хотелось с тобою.
Рядом,
Подставив плечо.
Спать после трудного боя.
Но я,
Не родился еще.

Слышу лишь гул долголеть,
Кровь раздается внутри.
Чувствую твой сорок третий,
Сердцем.
И мне сорок три.

Небо.
Разлитая полночь,
Тучей скрывает рассвет.
Осень.
Вернулся Егорыч.
Больше вернувшихся нет.

ТЕНИ

Падают странно тени,
Ветер листву уносит.
Рано на этой сцене,
В новом сезоне осень.

Тени крадутся тихо,
В стенах домов неспящих.
Черный пожарный выход.
Серый почтовый ящик.

Утро.
Кафе «Юпитер».
Между людей маячат.
В старый тенистый свитер,
Шеи худые прячут.

Тени садятся ближе,
Трутся о стол боками.

Свет отраженный лижут,
Серыми языками.

В сонный трамвай заходят.
Купят билет как будто.
Ищут глаза знакомых,
На городских маршрутах.

Тонут в толпе прохожей,
В лужах прохладных мнений.
Вы на меня похожи,
Странные люди-тени.

Вечер прозрачно-синий,
Сны собирает в стаи.
Тени в углах застыли.
Медленно исчезали.

Тихо в небесной сини,
Тесно, как птицы в клетках,
Души живут босые.
Тени забытых предков.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ СОН

Лети мятежная душа,
Иди дорогами прямыми.
В небесный плац вбивая шаг,
Над заводскими проходными.

Над миром, где людской ручей
Спешит домой со смены поздней.
И в горнах доменных печей,
Уснули утренние звезды.

Притихли шестерни в пазах,
Забег окончили турбины.
Машины спят и видят сны.
Прекрасен тихий сон машинный.

А я на ветреном крыле,
Лечу
И думаю о вечном.
Что быть машиной на земле,
Добрее
Даже человечней.

Вращает втулки маховик,
Движений радости природа.
Не для наград,
Не для интриг,
А для развития завода.

В НОЧНЫХ ЛЕСАХ

В ночных лесах, где авангард снежинок,
Штурмует купола монастырей.
Мне правду говорил суровый инок:
«Дели печали матери своей».

Трещал мороз.
Смиренно кельи спали.
Псалтырь старинный трепетал в руке.
Во всех мирах слова его звучали
На русском православном языке.

А за стеной девчонкой не одетой,
И в будний день и в божий выходной,
Зима полки вела навстречу Лету
Чтобы упасть расплакавшись весной.

Уснула ночь.
Чуть слышно ветер дышит,
По соснам развевая снежный дым.
В избе лесной,
Под общей звездной крышей,
Мы Веру православную храним.

Здесь тысячи сильнее единица,
И дух святой презрел житейский хлам.
Россия здесь молитвою творится,
Невзгоды разделяя пополам.

ЧАСОВЫЕ

По просторам огромной России,
Вдалеке от житейских морей,
На пригорках стоят часовые,
В куполах опустевших церквей.

Летний зной да туманы сырые,
Иль февраль ворошит снегопад,
На пригорках стоят часовые,
В тишине их лампы горят.

Здесь бывало под звуки гармошки,
Под Рязанский цветной хоровод,
Заиграют по избам окошки
В православный шестнадцатый год.

Здесь когда-то любили, женились.
«Отче наш», — повторяли уста.
И на Пасху поближе садились,
В каждом доме встречая Христа.

Налетели тревожные годы
Черным солнцем да криком ворон.
И никто не ведет хороводы
На останках забытых имен.

Лишь они православной загадкой
Неизменно стоят на постах.
И огни зажигая в лампадах
Прячут грозы в огромных крылах.

Для того чтобы помнили люди,
Чтоб вернулись в покинутый дом.
Ты поверь!
И лампада зажжется.
Летним вечером в сердце твоём.

УБЕГУ

Убегу в золотые поля,
Там под крышей небес голубых,
Деревенки вращает земля,
В хороводе столбов верстовых.

Убегу и забуду про то,
Как в висок барабанят дела.
Пусть висит в гардеробе пальто.
И пиджак,
Полинялый едва.

Убегу от надутых вельмож,
От авралов мирской суеты.
Я уйду в незрелую рожь,
Как смирясь уходили в скиты.

Утону в златоглавой глуши,
Позаброшу печали невзгод.
Убегу!
Осуждать не спеши.
В добрый путь!
Пусть поможет Господь!

ПАМЯТЬ

Вижу белое солнце в зените,
Там под звуки серебряных струн,
Разорвав вековые граниты,
По ущелью грохочет Аргун.

Вижу между высоток палатки,
Закопались в обрывистый склон.
Как огромные дачные грядки,
Только кончился дачный сезон.

Летний дождь да туманы сырые.
Чай индийский на дне котелка.
Мы уходим совсем молодые,
Растворяя в себе облака.

Нас связали суровые нити.
Каждый помнил и каждый хотел,
Чтобы ты никогда не увидел,
В двадцать лет человека в прицел.

МОЛИТВА

Там в тишине у детской колыбели,
Чуть нараспев и слышимы едва,
Кружась в прозрачном воздухе летели,
Лишь к Богу обращенные слова.

В ответ с небес мелодия звучала.
И падал снег,
Все чаще, все сильнее.
Природа спит, укрывшись покрывалом,
Из кротких слов молитвы Матерей.

ВОСКРЕС!

Скрипели в избах половицы.
Гнал ветродуй весенний треск.
Кричал парнишка круглолицый,
Воскрес!
Воистину Воскрес!

Воскрес! Кричал не умолкая.
Вознесся в Царствие с Отцом!
И радость найденного Рая,
В душе звенела бубенцом.

Меж изб, завалинок и печек,
По деревянным мостовым.
Бежал счастливый человек.
И Бог бежал под руку с ним.

Бегу и я.
Веселый,
Станный.
Смеются радостью уста.
Спит город мой обетованный.
В ночь Воскресения Христа.

ЧУМА НА ОБА ВАШИХ ПИРА ВЕНОК СОНЕТОВ

Андрей САЛЬНИКОВ

г. Екатеринбург.

1
Берез лампы погасила осень,
и в мхи безвременья хоронятся дожди.
Потрепаны шинели и у сосен,
«но лучшее, конечно, впереди»...

Я мертв и тих, как в первый день творенья,
еще не осенила благодать...
Душа не плачет, тел не помня тленья,
и хорошо, ведь ей еще страдать.

Но интервал между слоев не длится,
— я сбит и смят, но снова все случится,
создателем соизждет нас весна...

И я восстану для любви и жизни,
а значит, и для рабства, и для тризны,
осталось тешиться иллюзиями сна...

2
Осталось тешиться иллюзиями сна,
пока не звонит колокол бессонниц,
пока в реке судьбы не видно дна,
пока списать все можно на виновниц,

и самому уверовать, спасаясь
от истины, безжалостной как штык.
Ну да, ты жив, но помни восторгаясь,
что от беспамьяства нас не спасет язык.

И пыль веков слежалась из мгновений,
падений тронов, власти, озарений...
А молох времени пугающ и несносен.

И сталь характеров, и даже бронзу дел,
все перемелет, в этом наш удел...
Но все пасует перед властью весен.

3
Но все пасует перед властью весен,
а значит жизни, за волной волна,
накатывают, затопляют, сносят,
все дряхлые конструкции ума...

Весну приносит ра-дость, то есть солнце,
у нас ведь нет в нем ярости Амона.
И чуешь в неприятном незнакомце
всю силу жизни и тоску шаблона.

Он громогласен и давно небрит,
помят, пахуч, недавно был побит,
причина неуклюжести ясна...

Да, и его природа разбудила,
наобещала, блажью опоила,
безродная проказница — весна!

4
Безродная проказница — весна,
Все ж вхожая в элитные дома.
Ей и в лачугах рады без ума,
а пьяницы и гении без сна...

Безумствует и плачет молодежь,
палеозоем бредит мать природа.
А ты устал и ничего не ждешь,
так кажется, в другое время года.

Не верится, что будут холода,
что «никогда» и значит — «никогда»,
а мы бессмертны, лишь как часть природы.

И даже если кто-то жив в веках,
пять тысяч лет — пылинка на весах,
гигантских масс кошмарной несвободы.

5
Гигантских масс кошмарной несвободы,
не пережить и не осмыслить нам.
Об этом еще помнили рапсоды
и намекали людям и богам...

А мы, увы, погрязли в созерцании,
пустячных дум, ничтожности страстей.
Во всем бега и чаще — тараканьи,
и лишь грехи почти как у людей.

Не скифы мы, не азиаты мы,
все растеряли в закутках тюрьмы,
и добровольной, и почти родной.

Нас не прельстит степная кобылица,
о том, что в лики превращали лица,
не помним мы, не знаем мы, весной...

6
Не помним мы, не знаем мы, весной,
всей тошноты житейских бухгалтерий.
Пирует тело, в бренности самой,
не видят очи почвы для сомнений.

Наш дух, конечно, тоже жаждет пира,
нас слепит солнце, бликами в глаза...
и с магией фальшивую факира,
весна обманет, мы же только за...

Дух одинок, а тело ждет общения,
сиянья глаз и лжи прикосновенья,
ну и других условностей природы...

И в этом ключ, чем ближе к ней, тем краше,
а дух твердит, что это все не наше,
но как постичь, на что уходят годы?!

7
И как постичь, на что уходят годы?
На продолженье в детях и делах?
На миг любви, на пару дней свободы?
На сибаритство?! На аскезу?! Страх?!

Ведь что роднит кориатид-атлантов?!
Там гением на них возложен гнет!
Мы ж сами эгоизмом иль талантом
себя гнетем, сам черт не разберет...

И тоном тихо в вязкой тине буден,
Мы все виновны, каждый неподсуден,
ведь всем финал давно известен свой.

Хоть как живи — мелодия конечна,
Красива-некрасива — все не вечно.
Утомлены мы этою борьбой!

8
Утомлены мы этою борьбой!
Нам не понять, а кто же днесь Иаков?
Спасает только тихий всхлип — родной!
Но даже он всегда не одинаков.

И потому не узнаваем, и...
за истину не признаваем нами.
Мы мыслим трафаретами, пойми!
А в остальном?! Следите за руками...

Мельчаем в страсти, любим и не любим.
Не стало нашим... тут же и забудем!
И где понять нам смысл любви иной...

Ни юмор не спасает, ни сатира,
чума на оба этих ваших пира!
Куда б ни шли, всегда идем домой.

9
Куда б ни шли, всегда идем домой.
Дорогу к храму быстро позабыли,
не тормозил нас даже окрик — стой!
Когда не просто верили — любили.

Да, да, не все, так и сейчас не все,
доносы пишут, ненавидят мать,
в своей не взлетной черной полосе,
страну и веру любят обвинять...

Ведь сопричастным быть большому делу,
судьба орлов, но этому уделу,
служить не просто, душно над землей,
на высоте, и страшно одиноко...
Необходимость — вот что так жестоко!
Что заставляет нас не быть собой?

10
Что заставляет нас не быть собой?
Попеременно одевая маски,
вот для работы, для семьи, с собой,
что в транспорте нужна нам, для отмазки...

Не верим в пользу, все равно их носим,
участвуя в безумном карнавале.
Пусть все пройдет, но маски
мы не сбросим,
сам карнавал закончится едва ли...

Со стороны — палата номер шесть!
Какую бы таблеточку нам съесть?!
Но психиатры что-то вдруг пропали!

И даже санитары по утрам,
себе рубашки вяжут, а не нам...
И вечный бой, где не важны детали!

11
И вечный бой, где не важны детали!
мы в шоу превратили и резню.
И психиатры попросту устали,
мы смотрим бойню сотни раз на дню...

Что раньше было в играх электронных,
вдруг стало прозой наших хмурых дней.
Восстание холопов в залах тронных,
вдруг сняло воск сакральности с идей.

И оглянись, нет ничего святого,
и нет титанов уровня Толстого,
лишь ярлыки, вот это миф, вот ложь...

И если мы вчера шагали строем,
то в наши дни все нападают роем,
а правда о себе, как острый нож.

12
А правда о себе, как острый нож,
и потому любовь такая к сказкам,
диеты, лотереи, хоббит, ЗОЖ...
А правда жизни только как отмазка.

И потому-то этих правд вагоны,
у каждого своя и не одна...
Вранье давно сломило все препоны,
а мы молчим, о том, что нету дна.

И все, чего мы этим всем добились,
исчезнет тут же, все в том убедились.
Но отмахнулись — не буди, не трожь...

Ну да, конечно, никому не надо,
чтоб по заслугам и была награда.
Но каждый рвется возвратить правож!

13
Но каждый рвется возвратить правож,
не понимая лжи простых ответов,
И мнится, что вот этих уничтожь —
все расцветет! И если б только это...

Живет в нас тяга к злой парижской ночи,
победы не отдавшей никому...

Но вновь и вновь, зовут ее, пророчат,
жестокую, немислимую тьму!

Националь, ГУЛАГ и Бабий Яр...
И дети с пистолетами — кошмар!
Ложь СМИ и провокации достали!

И осень вдруг опять сошла с ума,
вновь злоба, бунты и опять война...
Путь к счастью так находится едва ли.

14
Путь к счастью так находится едва ли,
и человек, не мера всех вещей.
Другой же меры, мы не отыскали,
в слепом плену бессмысленных идей...

Столпы культуры разровняли в поле,
постмодернизм бульдозером прошел...
Координат не стало, кроме воли,
но только воля — это произвол.

И новую пора торить дорогу,
пускай не к храму, надо проще, к Богу.
Вот только б избежать блестящих блесен...

Пустышек страшных с жалами крючков,
весна и осень не простят оков.
Берез лампы погасила осень!

15 (Магистрал)
Берез лампы погасила осень,
осталось тешиться иллюзиями сна...
Но все пасует перед властью весен.
Безродная проказница — весна!

Гигантских масс кошмарной несвободы.
Не помним мы, не знаем мы, весной...
Но как постичь, на что уходят годы?!
Утомлены мы этою борьбой!

Куда б ни шли, всегда идем домой.
Что заставляет нас не быть собой?
И вечный бой, где не важны детали!

А правда о себе, как острый нож.
Но каждый рвется возвратить правож!
Путь к счастью так находится едва ли...

10 ноября 2020 года.

Федор МОРОЗОВ.

СОЛНЕЧНЫЕ ОЗАРЕНИЯ ВИКТОРА ВИНОКУРОВА

(Окончание. Начало на стр. 1)

Виктор Винокуров в чем-то большой ребенок с удивленно распахнутыми глазами. Он идет на встречу каждому новому дню с улыбкой и доверием.

Так однажды он заметил одинокую старушку, которая лузгала семечки. Одну себе, другую – собаке, сидящей рядом. И вдруг художник видит, что у собаки накрашенные когти. И он тут же побежал в мастерскую, схватился за кисть и краски. Что называется, нарочно не придумаешь.

Как сказала одна почитательница его таланта: «То что делают некоторые художники, я могу, в принципе, сфотографировать. А здесь – особый взгляд, свой винокуровский стиль. И мне интересно увидеть мир его глазами. Это так странно и необыкновенно. Никогда не знаешь, что увлечет мастера».

Винокуров любит писать барышень, катающихся на велосипедах. Бильярдистов, сражающихся с пылом и азартом. Конькобежцев, делающих па-де-де на льду. А также улицы, магазины, набережные, дома. Ему интересно все. А спросишь: «Как он находит тему?» И он загадочно ответит: «Она сама его находит». Это рождается по наитию. Относится ли его творчество к наивному искусству, примитивизму. Это не так важно, ибо любой настоящий художник создает свой пластический язык. Свой мир. Свое видение.

Он видит то же, что и мы, но по-своему. Так однажды Ренуар увидел Собор, или Тернер английский туман, а Винсент Ван Гог подсолнухи и потрепанные туфли. И все ахнули: «Надо же, а мы и не замечали!» А какие трогательные, забавные и важные у него получают воробы. Один сидит на ветке и любит распускающимся цветком. А на голове у него шляпа. Нам подавай страуса, павлина, индюка. Нечто большое, яркое. А оказыва-

ется воробей – удивителен. Он не просто серый. У него в оперении столько отливов. Он такой грациозный, стильный и элегантный. Кто бы мог подумать? И работа маленькая, но такая теплая, нежная, ласковая. Что хочется кого-нибудь обнять, приласкать. Все мы в поисках...Любви. Капля нежности. Щепотка доброты. Горсточка радости. Один грамм надежды. Улыбка страдания. Вот, что действительно нам нужно. Что делает нас людьми. Дает смысл нашей жизни.

Хвала безумцам, бунтарям, смутьянам, неудачникам.

Тем, кто всегда нехстати и невпопад. Те, кто видит наш мир иначе. Они не соблюдают правила, они смеются над устоями. Их можно цитировать, спорить с ними, прославлять или проклинать их, но только игнорировать их невозможно. Ведь они несут перемены, они толкают человечество вперед. И пусть кто-то говорит: «Безумцы!» Мы говорим: «Гении!»

Ведь лишь безумец верит, что он в состоянии изменить мир, и поэтому меняет его.

Виктор Винокуров настроен на мажорный лад. Он знает, что есть тучи над головой. Но он знает, что над ними есть всегда солнце. Он ведает, что в ночном небе водят веселые хороводы звезды. Что Тайна прячется в каждом маленьком листике, который может стать птицей, как часто он это делает на своих женских портретах. Когда звездопад переходит в листопад, а тот, в свою очередь, в полет ласточек и стрижей. Он большой экспериментатор. Не так давно он решил рисовать...ногой. Да, только представьте. Может, это добавляет экспрессии или новаторства. А может, – это нестандартная импровизация. Поиск чего-то невозможно прекрасного и невероятного? Кто знает?..

Он жизнерадостный художник. Он знает цену радости и счастья

как открытый и восприимчивый человек, ранимый и впечатлительный, он многое пережил в своей жизни. И поэтому он делится самым дорогим, что у него есть: талантом – радоваться, сопереживать, понимать, быть открытым всем ветрам.

Он делает наш мир добрее и счастливее.

Когда на пресс-конференции Джона Леннона спросили, какая у него цель в жизни? Он сказал: «Быть счастливым». Ему ответили: «Вы неправильно поняли вопрос». Он с улыбкой ответил: «Вы неправильно поняли ответ!»

Нам всегда чего-то не хватает для счастья: денег, возможностей, условий. А счастливый художник Виктор Винокуров своим творчеством говорит: мир изобилует и невыразимо прекрасен. Он неисчерпаем и парадоксален. Просто обрати внимание на то, что происходит вокруг тебя. А происходит Великая Мистерия Бытия. По небу бегут облака, цветут деревья, и зацветают невиданной красотой девушки и женщины. Поют птицы. Светит ласковое солнышко. Свежий ветер играет волосами ребенка. И небо зовет к свершениям и дарит вдохновение.

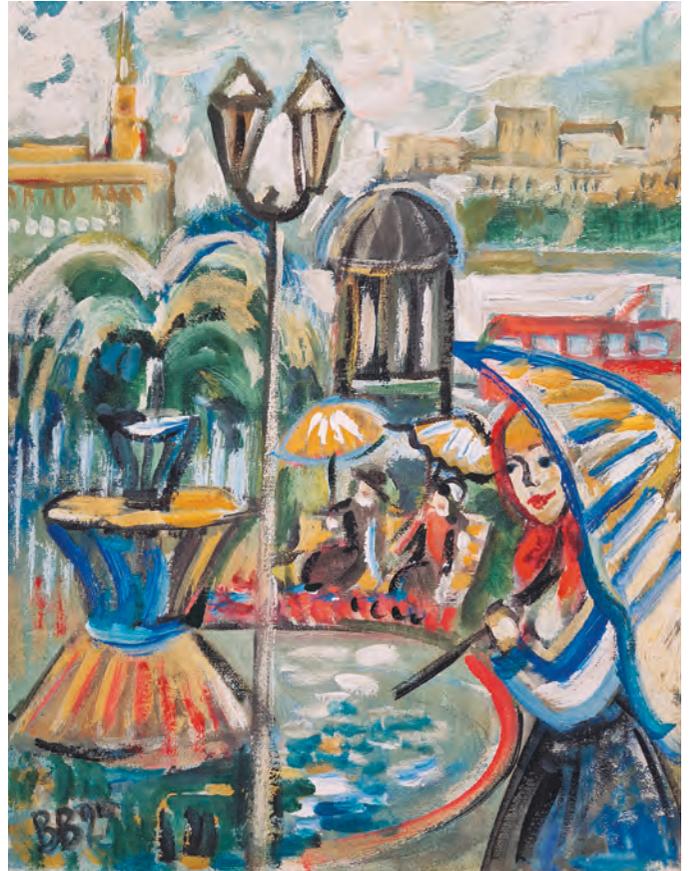
Человеку столько всего дано, у него столько удивительных возможностей.

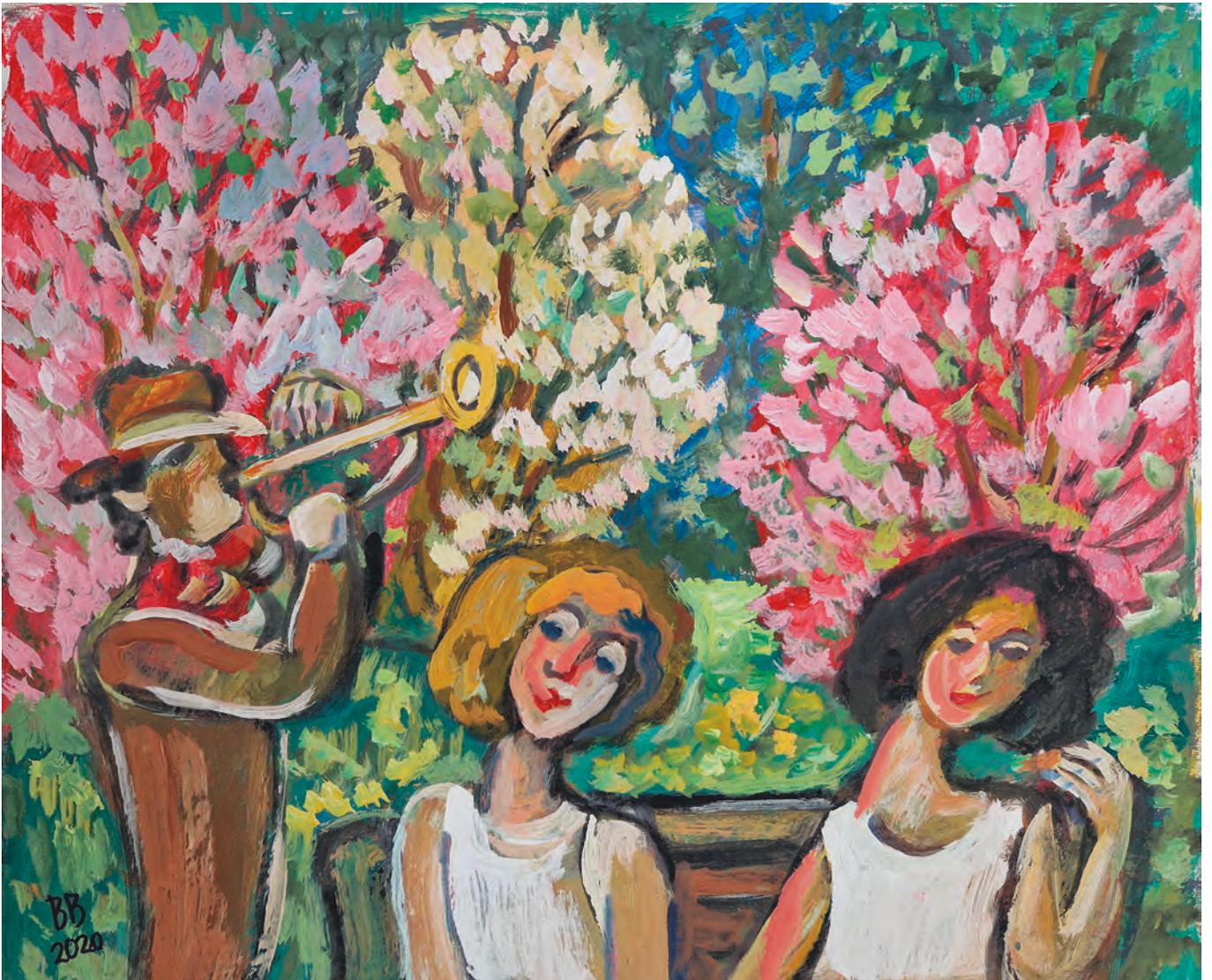
Смотреть. Вглядываться. Пробовать на вкус. Смаковать. Созерцать. Созидать. Любить. Умыться. Плавать. Гулять. Общаться. Смеяться. Да, кто-то скажет – каждый день одно и то же. Как в фильме «День сурка». Но если обрести «Солнечное» озарение, то можно научиться все это делать...с Радостью! Жить ярко и смело. Или весело и жизнелюбиво рисовать, как это делает замечательный екатеринбургский художник Виктор Винокуров. Вспомнить, что Жизнь – это сверкающее Чудо.

В

Владлен КОЗИНЕЦ

Родился в 1947.

Работал слесарем на заводе, бетонщиком на стройке. Член Союза журналистов СССР, России с 1975 г.

Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1965–69), служил офицером в Вооруженных Силах СССР (1969–71),

второе образование – политолог (Свердловский социально-политический институт 1988–91).

Работал на телевидении и радио: 1971–73 – Воркутинская студия телевидения,

корреспондент редакции информации; 1973–2003 –

Свердловское государственное телевидение и радиовещание: корреспондент, комментатор,

заместитель главного редактора, главный редактор.

Автор сценариев и ведущий телевизионных цикловых передач: «Стадион молодых»,

«Присяга», «Год до армии», «Седьмой канал», «Семнадцать мгновений», «Действующие лица»;

радио: «Орбита», «Спорт за неделю», «После финального свистка».

Внештатный сотрудник федеральных информационных теле- и радиопрограмм:

«Время» («Первый канал»), «Вести» (ТВ «Россия»), «Сегодня» (НТВ), «Маяк»

(Всесоюзное радио), «Новости» (Радио России).

Лауреат журналистских премий: Свердловского отделения Союза журналистов СССР, Центрального и областного комитетов ВЛКСМ,

Центрального и областного комитетов ДОСААФ, Министерства обороны СССР.

«ФРЕСКИ»

«Фреска – испанское прилагательное, которое используется для обозначения того, что прикреплено к стене»

«Фреска – разновидность живописи: роспись производится по сырой штукатурке»

Фрашки (польск.) – мелочь, пустяки

Frasque (франц.) – шалость, проказы

От автора

Пока стена моя стоит, и штукатурка не вся высохла – читайте. Картинки из жизни.

ЧЕМОДАНЫ

Сюрприз

К сорока пяти Миняеву многое порядком осточертело! Кризис среднего возраста? Вряд ли... Оно бы и раньше, наверное, пришло – это неприятное да и не до конца понятное, но совершенно точно обратное состояние души. Кабы не судейство, вообще бы...

В некрупном уральском городке, где расположился их оборонный НИИ Средмаша – как говорили в обиходе о таких городах, «за забором» – все не только друг друга по именам знали – всех кошечек и собачек различали по кличкам и породам! Как в деревне! Были у «зазаборных» и свои характерные отличия. Например, машины никто не запирали – все равно дальше контрольно-пропускного пункта не выехать без ведома хозяина. Даже вещи в салоне многие оставляли – кто у своих-то воровать будет? Мигом же найдут! Знакомые – те, кто существовали по ту сторону «забора», когда изредка удавалось их втащить внутрь Заозерска по большим праздникам через блат и нехитрый магарыч спецам из режимного отдела (жвачка там, авторучки с прибабасами) – удивлялись до икоты! Особенно, кто попадал сюда впервой.

– Миняй, да ты, оказывается, в раю живешь! У вас уже коммунизм наступил, досрочно! Мало что платят не по-детски, так ведь еще и тратить есть на что! Шмоток качественных в магазинах – на-

валом! А раз кое-что по талонам отоваривают – так это, ясен пень, чтоб не спекулировали лишку. Так ведь и талоны эти – каждый месяц! Не как у нас – к «ноябрьским» и Первомаю на мясо в обычные гастрономы, где мяса того – одни суповые наборы из хрящей и костей. А у вас, блин! Пива чешского – хоть упейся, пока мы с бидонами за разбавленным жигулевским по морозу часами в очередях у киосков тремся. Кофе – и в зернах, и молотого разных сортов – хоть тонну бери! Который мы на подарок или на день рождения, коли банка перепадет иногда «по крючку» – до срока заначиваем. Видеомагнитофоны – почитай, у всех, как и машины. Да и с жильем у вас тут заметно лучше – аварийных бараков сталинского наследия днем с огнем не сыщешь!

– Так оно...

– И все равно ведь среди вас недовольные есть! Что еще людям надо?

Он как раз из них и был – из, скажем так, не до конца удовлетворенных. Что быт налажен – это да, хорошо. Но ведь, когда оно есть и не кончается, привыкаешь быстро – будто так и должно быть.

Когда сам себя пытал временами на щекотливую тему, ответ находился обычно всегда один и тот же: надо, чтоб не скучно было. А иначе жизнь – не в радость. Таким уж уродился, видно: однообразие заедало хуже ржавчины – не знаешь, когда и откуда поперет. Хорошо тем, у кого психика воловья от рождения – чем спокойнее, тем краше. А таким, как он – как быть?

Может, сказывалась юношеская жизнь в Филях*? Недаром же

* Филя – исторический район Москвы, выросший из села Покровское на речке Филевке.

говорят – все мы из детства вышли. Москва – вот это город так город: всегда есть чему удивляться! Он и в русский хоккей стал играть, потому что команду на матчи возили на автобусе в разные концы столицы, куда сам не всегда выберешься; да и в область зачастую выкатывали – когда по старшим юношам стал выступать. А как совсем подрос – по стране поездки пошли: и по «железке», и самолетом. Это ж так всегда интересно было, особенно поначалу: Сибирь, Урал, Дальний Восток!

Один раз даже увидел две зимы за один год. В Сыктывкаре, столице Коми, на финале юношеского первенства СССР лед вдруг стал предательски таять под весенним солнышком, и пару игр пришлось перенести в Воркуту. В марте там зима – как зима! Им тогда еще армейские полушубки с валенками в поездку выдали, чтоб не померзли в ботиночках ненароком. Местные рассказывали: мы даже на Первомайскую демонстрацию в пимах* и зимних шапках всегда ходим.

– А таять когда начнет?

– К концу учебного года. И сразу – лето, весны здесь не бывает. А иначе за что будут «северные» платить?

Когда узнал подробно про «северные» – ночь не спал. Вот это да! Такие деньжищи, поди, даже в Кремле не всем перепадают! Только вот. Как это – совсем без весны? Это ведь шибко вредно для здоровья.

Дома ему этот пыл быстренько охладили.

– Не беспокойся, – ухмыльнулся отец-краснодеревщик. – Не очень они нас превосходят в доходах. Особенно если не балду гонять, да вкалывать на совесть. Умные люди знают – все деньги как раз в Москве! К тому же, северяне там свои заработки и оставляют. Откуда башли в той же сфере обслуживания возьмутся? С потребителя – откуда же еще! Что в Москве рупь – там два стоит. Ты лучше учись поусердней, в люди выходи, а не эти свои клюшки-

мячики гоняй! Если в люди пробьешься – все у тебя будет. Совсем не обязательно зад морозить на этих Северах.

Так-то оно так, но... Когда будет это все? К пенсии? И так, и эдак прикидывал: в столице фарт светит специалистам с опытом, или – особо талантливым. Во всяком разе, начинать здесь – дело гиблое: теплые места вперед на много лет расписаны. И потом... Отцу с матерью их шести соток под Егорьевском, за сотню километров от столицы с хилым домишком – абы от ветра-дождя укрыться, да «Москвичок» зачуханский кажутся верхом преуспевания. Это за счастье считать прикажете? В конце концов, пришел к выводу: если через спорт пробиваться – так в столичное «Динамо» надо попадать. Из динамовцев легко в сборную страны берут, а там – и деньги: чемпионаты мира, например, и вообще – поездки так поездки!

«Динамо», как и следовало ожидать, оказалось далеко не для всех – отбор шел жесточайший. Ему без обиняков отказали на отборочной комиссии, куда они с другом решили сунуться в выпускном классе. Поперли обоих!

– Дружок твой – совсем ноль. Откуда только наглости хватать людей от дела отрывать. Из тебя, может, что и выйдет. Но – не скоро. Пока что уровень – между вторым и первым разрядом. Для первенства области, наверное, сойдет. Может, и наработаешь мастерства со временем. А нам, извини, ждать, когда ты дозреешь... В общем – удачи! Жизнь все по местам расставит!

Тогда и мелькнула мысль – может, двинуть на Урал. А что? Там и играть, и учиться есть где – вузов полно на выбор. И когда судьба шанс подкинула, грех было не воспользоваться.

– Ты время, парень, зря не теряй! – убежденно талдычил настырный дядька из Свердловска во время турнира на призы ЦК ВЛКСМ в Красногорске. – Раз мы на тебя глаз положили – воспользуйся! У вас на Москве народу ой как лишку! Друг дружку подсуживаете, толкаетесь без конца. А

у нас? Если мозги есть, да пить да курить не станешь – хоть в политех, хоть в горный или лесотехнический поступишь – профессию мужскую, башлистую займешь! Чё тут голову ломать? И играй себе, пока ноги носят. Про нас в столице бают – мол, медведи по улицам ходят. Я как на эти подначки отвечаю, знаешь? «Медведи на Урале хоть и водятся, но людей они, почем зря, не едят!» Не то что в этой вашей столице! Чуть что – пошел вон! И плакать никто не станет!

Он так и сделал. И не пожалел – стипендию дали, общагу. За институт поставили играть, талоны на питание выдавали во время сезона – по 2 руб. 50 коп. на день – чего еще желать? А летом – в стройотряд! Денег хватало, родителей не напрягал. Сестре к выпускному магнитофон японский подарил – та аж без ума и от подарка, и от братика была!

Однако в команду мастеров пригласили для просмотра поздновато – только когда уже на четвертом курсе физтеха учился: до этого перемещали из клуба в клуб по заводским коллективам физкультуры – чтоб опыту поднабрался. На заводиках платили неплохо, но... Поначалу пытался и учиться как положено, чтоб толковым инженером выйти, и на тренировках потел старательно – до результата. Пока не понял окончательно за пару лет – затеи эти несовместные. Либо уж надо было поступать в физкультурный, где за медали и призовые места зачеты заочно ставят. Тогда и пришла идея – судить: возраст у арбитров хоть тоже и не безграничный, но все равно не то, что у спортсменов – в тридцатчик сразу станешь никому не нужен.

Увлечение молодого специалиста в НИИ приняли с пониманием – не он один такой. Раз в самостоятельность или там на рыбалку-охоту душа не тянется – значит, будет водку глотать сверх меры. Ибо третьего – не дано. Должен же мужик помимо работы иметь отдушину?! А тут – целый кандидат в мастера спорта, не фунт изюму! И подрастающему поколению пример хороший.

* Пимы – зимние сапоги из кумуса (шкуры с ног и лба) северного оленя мехом наружу.

С пяток лет прокатывало нормально. Жизнь шла как должна идти жизнь: женитьба, переезд из вполне приличной малосемейки-общаги сначала в однокомнатную, а как сын родился – «трешку-хрущевку» дали одновременно с повышением по службе. Так что времени на все про все было в обрез какой-то период – что вполне соответствовало его натуре. Всегда что-то подпилить было надо, просверлить, приколотить – рукам дело найдется, раз из нужного места выросли: спасибо отцу – с детства приучал и дома, и на даче вкалывать. А как свою дачку завели да машинку старенькую прикупили – и вовсе оказался занят по уши. Эти «Жигули», наверное, специально собрали по схеме детского конструктора «Сделай сам»: пока под тачкой не полежишь как следует – хрен куда поедешь!

Естественно, судейство не бросал, да и совсем немного оно времени занимало – практически выходящих хватало, ведь сезон-то в хоккее с мячом – всего ничего: в декабре начали, по весне окончили, летом свободен. Как бы все у него устаканилось, катило с нужной скоростью. Вот это-то как раз чем дальше, тем больше становилось скучным. Одни и те же стадионы, одни и те же физии – что игроков, что тренеров, да и болельщиков, пожалуй. Как заезженная пластинка пошла житуха!

– Что-то ты сегодня, Миняй, как кошка полудохлая по льду ползал, – недовольно скривил рот после матча в столице функционер из Всесоюзной Федерации хоккее с мячом.

– Да я, похоже, завязывать буду! – вдруг с удивлением для самого себя выпалил в ответ Иван. – Сороковник на носу корячится – хватит, пожалуй!

– Ну ты это, горячку-то не пори! – безапелляционно отреагировал «большак». – Понятно – невыездной! Черт тебя угораздил «за забор» угодить! До пенсии, хоть и до льготной, тебе ведь еще далековато поди?

– Как медному котелку до блеска!

– Придумаем что-нибудь. Посреди сезона решения-то не при-

нимай, будь мужиком! По судейству ж претензий нет – другим в пример зачастую ставим. И мозги, и опыт – все при тебе. Не был бы засекречен – давно двинули бы тебя на международника!

Что-что, а репутация у судьи Всесоюзной категории Миняева была безупречной. Пытались ему совать конвертик «для нужного результата» – в рожу швырял. «Я не нищий, поболе твоего зарабатывать!» Приглашали в баньку – с пивком там, девочками... Так этот шайтан попарится, стаканчик опрокинет – и в гостиницу: мол, пора бы и отдохнуть от трудов праведных – ибо завтра с утра на работу!

– Ты будто подцепить чё боишься. Как малохольный какой! – поддел его разок кто-то из «принимающей стороны». – Не боись – мы ж вам не шалашовок всяких подгоняем, контингент проверенный.

– Я из помойного ведра не пью, извини. Вам же больше достанется!

Доходило и до угроз. Однажды на финише сезона «наехал» на него какой-то мелкий московский чин. В прямом смысле мелкий – от горшка два вершка ростом, в старорежимном каракулевом «пирожке», от возбуждения съехавший на ухо. Настырно рычал, смешивая слова с перегаром и брызгами слюны:

– Ты праздник людям обосрал, верста коломенская! Привык свысока на людей смотреть? Много о себе возомнил?! А еще, говорят, москвич по рождению! Землякам нагадил! Да тебя мало законопатить так, чтоб носа из своей «зоны» не совал! Погоди, я тебе, скот, еще устрою – ревом будешь реветь! Лучше всех он поле видит, понимаете ли!

И очень удивился «пирожок» (как мысленно прозвал его про себя Миняев), когда на выходе со стадиона дорогу преградил наряд милиции.

– На вас поступило заявление. Вы угрожали арбитру, который судил, с моей точки зрения, безусловно, – зловеще процедил спортивный подтянутый лейтенант.

– За это статья полагается! Не из легких, смею вас уверить! Штрафом не отделаетесь!

– Дак он же ж против ваших же судил, литер! Окстись! – пытался оправдаться «чин».

– Я вам, гражданин, не литер, а товарищ лейтенант! Пройдите, в отделении разберемся, протокол составим. Косвенно вину вы свою уже признали!

– Большой начальник, что ли? Найдется и на тебя управа!

– Не на тебя, а на вас! Я свою точку зрения буду отстаивать – сибиряки сегодня играли явно лучше! И победили заслуженно, а вовсе не за счет судейства!

– А ну как медали из Москвы уплывут, это как? – уже поспокойней, на пару тонов ниже, поинтересовался «чин». – Из-за таких, как этот... уралец, прости господи!

– Чемпионат еще не доигран. Награды должны доставаться по праву. А не за счет махинаций!

В общем, от Миняева вскоре всерьез отстали – кремень-человек, с принципами! Может, это-то и сработало? Вызвали его в один прекрасный день «куда надо», ознакомили с целой пачкой инструкций, подписок наотбирали с кило бумаги – и все, «секретку» сняли.

Помня о святом принципе «на детях не экономят», из первой же поездки на чемпионат мира в Швецию на всю валюту навез ребятне – и подростку уже сыну, и малышке-дочурке – таких тряпочек, таких механических стрелялок! А жене пообещал – из следующей поездки привезет ей, что сама захочет: шубу так шубу, дубленку – так хоть две. Там от этого добра полки ломаются, не то что у нас – за свои же деньги ходи талоны отмечай месяцами да жди, когда выбросят пару-тройку штук «на драку собакам».

Международный уровень судейства практически не отличался от отечественного – не зря же советские арбитры задавали тон в этом виде спорта. Разве что английский пришлось подзубрить – на случай конфликтных разборок. Хотя в основном объяснялись через привычные жесты. Он и сам стал больше похож на «выезд-

ных», коих в ставшем родным городе было не так уж и много: аж две дублики – «на выход» рыжая болгарская и повседневная темно-серая из Турции; ондатровые шапки что у самого, что у жены – из отменного канадского меха. Однажды размечтались, валяясь в воскресенье допоздна на новенькой широкой тахте югославского гарнитура напротив громадного «Грюндига» североирландского производства. Вот где картинка так картинка! Против него отечественный «Горизонт», отправленный в деревню родственникам жены за ненадобностью, выдавал в эфир просто подмалевки.

– А может, за границу пора в отпуск махнуть? – уютно устроилась у него на плече благоверная. – Вон, Зуевы из Италии какие вернулись довольнешенькие! Представляешь, они жили в отеле, принадлежащем семье Феллини! С одной стороны – море, с другой – Альпы! Благодать!

– Наше-то море чем хуже? В профкоме есть путевки семейные в Ялту в ведомственный пансионат. Хоть завтра заявление напишу.

– Ты прямо как инструктор из райкома! Вталкивал нам на политчасе один такой, что советское – значит отличное! А у самого ботиночки – я те дам! Поищи-ка днем с огнем...

– Да будет тебе. Обозгую.

– Тебе самому эта Ялта не обрыдла? Будете там с мужиками о работе талдычить с утра до ночи да в преферанс дуться. А Зуевы-то! Взяли машинку напрокат – и в Венецию смотались. На собор Святого Петра забрались, на гондоле покатались. А уж нафотографировались! На всю жизнь память осталась. Я, честно сказать, обзавидовалась. А еще, прикинь, они с утречка сели на электричку – и целый день по Риму болтались. Как иностранцы какие! Безо всяких там ограничений! Расширять потребности нужно, Ваня! Жизнь-то одна!

Права жена, как ни погляди. Пора больше уделять внимания семье – одними подарками не отделаешься. За каким-то чертом,

под давлением шефа, взялся за диссер – от скуки, скорей всего. Да и с детишками во дворе, по просьбе ЖЭКа, начал на льду возиться – хотя какой из него тренер? Надо ж методики знать, а не «бей-беги»!

Первое возбуждение от зарубежных выездов на судейство довольно быстро стало притупляться. Серьезно посмотреть – тот же круг, что и в Союзе, даже еще меньше: Швеция-Финляндия-Норвегия, Норвегия-Финляндия-Швеция. Все! Больше в хоккее с мячом никто играть не умеет! И снова – те же рожи, те же стадионы... Вот и вызревало подспудно решение поближе к очередному юбилею – хватит, накался. Многие еще до сороковника заканчивали, он и так подзадержался – почитай, лишние пяток лет. Но тут произошло событие, во многом перевернувшее хоккейный мир россиян.

В преддверии Олимпиады в Москве страна решила культивировать хоккей на траве. И понеслось! Кто-то из спортсменов и судей попытался совмещать «зиму» и «лето» – но мало это кому удавалось: ноги ж не железные! Многие устремились в новый вид спорта из карьерно-материальных соображений – вдруг удастся поиграть за зарубежный клуб? Конкретно открывались вполне реальные перспективы умотать далеко «за бугор». Главное – стали наших отпускать официально поиграть за границей. И не только в хоккее – в баскетболе, волейболе, в общем, игровиков – зачастую, чтобы элементарно продлить спортивный век потрудившемуся на отечественных полях и площадках спортсмену. Цифры популярности нового хоккея просто оглушали: десять миллионов гоняют мяч на стадионах, чуть не полторы сотни стран проводят свои чемпионаты. Да в одной Европе таких держав штук сорок! И не только Европа – такие экзотические поездки засветили: Индия, Пакистан, Индонезия, Австралия...

Миняев даже не очень удивился, когда в ответ на его заявление о желании освоить новый вид хоккея пришел вызов на судейский

семинар в Италии. Правда, само пребывание ограничивалось полтора днями, остальное – дорога: капиталисты деньги считать умеют. Ну и что? Лиха беда начало! Все не осточертевшая до икоты какая-нибудь Финляндия.

В выдавший виды чемодан – весь в наклейках и уже порядком потрескавшийся – полетели по привычке трусы-носки на одну смену, треник с кроссовками, пару ношенных футболок. Уж назад-то этот бывалый кофр вернется забитым под завязку! А зачем его жалеть-то – вон как швыряют грузчики во всех аэропортах мира! Нагляделся...

Четырех хоккейных судей рейсом из Москвы встречал работник консульства в Милане. Наметанным глазом оценив прикид командированных с Родины, «посольский» (так сразу между собой прозвали его россияне) удовлетворенно заметил:

– Вижу, не в первый раз за границей, товарищи! Это хорошо. А то порой встречаешь делегацию соотечественников – а они в любой сезон выглядят как серый полк: однотонные костюмы, галстуки, да и рубашки, что называется, «немаркие» – на все случаи жизни. Недаром говорят – русских за версту видно. А вас от местных не отличишь – виден международный опыт.

Судьи, переглянувшись, усмехнулись – за плечами каждого столько чемпионатов! Пообтесались, что уж там говорить. Но возражать не стали – кто его знает, куда этот спец клонит?!

– А вы, товарищ, что – совсем безо всего? – обратился он к Миняеву.

– Не обращайтесь внимания! Мне уже сказали, что мой чемодан потерялся. Я по-английски вполне могу объясниться, все уже узнал. Да там ничего ценного. Здесь новый куплю. Его и так пора было менять.

– Я этим вопросом займусь сам. У вас ведь времени в обрез: через час завтрак, потом – тесты на физическую готовность, или как там у вас это называют? – не помню точно. После обеда шестичасовой

семинар с заключительными экзаменами и ужин за счет приглашающей стороны. Завтра отлет во второй половине дня, так что к 14 часам надо быть всем в холле отеля. Утро можете посвятить прогулкам, покупкам – это и есть все ваше свободное время. Жесткий регламент!

И – уже конкретно – обратился к Миняеву:

– Гарантирую процентов на девяносто – ваш чемодан уже к вечеру будет в номере. Для них – и для авиакомпании «АлиТалия», и для аэропорта «Мальпенса» – это потеря за большой минус будет считаться! Впереди – Олимпиада в Москве. С нами сейчас никто ссориться не станет! Себе дорожке выйдете! Они тут за деловую репутацию маму родную продадут!

– Да не беспокойтесь вы, пожалуйте! Все нормально, – попробовал было возразить Миняев. И поймал молчаливо-отрицательный жест визави. «Этого, похоже, сбить не удастся никому – будет твердо придерживаться заданной линии!»

– Пора ехать – часики-то тикают! Встретимся за ужином, тогда все и разрешится.

День пролетел пулей – все по минутам, честь по чести. «Посольский» появился только впритык к десерту и сразу подсел к Миняеву. Весь его сияющий вид красноречиво свидетельствовал – успел какую-то «бомбу» подготовить. «Молодой, старается! – подумалось Ивану. – Ну и пусть – мы разве не такими по юности годов были?!»

– В общем, так, Иван Иванович! Случай редкий, но эти раздолбаи и правда посеяли ваш чемодан. Летели бы «Аэрофлотом» – другое дело. А раз они в Германии подхватили вас на борт – это уже конкретно зона их ответственности! Прекрасно понимают, что почему! Я им такое устроил! Ну, это неважно. Вам нетрудно будет часиков в девять, сразу после завтрака, прокатиться по магазинам? Не прогадаете! Все будет под контролем!

– Если на это есть время у вас... При вашей занятости... Я-то уже, считайте, свободен.

– Вот и чудненько! Теперь пойдет моя работа – заглаживать конфликты, пока они не переросли в международные! Кстати, хотелось бы поздравить всех наших арбитров – экзамены прошли на отлично! – громкогласно провещал он и снова засветился, будто это он лично сдал на судью-международника. И снова всем корпусом повернулся к Миняеву.

– Я тут посоветовался с теми, кто давно в нашей «конторе» работает. Дунем сразу в универмаг «Ля Риноценте», он расположен рядом с известным историческим собором Дуомо – заодно и в собор заглянем, на полноценную экскурсию все равно времени не хватит. Мы с водителем проскочили по маршруту, чтобы завтра не плутать. Я вам доложу! Еще вопрос, что величественнее – этот собор в готическом стиле или торговый комплекс, где различных магазинов и магазинчиков этажей чуть ли не на десять!

Помня о том, что советский человек за рубежом должен продемонстрировать высокую скромность, Миняев попробовал было посопротивляться в очередной раз.

– Да мне ничего особенного и не надо! Так, сувенирчики на память, да детям чего по мелочи...

– Давай по-простому, а? – широко улыбнулся дипломат, и стал сразу как будто проще, добрее. – Я ж хочу так сделать, чтоб все было тики-тики!

– Как скажете... Скажешь... я не против... в принципе...

– Тогда так, Ваня. Откуда им, этим фирмам капиталистическим, знать, что у тебя было в чемодане? Для них эти траты – сущие копейки по сравнению с нежелательным политическим резонансом. Так что не ломайся, у нас на все про все будет пара часов. А я уж постараюсь, чтобы и ты, и твои домашние остались довольны, не сомневайся!

Это ураганное утро Иван не забудет никогда. Отставая на шаг от «посольского», их сопровождал молчаливый человек в черном. Практически не открывавший рта, он разве что улыбался во всю ширь, когда на него бросали

взгляд, и вновь становился серьезно-сосредоточенным, особенно когда наступала пора рассчитывать. Как он величественно доставал из внутреннего кармана пиджака великолепный золотой «Паркер», как значительно рассматривал каждый раз огнем блиставшее перо, с какой загогулиной была его роспись, которую он увесисто ставил на очередной чек!

Сначала выбрали великолепный – кожаный, с могучими ремнями, весь в карманах и снаружи, и внутри, сплошь на молниях палевой масти чемодан. По-первости в него полетели различные мелочи – сувениры, какие-то наборы для кухни, затем пошли лайковый костюм-двойка для жены, спортивные и прогулочные трикотажные костюмчики для детей, еще какие-то яркие шарфики, платочки, кепочки такие – кепочки сякие, темно-рыжая замшевая куртка для самого Ивана... Ее он прикинули по плечам, не меряя – некогда, некогда, некогда! Всего не перечислить! Попытку Миняева хоть разок расплатиться самому – «нам же валюту поменяли в Москве, да и суточные не трогал» – «посольский» решительно пресек:

– А этот фирмач в черном тогда здесь зачем? У него же чековая книжка не зря! Свои трудовые побереги, когда в отпуск сюда поедешь. Советую курорт Римини. Слева – море, справа – Альпы! Красотища неопишуемая!

– О чем-то таком мне уже говорили... знакомые.

– А то ж!..

...Жена охала и ахала, пока распаковывала все эти чудеса!

– Да у тебя ж отменный вкус, оказывается! Наконец-то прорезался! А то я всегда половину того, что привозил – если честно, Ванечка – у подружек обменивала: то цвет черт-ти какой, то размер не совсем тот. Тебе уж не говорила. Да ты и не замечал подмены. А тут! Ну – вообще!..

...Самое смешное случилось спустя полгода. В один прекрасный день им прямо домой доставили... потерянный чемодан Миняева. В красивом огромном конверте на двух языках с золотым тисне-

нием лежало письмо на фирменном бланке аэропорта с огромными извинениями за причиненные неудобства и приглашением посетить Италию снова – в любое удобное от занятости время

Крепость под названием «Сансонайт»*

Это «Туполь» аэрофлотовский набили в Москве под завязку – как сельдей в бочке. А в Париже легкокрылый белоснежный «Конкорд» компании «ЭрФранс» взял на борт ровно сто пассажиров, большую часть из которых составила делегация российских индивидуальных предпринимателей. Полет для отличившихся был организован фирмой за свой счет – на Международной конференции в Панаме дистрибьюторы должны были обменяться опытом с коллегами из десятков стран, входящих в сообщество успешных людей, продвигающих сетевой бизнес. А также вдоволь закупаться в январе и увидеть своими глазами, что оно такое, эта Латинская Америка.

– Впервые окунуть на Крещение не в прорубь! Ну разве это не чудо? Скажи, Том, а? – удовлетворенно потянулся Пыжьянов. Собственно, ИП была жена – сам он, начальник цеха машиностроительного завода, летел в эту экзотику в качестве приглашенного лица. Фирма считала это серьезным мотивационным моментом – приглашение на два лица. И семья укрепляет, и бизнес у дистрибьюторов развивается успешнее, когда дома есть поддержка.

Невыспавшаяся жена – она вообще плохо переносила полеты – вяло отреагировала на этот восторг:

– Чудо началось еще дома – когда ты приволок это чудовище.

– Мне нужно было назад его вернуть? Подаркам, да еще от начальства, в рот не смотрят! Это ж на юбилей! На предприятиях так принято. Других вон чайниками-

пылесосами награждали! Так что меня, считай, выделили! Не без твоего участия – кто ж теперь не знает, что у Федьки Пыжика жена из учительницы за каких-то два года стала аж бриллиантовым директором! Зато хрен в него кто залезет, в этот чемоданчик! Замки – как тюремные запоры: мощные, с секретом.

– Да кому оно надо – твои пожитки потрошить?! Чай, не наркодилер. А ты с другой стороны посмотри: он же тяжеленный – как твои гири. Мне-то что – тебе таскать! Потом не стони!

– На то у него и колес – аж четыре штуки. Чтоб по полу катить или там хоть по земле. А уж до машины донесу – не хилак какой!

– Будь колес два в этой конструкции, как у нормальных кофров – под тяжестью пустого чемодана бы отвалились. Ладно, что вдвоем летим – хоть перевеса не будет. Хотя... Сколько ж полезного можно было загрузить, будь он хоть малость полегче!

– На всю жизнь, что ли, собрались? На неделю тебе шмоток хватит. Там же сейчас температура круче, чем у нас на югах в августе. Двумя шортами и сланцами обойтись можно.

– То-то ты смокинг первым загрузил!

– Сама же талдычила – дресс-код, дресс-код! Не заготконтора «Кабанье ухо» какая-нибудь. Владелец фирмы к королю своей страны запросто вхож! А королевской крови люди со всякими якшаться не станут!

– А что, не так разве?

– Я тебе лучше вот что хочу сказать: самолет – ну, название его – знаешь, как переводится с французского?

– И? Полиглот ты наш...

– «Согласие». Судьба сама дает намек! Вот и давай, дорогая, заключим договор о согласии на период всей поездки. А то можно по мелочам всю экзотику коту под хвост спустить!

Как предвидел! Вот уж чего-чего, а экзотики им хватило с лихвой.

«Конкорд» дотянул до Венесуэлы – и будто облегченно-радост-

но приземлился. Дальше – заботы местной, совсем не дальней авиации. Уж кто-то, а россияне были несказанно рады, что наконец-то долетели – через океан почти еще никому добираться не приходилось. Особенно – замученные курильщики. Все разом потянулись в туалеты! Шутка ли – полсуток постились!

Аэропорт имени Симона Боливара в городе Маркетия, что в двадцати километрах от столицы Каракаса, после великой аэрогавани Парижа «Шарль де Голль» гляделся сарай-сараем. Домашний для Пыжьяновых «Кольцово» тоже дал бы этому солидную фору – во всяком случае, по авантжности. Два невзрачнейших этажика с пятком киосков – жвачка, туалетная бумага, газировка, местные газеты-журналы – все. А ведь звание – Международный!

Туалетов оказалось всего два – мужской и женский. И оба были закрыты по причине отсутствия воды. Об этом гласили таблички на входах, которые для надежности страховали полицейские. Проход в женский преграждала такого воинственного вида тучная полицменша, что русские дамы не рискнули штурмовать нахрапом: при страже порядка и дубинка внушительного вида болталась на боку, да и кобура охлаждала пыл. Мужикам оказалось проще – щупленького полисмена они просто проигнорировали и, дружно ввалившись, задымили! Не прошло и десятка минут, как из вестибюля долетел грозный рык москвички Рады:

– Мужики, вы что там – ободлись! Хорош дымить! Нам тоже надо!

И, не дожидаясь реакции сильного пола, русские дамы запросто ввалились мимо ошалевшего латина в форме, который был уже готов схватиться за рацию – одному ему было явно не справиться с ситуацией.

А экзотика продолжала напирать! Самолет местной авиалинии был не то чтобы маленьким – каким-то куцым после «Конкорда»: тесно, жарко, никаких тебе стюардесс в фирменных кителях.

* «Сансонайт» – чемодан размерами 76 x 30 x 52 см из морозоустойчивого, негорючего, ударопрочного долговечного пластика с секретными замками из сверхпрочной стали.

Какая-то девчушка в легком платье прямо у трапа мельком просматривала билеты, ничего ни с чем не сверяя... Если в Москве их рассаживали согласно рейтингу ТОП-100 дистрибьюторов компании в России, обновлявшемуся ежемесячно – чем выше квалификация, тем ближе к кабине пилотов, и в Париже этот принцип тоже сохранился (Пыжьяновы не без удовлетворения отметили, что неизменно оказываются среди привилегированных лидеров – как-никак 18 место занимали на момент отъезда), то здесь пошла вольница-вольницей: плюхайся куда хочешь! И никакого тебе обслуживания: рядом с кабиной пилотов стояла пластиковая емкость со льдом, в которой вразнобой лежали бутылочки газировки, которые, конечно же, быстро расхватывали – и на этом все! Правда, та же девушка шустро наполнила емкость льдом и бутылочками – хоть что-то из сервиса...

– Ладно, не графья! – успокоил коллег бывалый москвич Бронислав Семенович. Он за океаном оказался не впервой – и по работе строителем электростанций, и к сестре в Америку наведывался не единожды. – Тут лету-то – всего ничего, можно при желании даже на автобусе доехать.

Легкая паника прокатилась по рядам, когда в салон вошел... самый натуральный индеец! Пусть на нем была и полная летная форма, но – видок! Таких в вестернах показывают как закоренелых бандитов, разве что винчестера на боку не хватало: угрюмый взгляд черных, глубоко посаженных острых глаз; прямой, будто по линейке выточенный тонкий хрящеватый нос как продолжение низкого лба; упрямая линия тонких злобных губ. «Индеец» молча прошел в кабину, и – никаких тебе приветствий: зарычал мотор, рывок – и вот они уже мчатся над бескрайними зелеными полями, разве что изредка мелькают под крылом небольшие селения.

Федор про себя подумал, но вслух высказываться не стал: а где у этого, с позволения сказать, авиалайнера багажное отделение? И,

естественно – куда они загрузили наш багаж? Если не позабыли его вообще! Однако попутчики удивительно быстро расслабились, задремали – дело шло к ночи, и он решил тоже покемарить, не умничая – видно будет.

В крошечной тьме спускались по трапу на поле аэропорта Ахутупо города Колон – второго по величине в Панаме. Их встретила веселая блондинка средних лет.

– Зовите меня Ленка. Я чешка, это мое полное имя. Сейчас мы сразу поедим в отель. Все остальное – утром.

И тогда раздался голос с заднего сиденья автобуса.

– Остальное, вы имеете в виду – наш багаж? Что-то мы не видели, чтобы его выгружали.

– Правильно мужчина сказал! – как бы даже обрадовалась гид. – Ваш багаж доставят только утром. Но это не претензия к авиации. Это вопрос к полиции. Да и зачем вам багаж ночью? Бай-бай, как говорят русские. Мыло и полотенце найдется в каждом номере – вам отвели лучший гостиниц в городе Колон. Это – бывший военный академия, где обучались все латиноамериканские правители – как вы их часто называете, диктаторы: Пиночет, Виделла, Монтт. Сейчас вместо академии – отличная гостиница, вам понравится.

Гостиница тоже сразу же насторожила. На входе, у шлагбаума, стоял самый настоящий солдат, только оружия при нем не было. Да и вся обслуга отеля была одета в военную форму – то ли традицию соблюдали, то ли одежда от прежних времен осталась. Пыжьяновы как зашли в номер, так и завалились спать – утро вечера мудренее! Утром сходили на завтрак – и решили снова покемарить, благо о мероприятиях еще ничего не было известно: сказывался длительный перелет. Только часов в двенадцать Тамара вяло напомнила:

– Слушай, Федь, может сходишь, поглядишь? Пора бы им багажик и привезти. Я что, так и буду в одних трусах неделю ходить?

И как раз, стоило ему спуститься в вестибюль, веселые грузчики стали с шутками и прибаутками

перетаскивать из приземистого грузовичка вещи делегации. А тут еще с улицы стали заходить самые нетерпеливые русские, успевшие проскочить по магазинам и лавочкам в поисках плавок, купальников, шлепанцев – бассейн при отеле так и манил окунуться с разбегу в прозрачную воду! Выдержка – а может, и недосып – удержали уральцев от излишних покупок.

– Держи, подруга! – торжественно выгрузился он в номере. – Все цело – и чемодан, и сумка! А ты боялась...

Он пошел побриться и в незакрытую дверь услышал возмущенную реплику жены:

– Не зря боялась! Чемодан твой выстоял – слабо им было, видать, его вскрыть. Вон сколько царапин на замках! А сумку явно перевернули. Вон – пудреница раскрытая, все белье устряпали.

– Знать, наркотики искали. Что еще в пудренице можно спрятать?! Они ж тут на этой теме повернутые! Зато экзотично. И весело!

ТЕЛЕВИЗИОННИКИ

Перенос

Воркутинская студия телевидения стала первой городской студией в стране. Появилась она через каких-то семь с половиной лет после того, как впервые вспыхнули домашние экраны в Москве. Объяснялось это небывалое северное чудо, в первую очередь, настырностью городских властей, привыкших удивлять своими запоярными возможностями и желанием считать себя уникальным явлением в жизни СССР. Основания, конечно, были: город с населением в семьдесят тысяч человек разрабатывал около трех десятков шахт и не только с лихвой обеспечивал крупнейшие металлургические гиганты страны, но и экспортировал коксующийся высококачественный уголь во множество зарубежных адресов, включая капиталистические. Отсюда и немалые деньги в городском бюджете – в данном конкретном случае – для приобретения дорогостоящей телевизионной

техники. А тут еще один умелец с дальнего горняцкого поселка самостоятельно собрал какую-то немислимую антенну и поймал сигнал аж из Рима! Значит, можно!

Был и еще один немаловажный геополитический козырь: Воркута – самый восточный город Европы. Как же европейскому городу без телевидения? Плюс – особые условия: тундра – деревьев нет, только невысокий кустарник – в лес не сходишь, сплошная темень с утра до ночи длится более 200 дней в году порой с морозами за сорок! Разве не привлекательная идея – при помощи телевидения дистанционно обучать деток прямо на дому в активированные дни?

Конечно, столица Коми республики город Сыктывкар, издавна испытывающий к Воркуте вполне оправданную зависть – особенно к воркутинским заработкам – принял все меры, чтобы и у себя тоже открыть ТВ. Но столичных опередили нефтяники-газопромышленники Ухты – они уже через два года после воркутян завели местную студию. Сыктывкар стал лишь третьим телевизионным объектом спустя еще четыре года. И – все! Больше подобных амбиций никто в Коми-крае не проявлял.

Если кто и страдал без телевидения, так это, в первую очередь, шахтерский городок Инта. Мы что, не шахтеры? Или – не северяне? Ну, не Заполярье – всего лишь Приполярье, и что? Ухта, Сыктывкар куда южнее расположены. Им, получается, пожалуйте – а нам?

На момент описываемых событий, когда телевидение Воркуты готовилось праздновать полутодесятилетний юбилей, уже тянулась радиорелейная линия из Сыктывкара в Инту, и одновременно в ту же Инту прокладывали телесвязь из Воркуты. Расстояния были несопоставимые – Сыктывкар в средней климатической полосе и расположен от Инты более чем в шестистах километрах, тогда как между соседними шахтерскими городами оно почти в три раза меньше. Как и планировалось, воркутяне дотянулись до Инты значительно раньше столичных.

Инта обрадовалась небывало! Улицы по вечерам опустели: горожане во все глаза глядели все подряд: старые кинофильмы, концерты в записи на пленку из запасников Центрального телевидения, которыми регулярно снабжали из «Останкино» заполярного зрителя, телепередачи собственного производства воркутян: концерты самодеятельности, выступления заезжих гастролеров, экономические обзоры, местный КВН... А уж выпуски «Новостей» засматривали, что называется, до дыр! Сам собой возник вопрос: до каких пор мы все будем знать про жизнь соседей, а про себя – ничего? Нам что, совсем похвастать нечем?

Интинский горком связался с Воркутинским... И вот уже на понедельник летучке после обзора прошедшей вещательной недели и сопутствующих оценок работы редакторов, операторов, режиссеров, дикторов и других специалистов директор студии Василий Иванович Иванов (по негласной кличке «Чапаев») непреклонным тоном объявил:

– Пора и на Инту взглянуть глазами наших телекамер. Предвижу возражения – а Инта нам зачем? Я все понимаю – зима, холодно, да и мало кто там у них бывал. И еще, наверное, скажете: что мы в той Инте не видали? Ясное дело: как в бархатный сезон в Геленджик репортажи делать об отдыхе шахтеров в пансионате комбината «Воркутауголь» на море – от желающих отбоя нет. Или в Москву, Ленинград, Свердловск на фестивали телепрограмм скататься. А тут... Но нужно понять – люди действительно просят. Когда еще у них свое телевидение появится? А приемники-то уже все закупили. Чем они хуже нас? Так что – надо! Прошу подумать. Для начала – в добровольном порядке. Ну, не получится по желанию – применим, как всегда, административный ресурс!

Васю не любили. Если не все, то – большинство. По многим причинам. Уж очень невыгодно он смотрелся на фоне первого директора студии. Елизавета Алексеевна была из местных – по молодости

лет начинала после филфака МГУ корреспондентом городской газеты «Заполярье», многие помнили ее хлесткие корреспонденции на тему воспитания молодежи, рецензии на спектакли городского театра драмы и гастрольные постановки. Поработала в народном образовании, горкомах ВЛКСМ и КПСС. Высокая, стройная блондинка с олимпийской фигурой – любила погонять на лыжах, в любое время дня элегантно, причесанная волосок к волоску, она умела и обворожить собеседника, и строго поставить на место, коли это требовалось для дела.

Понятно: как только стало известно об открытии студии, отбоя от желающих со всей страны не стало! Особенно усердствовали москвичи и ленинградцы: манили северные заработки, гарантированное предоставление служебного жилья, пока в столицах медленнее медленного шли их очереди на заветные квадратные метры, да еще заполярные отпуска по 45 рабочих дней, возможность досрочного выхода на пенсию – мужчины в 55, женщины и вовсе в 50 лет. Даже те, кто уже имел жилье, запросто могли сдать его на расширение – Крайний Север гарантировал бронь на любую продолжительность времени отсутствия. Но Холопова взяла твердый курс на местных – насколько это было выполнимо. Чем инженеры Воркуты хуже столичных? Чай, на шахтах, в организациях связи техника не менее сложная, чем на ТВ! Да и творческие силы в городе найдутся. И потянулись режиссеры, звукооператоры, актеры драмтеатра, школьные преподаватели в новое дело. Убедившись, что претендент – человек серьезный, а «раскалывать» собеседников у нее был особый талант, Елизавета Алексеевна сразу же после приема на работу отправляла новичка на стажировку в Москву или Питер с сохранением полного денежного содержания – не в побирушках же северянам ходить! Форс надо держать!

Были, конечно, и исключения. Директора телецентра ей просто прислали из Казани в приказном

порядке. Мозгут Данилович Бигеев оказался классным специалистом, да к тому же и обаятельным руководителем: не только «рулил», но и сам мог показать, как нужно действовать, не стеснялся с отверткой и в синем халате по студии носиться, если случались заминки. А уж улыбочка у него была – хоть по телевизору показывай! Чем сразу же завоевал и уважение, и авторитет. На должность главного телеоператора директор все же взяла москвича – молодого, уже поднабравшегося опыта в «Останкино» на оперативных молодежных передачах – правда, в ассистентах целые три года проходил. Но поставила ему условие: поработать не один-два года – нужно обучить достаточное количество коллег, у которых вряд ли скоро появится его ВГИКовское образование.

– Пока на квартиру в Москве не заработаю и машину не куплю – я ваш! – уверил этот долговязый серьезный блондин.

– Ну, лет пяток на это точно понадобится! – улыбнулась Холопова. – А там, глядишь, и полюбите наш север всерьез. Со многими это случается.

Главным режиссером после некоторых колебаний с обеих сторон стал, не дожидаясь пенсии, главный режиссер городского драмтеатра. Его в городе знали все, особенно интеллигенция: если говорили: «Николай Амвросиевич» – значит, речь шла о Быкове – именно так, с ударением на О. Хоть он, как говорится, и «уважал», но лишняя рюмка никогда не мешала ему творить дело.

А какую дикторшу нашли! Директор устроила такой громкий конкурс, такого шума напустила! Чай, не зря по Парижам и Египтам отпуска проводила! В Клавочку влюбились сразу все – от мальчишек до седовласых дам! И причесывались «под Клавочку», и одевались как она. Ее гордо посаженная головка учительницы младших классов потрясаяще украшала кадр. А какой бархатный голос был у этой выпускницы Свердловского пединститута! Так победно выглядела красавица,

что уже вскоре нашла себе мужа. Пришлось благоверному, с которым в педагогах уже четыре года «дружила», срочно определяться – а то ведь запросто уведут под белы ручки! Директрисе Клавочка клятвенно пообещала – ближайšie пару лет не рожать, пока не освоит профессию во всех ее тонкостях.

В рекордно короткие сроки Воркутинское телевидение начало вещание – как раз успели за пятидневку до Нового 1959 года. То-то праздник был у людей! Телевизоров в магазинах не стало мгновенно давно. Но для северян это – ерунда на постном масле: на самолет – и в Москву. Мигом запаслись всеми марками, какие были на прилавках!

Москва талантам счет ведет придиричиво. И так, и эдак проверяли Холопову – гласно, негласно – всяко получалось: талантливый руководитель, с какого боку ни посмотри! Значит, место ей в столице. А она – ни в какую!

– Да я еще и не работала, считайте! Столько всего задумано! Надо ж увидеть, что и как будет получаться!

– Да этому процессу конца-краю не видно! Одно завершишь – другое появится. А годики будут тикать – и не уследишь.

– Ну, пока интересно – буду делать. Вот, к примеру, только что приехал к нам молодой режиссер из Ленинграда Игорек Шадхан. Этот точно звездой Всесоюзного масштаба станет!

(Как в воду глядела – проработав пяток лет, Шадхан вернулся на Ленинградское телевидение, стал ведущим режиссером Всесоюзного уровня – его программа по ЦТ «Контрольная для взрослых» завоевала огромную популярность, получила множество призов. Шадхан стал профессором, Лауреатом всевозможных премий, автором первых документальных лент о Президенте России В.Путине).

– Мы с ним в горком комсомола с дерзкой идеей сходили: создать из творческой молодежи города – рабочих, старшеклассников, служащих – молодежную студию

«Юность» с подготовкой большинства телевизионных специальностей – кроме технических, разумеется. Это ж какая кузница кадров для всей страны!

– Ну так пусть режиссер и воплощает! А мы для вас в «Останкино» большое, очень масштабное дело приготовили.

Когда уговоры стали очень уж настойчивыми, Холопова пошла ва-банк!

– Вы меня льготной пенсии лишить хотите? Думаете, в полтинник я уже дряхлой старушкой буду? Не забывайте – я коми, коренная, а на родной земле мы долго здоровье и силу сохраняем. На морошке выросли – она в ваших краях не произрастает. Это ж чудо-ягода! Мощный антиоксидантный комплекс, обладающий омолаживающим и восстанавливающим эффектом, выравнивает кожу лица, борется с пигментацией, глубоко проникает в эпидермис, снимает отечность и воспаление!

– Восхищен вашей эрудицией – усмехнулся большой начальник Хессин. – Но хочу в ответ заметить. У меня дача на Валдае мы всей семьей по землянику ходим – ее там видимо-невидимо. Хотите, расскажу? В той землянике железа вдвое больше, чем в сливе, и в 40 раз больше, чем в винограде; по содержанию кальция у нее первое место среди фруктов и ягод, да еще фолиевая кислота, которая устраняет отечность, возвращает коже гладкость и здоровый цвет. Во как!

– Убедили – не растерялась северянка. – Сначала куплю дачу на Валдае, пока заполярные заработки идут. И потом – так меня муж и отпустил! Семен Иванович как раз на пяток лет старше – вместе на пенсию и выйдем. Его, между прочим, давно в Главк приглашают, особенно после защиты диссертации по теме «Особенности разработки подземных угольных месторождений в сложных горно-геологических условиях». В Питере защищался, на «отлично»! Он тоже не торопится: предложений наработал много, а кто воплощать будет? Да и сыновья как раз под-

растут, оба пока школьники. Я вам как потомственный педагог скажу – не дело посреди учебного процесса вырывать учащихся из коллектива. Так что, если предложение останется в силе, придется нам с вами маленько подождать!

– Муж тоже из северян?

– Да нет. Москвич. Но столицу почему-то не сильно жалует. Во всяком разе, сюда не рвется. Он даже горный институт окончил в Свердловске. Оттуда и распределили прямиком в Воркуту.

Десяток лет «с хвостиком» пролетели быстро. И упорхнула Елизавета Алексеевна на высокую руководящую должность – заместителем директора программ Центрального телевидения. Особенно понравилось московскому начальству, что к тому времени у нее уже была выстроена и полностью обставлена кооперативная четырехкомнатная квартира в двух шагах от «Останкино», в гараже – новенькая «Волга», которую она с упоением водила, а свою воркутинскую трешку-«стометровку» удачливая женщина по обмену превратила в уютную дачку за Воскресенском. «Основательная дама!» – удовлетворенно подметил бывалый кадровик, принимая от Холоповой документы.

Тепло, с откровенным сожалением проводили ее северяне. Женщины поплакали на дорожку. Просили не забывать. У Холоповой и у самой глаза были «на мокром месте». А вместо нее...

Иванов размечтался после должности первого секретаря Коми обкома комсомола занять пост замполита Воркутинского аэропорта. Ни много – ни мало! Рыжий кудряш вообще непонятно как в Сыктывкар-то попал. Обычно выдвигали кого-то из местного комсомольского актива. А тут... С поста второго секретаря Рязанского горкома ВЛКСМ он по родственным связям сумел просочиться в ЦК ВЛКСМ на самую что ни на есть рядовую должностенку – инструктором в сельхозотдел, да еще ответственным там за что-то в неперспективном по многим позициям Нечерноземье. И вскоре по своей беспардонности на-

поролся на местную, московскую группировку «комсомольцев»-аппаратчиков: не пожелали они терпеть провинциального нагловатого крепыша с ухватками первого парня на деревне: и вприсядку на вечеринках плясал, и смело старше себя коллег одергивал, и напористо в волейбол всех призывал играть после работы – на своем личном примере. Тогда как коренные москвичи больше уважали бильярд под импортное пиво, теннис на загородных кортах родительских дач, преферанс по выходным. Нашли за что уцепиться и спланировали – естественно, на повышение, но – подальше с глаз, откуда редко кто возвращался в Москву.

В аэропорту летуны тоже недолго выносили комсомольский нахрап свежееиспеченного политрука. А Иванов, вроде как, и не обращал внимания на прогрессирующий ропот авиаторов – свою линию гнул. И как раз к отчетно-выборному партийному собранию втихую подготовил себе выдвижение в депутаты горсовета. Вышло все строго наоборот. Один за другим выходили на трибуну бескомпромиссные полярные пилоты, не боявшиеся ни Бога и ни черта, и рубили правду-матку прямо в глаза первому секретарю горкома партии и инструктору обкома КПСС – срочно уберите этого выскочку-фанфарона из авиации! До чего дошло – он нас пытается учить летать! Нам что, в ЦК КПСС обращаться?!

По городу пошел шум – такого скандала давно не случалось! Народ-то на севере в большинстве своем степенный, основательный: прежде чем на рожон переть, привыкли все основательно взвешивать. Иванов, было, уже собрался паковать чемодан, но тут как раз на его счастье освободилась должность замполита в горотделе милиции. Но и там не выгорело! Не дожидаясь приглашения, милицкий начальник вломился ко Второму. Отчеканив шаг, он грозно обратился к хозяину кабинета:

– Товарищ секретарь горкома КПСС! Если вы мне в заместители внедрите этого Иванова, я при вас

сам себе оборву полковничьи погоны и в дворники пойду!

Так Вася, не мечтая и не ведая, стал директором телевидения – с его-то с трудом вымороженным заочным способом дипломом Рязанского пединститута. Номенклатура непотопляема!

Противостояние на студии началось практически сразу. Вася слово – ему два! Указания выполняли после многократных напоминаний: каждый твердил в ответ начальнику – «еще хорошо подумать надо». Особенно всем запала его любимая фразочка – «не встречай!»

– Самое то! – хохотал Быков. – Не то что пилотов, детей такому доверить нельзя – с ума сойдут, несчастные, поэтому сразу – в большие идеологические лидеры двинули!

Главрежу согласно вторили чуть ли не все подряд! Главный редактор Роман Каплан после третьего «не встречай» с радостью перешел в собкоры республиканского радио по Воркуте – давно звали: и начальство далеко, и сам себе хозяин, и машина персональная, и гонорары куда повыше. Чуть было не утащил со студии жену-звукорежиссера Танечку Косачеву – она уже договорилась о переходе в музыкальную студию Дворца культуры шахтеров и строителей. Вася рычал: только через увольнение по собственному желанию! Перевод не дам! Сколько она в «северных»-то потеряет? Еле друзья уломали умницу-красавицу не пороть горячку.

Пример, старая москвичка из дворян Изабелла Аркадьевна (за происхождение и попавшая в эти края) – по преданию, великая Равенская причесывалась только у нее – тоже засобиралась на историческую Родину.

– Лучше я на пенсию в коммуналке в Москве буду оставшиеся дни доживать, чем выносить этого хама. У нас на театре – хоть в Московском камерном, хоть в Воркутинском драматическом – его бы дня не терпели! Подарите ему на день рождения кто-нибудь одеколон! От него же несет как от ломового извозчика!

Слушавшая ее закадычная подружка, ассистент режиссера милейшая Людочка Пырсыкова согласно кивала золотистой головкой:

– Я его боюсь до икоты. У него же глаза – как у волчары! Того гляди, разорвет на части ни за что!

Отсидевший в свое время «десятку» «за троцкизм», экономический обозреватель и модный в городе поэт, седовласый Мгер Енокян, в молодости работавший в Наркомате пищевой промышленности в аппарате самого Микояна, презрительно цыкнул золотым зубом, став очевидцем директорского разноса шоферу за минутное опоздание: «на зоне и то люди интеллигентнее были, включая вохру». Старший редактор детско-молодежных передач Людмила Прохорова, которую многие надеялись увидеть на директорском посту вместо Холоповой, всю плешь проела мужу – Лауреату Ленинской премии (единственному на весь город), начальнику Геологического управления Крайнего Севера: доколе мы страдать должны? Сходи в горком – тебя что, не послушают? Так в Москву напиши! Мы ж от этого простодырого скоро стреляться начнем! Знаешь, как он женщин поздравил с 8 Марта? Объявил о снятии ранее наложенных взысканий! Как солдафон в захудалой армии!

На той летучке – после настырного спича директора – удивленно пожал могучими плечами старший редактор информации Олег Дмитриевич Вильчевский.

– Непонятно, почему надо с угроз начинать? – пробурчал он, как бы ни к кому конкретно не обращаясь. – Когда это мы пурги болялись?!

Кто расслышал, без особого труда поняли, о ком идет речь. Конечно же, о Козине.

Милька Козин был самым молодым в коллективе. Но отнюдь не самым новеньким. Из той, первой волны Шадхановской молодежи – его позвали как редактора школьной стенгазеты – одной из лучших в городе. К тому же, по стечению обстоятельств, он жил в одном дворе с директрисой, и Холопова

его появление всячески приветствовала.

– Милик – не хулиган, как многие в его возрасте. Часто его с книжкой вижу. Хороший парнишка растет!

Козин аж три года в нештатниках пробегал: и стихи свои читал в эфире, и на пианино играл – в соответствии с замыслами экспериментальных передач ленинградского гения. Режиссер из него сразу стал готовить телеведущего-сценариста. А как здорово звучало в эфире «Ведет передачу Мэлор Козин», и уже вскоре старшеклассник заслужил похвалу красавицы Клавочки.

– А ведь хорошо у тебя получается, Мэлик! Чуть подрастешь – вместе с тобой сможем в паре вещать!

Сложно человеку, когда у него нет среднего имени. Мэлором его нарекли по моде послевоенных лет – имя означало сокращение «Маркс Энгельс Ленин Октябрьская Революция». Друганы звали коротко – Мил. Школьная подружка Тамара придумала ласковое имя Миленочка. Так что все упражнялись в меру своих фантазий. Но вот это Мэлик прозвучало как-то по-особенному. Или ему показалось? Аж затрясло от похвалы: надо же, Клавочка, оказывается, их передачи смотрела!

Не удивительно, что после окончания школы Милька без особого труда поступил на журфак Уральского университета – в другие вузы без стажа не брали. Пока абитура несла на творческий конкурс вырезки из газет со своими заметками, он бухнул на стол в приемной комиссии толстенную папку со сценариями своих передач и Грамотой Обкома ВЛКСМ как лауреат республиканского смотря-конкурса творческой молодежи! Да чего там – делегатом Пятнадцатого съезда ВЛКСМ был девятиклассник школы № 1 города Воркуты Мэлор Козин – самым юным в делегации Коми АССР! Не отличник, но твердый «хорошист», член оперативного отряда горкома комсомола и горотдела милиции, замсекретаря школьной комсомольской организации, известный

не только среди школяров поэт – член литературного объединения «Лира» при городской газете. Его стихи охотно печатала республиканская «Молодежь Севера». Однажды даже опубликовали в тематической полосе «Комсомольской правды» о талантах Крайнего Севера!

После университетского диплома – два года лейтенантом в армии, и сразу – домой. Хотел было в «молодежку» попроситься, да место было только в информации.

– Трудиться, молодой человек, нужно там, где требует ситуация, – строго наставлял его директор. – У нас молодежи открыты все пути! Поработаете, пообщаетесь – посмотрим, как будет получаться. У нас знаете сколько желающих было на эту вакансию? Мы вас три месяца ждали – очень уж за вас коллектив хлопотал. Так что – оправдывайте доверие. Ну, а если в молодежной редакции время выберете готовить передачи – не в ущерб основной нагрузке – возражать не стану.

– Я бы и раньше приехал – да вперед дембеля как?

– Вы думаете, один в армии служили? Я три года на заставе в погранцах на Китайской границе отгарабил. Знаем, что почем. Идите, работайте.

По полсотни сюжетов порой выдавал в месяц Козин; уже через месяц-другой освоил принципы верстки выпуска и через год во время длительного летнего отпуска руководителя самостоятельно готовил «Новости». Да еще парочку передач по молодежи в месяц успевал делать на самые разные темы – было бы желание, а время найдется!

Тем более что с руководителем редакции информации они сошлись легко – один вуз заканчивали, одной школы «птены» оказались. Характер у Олега Дмитриевича был спокойный, сибирский – без всплесков и эмоций. Не наставлял, не зудел. Потому и все быстро стало получаться у молодого специалиста. К тому же, родной город предстал перед ним совсем в другом качестве, нежели

он воспринимал его школьником. Одноклассники в большинстве своем разъехались по стране, но некоторые уже, как и он, вернулись, работали кто в школе, кто на шахте, кто на заводе. Он постарался найти всех, и встречи эти открывали на многое глаза.

Был и еще один штрих в биографии молодого журналиста. Именно в Инте он десятиклассником стал чемпионом Коми АССР по классической борьбе среди юношей. В «родную гавань» вернулся уже мастером спорта, чемпионом Прибалтийского военного округа. Конечно же, в командировку определили его. А он и рад был скататься в город своей спортивной юности.

На сборы, согласования ушло два дня. Уже куплены были билеты на поезд-экспресс «Воркута-Москва», отходил за полночь с расчетом быть в первом крупном соседнем городе к раннему утру и в Москве к середине следующего дня. Составили с опытными людьми план съемок, по телефону заказали гостиницу, чтобы не обременять просьбами принимающую сторону.

– Вы вот что, Мэлор Устинович, – строго напутствовал его директор, впервые за полтора года называя по отчеству, этим как бы подчеркивая важность разговора. – Начните с визита в горком партии. Уточните там, что к чему, чтобы мы потом претензий не выслушивали. Им там виднее, чем город славен, какие проблемы имеются. Ждем от вас интересных, зрелых материалов.

В общем, осталось сесть в поезд. Как тут... В Воркуту припожаловала звезда эстрады Гюлли Чохели. Со времени ее триумфа на Международном конкурсе песни в польском городе Сопоте – главный приз! – прошло уже целых пять лет. Видимо, настала пора диве посетить и Заполярье. Мэлор прикинул, что еще успеет до отъезда сделать сюжет в «Новости» о ее приезде, а получилось...

– Миленчик, – сходу умело очаровала его Гюлли Николавна своими бездонными очами светской львицы. А еще она так див-

но пахла тонкими духами «Бычь може» (память о Сопоте?) А еще так приковывали взгляд ее щедро открытые под коротюсенькой кожаной юбочкой точеные ножки в сабо на высоченной платформе! А малиновый маникюр с ореховым запахом на длинных породистых пальчиках! – Попросите свое начальство о сольном концерте, мне это сейчас, вы не представляете, как важно. Вы же сможете, правда? Я даже готова отказаться от гонорара. У нас на эстраде все так сложно, запутанно. Завистники прохода не дают. Вы меня чрезвычайно обяжете! Мне крайне нужно, чтобы меня показали по телевидению! Неважно, где это будет! Воркута, Магадан – да хоть Чукотка. Это будет точно означать: Чохели в моде! Она по-прежнему супервостребованная! Мы все сфотографируем – это даст мне такой мощный козырь в карьере!

– Жаль, что вы всего на три дня к нам...

– Да я хоть ночью петь готова. Пожалуйста, миленький! Я очень на вас надеюсь.

– Ночью мы, увы, не вещаем. А видеозаписи у нас пока еще нет. К тому же мне завтра предстоит командировка в соседний город. Такто я бы всей душой...

– Вы просто увильваете, негодный упрямый мальчишка! – надула пухленькие губки гостя, и сразу стала такой беззащитной!

А он не знал, что делать. Когда? Пауза длилась недолго. Вдруг она сверкнула лучезарнейшей улыбкой.

– Так сегодняшний вечер же свободен, правда? Только от вас все зависит! А я со всей страстью выступлю перед северянами! У вас такие необыкновенные люди здесь живут! Миленький! Мне упасть перед вами на колени? Я бы рада, так ведь счет идет на минуты. Даже на секунды! Я же, кроме вас, никого здесь не знаю!

– Ладно. Попробую. Ждите звонка!

Он двинул прямо к директору. И не ошибся!

– А что?! – расслаился улыбкой босс. – Вот это по-нашему, по-комсомольски! С места – и в

карьер! У тебя же отъезд только ночью. Времени – вагон и маленькая тележка! Сам и проведешь интервью. Кому ж еще поручить-то? Наше худвещание меньше чем полмесяца готовить передачи не умеет. Совсем жиром обросли! Понятно: стаж идет, «северные» и «поясные» под полторы сотни к окладу капают – куда спешить? Им и гонорары не нужны! Тем более наши, городские. Мизерные – по сравнению с тем же Сыктывкаром. Я уж не говорю о Москве.

– Да, Василий Иванович! Это точно! Я сразу заметил, как стал им сюжеты отправлять – в обе столицы.

– Спасибо, что напомнил. Хочу тебе премию выписать за последний сюжет в программе «Время». Классные вы съемки с Донатом Петрайтисом под землей сделали! Молодцы! Так держать! Побольше бы таких сюжетов о людях труда!

– Если до премии дело дойдет, вы уж, пожалуйста, и Доната Юозовича не забудьте. С его без малого двумя метрами ему особенно трудно было в забое управляться. Когда после съемок в душе мылись, он ведь в обморок грохнулся от усталости. Только это – секрет, никому не рассказывайте!

– Хорошо, что о товарищах заботишься. Не бойся – не забуду.

– За похвалу – особое спасибо. Окрыляет такая оценка.

– Ну, ты у нас парень самый шустрый. За что возьмешься – не налажаешь. Вперед! Главное, скажи певичке: пусть больше поет, чем говорит. Болтать мы сами умеем! Чем могу – помогу.

Такого аврала на Воркутинском ТВ не мог вспомнить никто. За артисткой послали в гостиницу директорскую «Волгу», для ее ансамбля отрядили «Уазик». Директор сам всех подгонял и был при этом необычно обаятелен, весел, улыбчив – таким его никогда не видали. Да и все, кажется, заразились идеей готовить эфир прямо на бегу!

Только успели гастролеров привезти, как тут же определили – прямо в гримерной, во время макияжа – порядок песен. У «звезды» был с собой огромный рулон

магнитной пленки (Косачева аж присвистнула от восхищения: надо же – «Басф», ФРГ) с записью прекрасного столичного оркестра! Солистка приготовилась петь под «минусовку»; сопровождающий ее квинтет – фоно, ударные, две гитары и контрабас, собранный на гастроли по переписке «с бору по сосенке», явно предназначался для сцен клубов и Дворцов культуры, в павильоне студии ему отводилась роль брэнчащих для вида, без звука. Тут же наметили план интервью – про сценарий никто даже не вспомнил – когда? Быков, решивший сам выдать передачу, только и успел «в полножки» отрепетировать выход актрисы – и все, эфир! Сразу после выпуска «Новостей», сдвинув все вещание на полчаса.

...В Инте Козина с оператором встречали на черной горкомовской «Волге». Солидный инструктор, заметно волнуясь, все пятнадцать минут пути уверял: вам у нас понравится, у нас такие люди, такой город чудесный!

– Я бывал здесь – два чемпионата республики подряд выиграл по классической борьбе среди юношей, – поддержал разговор Мэлор. – Дважды нас здесь оставляли на сборы перед чемпионатом России. Думаю, найдется кое-кто из друзей с тех времен.

– Поможем! Вот как здорово все складывается. Мы закрепим за вашей группой машину, дадим сопровождающего. У вас, уверяю, останется о нашем гостеприимстве самое благоприятное впечатление. Вы ведь еще не завтракали? Да и когда было? В горкоме уже накрывают стол. Позавтракаете – определим вас в гостиницу. Вашу бронь мы отменили: есть у нас кое-что получше для почетных гостей – просторный коттедж! Московское начальство остается довольным неизменно!

– У меня благодаря Инте в те годы, это лет пяток назад, ну – чуть побольше – по две весны получилось. Дома во время весенних каникул еще стояли морозы, а у вас уже без шапок ходили! И так много людей вечерами гуляло. Здорово!

– Сейчас уже не то. Телевидение ж пришло!

Принял их сам первый секретарь.

– Проходи, проходи, нарушитель! – весело ворковал хозяин города. – Ты даже не представляешь, что вчера натворил!

– Вчера я как бы дома еще был...

– Вот именно! Мы, понимаешь ли, экстренно собрали бюро, и решили – посмотрим ваши «новостешки» – и начнем. А тут ты с этой красавицей! Проголосовали единогласно: отложить бюро на полчаса. И припали к телевизору – как дети, право!

– Ничего себе! А что решали на бюро?

– Да пльвун не по сезону стал тут шахту топить. Авария, черт ее бери! Слава господи, без жертв обошлось.

– И вы все бросили и стали мою передачу смотреть?

– Да знаем мы, что делать во время ЧП. Не впервой! А когда еще эдакое чудо по «ящику» покажут?! Мы тут, глядя на тебя, обзавидовались! Ты ж глазами чуть не сожрал бедняжку вместе с ее ногами от коренных зубов!

Винный бунт

– Ромочка! – буквально стенала в трубку комментатор Элеонора Колокольцева. – Я не могу до работы добраться. Выручай!

– Что-то случилось?

– Ты что, не знаешь? У Центрального гастронома собралась жуткая толпища! Перекрыли трамвайные пути! Это кошмар какой-то! Там вино-водку почему-то не стали продавать, мужики и взбунтовались. Того гляди, разнесут все к чертям! Полно пьяных!

– Я сейчас пошлю машину с оператором, а ты пока узнай, что сможешь.

– Я боюсь! Они там все злющие! И не пробиться никуда. Я с уличного автомата звоню.

– Ладно. Тебе все равно ждать. Хоть что-то разведай. Остальное я сам.

Это был самый финиш года – 31 декабря. В редакциях и службах

регионального телевидения с утра уже начали потихоньку «отмечать». Чтобы не застучало начальство, двери, конечно же, запирали, и, понятное дело, обходились без песен. Но с нормальным застольем: что-то из дома принесли, что-то – из столовой. День был по режиму работы обычный, будничней, но все, кому это удавалось, старались улизнуть домой пораньше. В провальной уже начали сливать растворы – танки еще придется промыть, просушить перед длинными выходными 1 и 2 января. Девочки из отдела технического контроля аккуратно интересовались – когда будет готов последний сюжет для «Новостей»? Мы ж тоже люди, поймите. Хоть бы часика в четыре домой отпустили, что ли.

Предвидя эту ситуацию, Ребров на редакционной планерке предложил себя в качестве комментатора на эту дату – и народ с явным облегчением вздохнул, включая главного редактора: раз замглавного сам берется все разрулить к девятнадцатичасовому информационному выпуску, значит, не придется торчать до самого вечера.

Уже часикам к двенадцати главный намекнул заму:

– Может, я это... того?

– Да думаю, можно, – уверенно кивнул Роман. Заместителем руководителя самой большой редакции он проработал уже пару лет. И хотя сначала многие весьма скептически относились к этому назначению – из спортивных корреспондентов да почти на самый верх – на данный момент ему уже удалось доказать, что спорт – не такая уж вирусная зараза: отпускает довольно быстро. Особенно если носитель вируса и на заводе успел поработать слесарем до поступления в университет, и в стройотрядах вкалывал в студенческие годы, да и в армии достаточно прослужил – аж до майора. И в спорте не последние места занимал на самых ответственных турнирах – трехкратный чемпион Советской армии, бронзовый призер чемпионата России.

Конечно, спортивную тему пришлось передать другому со-

труднику, но экономика никогда не была чужда журналисту Реброву. К тому же вечерняя учеба в Высшей партийной школе хорошо прочищала мозги, а практика быстро закрепляла свежеполученные знания, падавшие на вполне взрыхленную почву. Окончательно авторитет «перестроившегося» утвердился за ним, когда столичная программа «Время» стала охотно заказывать Реброву сюжеты на тему конверсии, а уж на Урале это самое заметное явление времени шагало семимильными шагами. Роману удалось, воспользовавшись политическим моментом, побывать вместе со съемочной бригадой там, куда раньше на пушечный выстрел не подпускали из соображений секретности: в городе атомщиков («за забором»), на предприятиях, работавших на космос, военную авиацию и даже там, где выпускали тяжелое вооружение и точные военные приборы. Вот уж что было интересней интересного! Хоть и показывали им кухонные комбайны, кюезы для младенцев, электромясорубки: конверсия как конверсия – товары для народа, но люди-то были – те самые, кто еще вчера шли под грифом «секретно», а они так много знали, так интересно рассказывали! Конверсия рождала, помимо бытовухи, и кардинально смелые предложения. В том же атомграде, где журналистов до Реброва никогда не бывало, телевизионщиков провели в цех, где готовились предъявить миру не что-нибудь, а целый магнитно-резонансный компьютерный томограф четвертого поколения – наш ответ всевозможным «Тошибам» и другим грандам мировой медицинской техники. Ощущение первооткрывателя не покидало Реброва и заставляло находить такие эпитеты!

– Ты, Ромик, стал писать просто как влюбленный поэт! – не без зависти заметила ему одна дама, славившаяся среди коллег язвительным язычком, хоть и работала на Всесоюзный эфир на освобожденной основе. – Очень высоко взлетел от бесконечных «с разгромным счетом наша команда...» Совсем другой уровень!

Конечно, о винном бунте следовало проинформировать начальство. В кабинете председателя Ребров застал умиротворенную картину. В гости пришли ветераны из бывшего начальства: экс-председатель, уступивший пост нынешнему, намного младше его; бывший заместитель председателя, ставший совсем седеньким старичком, действующий директор телецентра, еще два зампреда – по радио и телевидению. То есть – все руководство. Пили чаек с бараночками, но по остаткам еды и порозовевшим лицам без труда читалось, что чаепитию предшествовало куда более интересное по градусам напитков начало. Реброву не хотелось, но пришлось, с аккуратными оговорками, нарушить царившее благодушие.

– И ты собираешься это давать в эфир? – шутливо-наигранно воззрился на Романа председатель?!

Все знали – к Роману он относился как своему воспитаннику-выдвиженцу, не то что бывший руководитель, на дух не переносивший ни военных, ни спортсменов – и все это отражалось на его отношениях с Ребровым: «средне-серый», неперспективный к росту» и прочее.

– И это – в последний день года? – не унимался председатель. – Чтобы испортить людям настроение?

– А что – умолчать? Когда весь город гудит?

– Ты хоть выяснил, отчего это произошло? Кто конкретно накосячил? И так ли уж велико событие, чтобы о нем трещать на всю вселенную?!

– Пока что послал оператора заснять картинку. Конечно, будем разбираться, время еще есть.

– И из-за этой лабуды мы должны остановить производственный процесс? Михаил Алексеевич, – обратился председатель к директору телецентра, – вы проявке уже дали задание промывать танки?

– Через пару часов приступят, – тревожно-вопросительно бросил взгляд на Реброва, ответил директор. – У нас по графику это намечено на 14 часов.

– И не вздумайте тормозить! Да хоть сейчас начинайте! Мы все равно этот сюжет даже проявлять не будем! Не хватало еще Новый год людям обгадить! Ну что делать с этой борзой молодежью? – улыбнулся он гостям. – Вот уже и в ВПШ человек учится, а все равно мелкобуржуазное стремление к дешевым сенсациям берет верх. Ладно, иди работай, – властно повернул голову к Роману хозяин кабинета. – И без выкрутас! Да, сценарий не забудь мне показать. Так сказать, во избежание. Шеф-то, поди, уже ушел? Видел его в окне. Знать-то, доверяет заместителю. А тот вон что выкинуть собрался!

Ребров употребил все влияние, чтобы пленка попала в проявку: девочкам в монтажной и ОТК – шоколадки, заведующему проявкой пообещал после праздников бутылку. В результате слив растворов задержали на сорок минут. К шести часам Ребров был уже в монтажной. Сюжет получился яркий, насыщенно-зловещий. Друг-оператор Олежка выбрал очень колоритные эпизоды: такие физиономии попали в кадр, такие «говорящие» панорамы снял! Наповал бил лозунг на здании соседней с магазином гостиницы – горящие неонов буквы «Слава КПСС!»

Свой человек в городском управлении торговли подтвердил в телефонном разговоре: скандал разрастается нешуточный. В этот гастроном, где просто мало заказали в расчете на сокращенный рабочий день, в срочном порядке отгружают алкоголь всех видов, включая дефицит – чешское пиво «Праздрой». Инцидент на контроле в обкоме и облисполкоме, дана команда магазину торговать хоть до утра – до последнего покупателя. Но нужно время, а толпа никак не расходится, требуют на расправу директора, того гляди окна побьют, высланы дополнительные наряды милиции. Трамвайное движение стоит уже пять часов!

С огромным сожалением Ребров пожертвовал в сюжете последним планом – это означало смерть материала – и решил позвонить председателю. Телефон

молчал! Бежать через все здание времени уже не оставалось. «Неужели утопали все домой?!» А он уже катастрофически опаздывал на макияж.

В эфир пошли, скрепя сердце, без этого сюжета. Запрет есть запрет, пусть даже и устный. На выходе из студии Реброва ждал директор телецентра.

– Вас караулю! Пойдемте. Там такое творится!

В председателском кабинете, помимо хозяина и заместителя, находился первый секретарь райкома партии. Все сидели с понурыми лицами в напряженных позах. Следом за Романом и директором дверь шумно распахнулась, стремительным шагом ворвался заместитель заведующего отделом пропаганды обкома КПСС. Не раздеваясь, плюхнулся прямо в шапке и пальто на стул, размашисто загасив при этом в пепельнице сигарету. Пепельница здесь стояла для красоты – председатель исповедовал здоровый образ жизни и терпеть не мог табачного дыма, при нем никто не смел не то что курить – дышать табаком. Не здороваясь, замзав впери́л в Реброва свой откровенно злобещий взгляд:

– Ты когда научишься работать в духе перестройки? Почему в выпуске ни слова о винном бунте?

Этого «туза» Ребров знал, как облупленного: взлетев из редакторов многотиражки во властную структуру, он так резко изменился, что было просто не узнать! Словно и не бегал хвостиком за авторитетными журналистами области, глядя им в рот на совместных застольях на День печати, во время других праздников. Даже здоровался теперь через зуб!

Не моргнув глазом, Роман спокойно ответил:

– Проявить не успели. А на слово кто ж мне поверит?

– Еще выпуски сегодня будут? – повернулся замзав к председателю.

– Если понадобится – организуем, – угодливо ответил тот. – Потому и Роман Сергеевич домой не уходит. Он как раз...

Резко прозвеневший белый телефон с золоченым гербом страны

произвел эффект разорвавшейся бомбы. Этот телефон был без диска – прямая линия с обкомом КПСС. Уверенно рычащий бас задал лишь один вопрос:

– Надеюсь, ты это снял?

Председатель стал блее мела. Ребров, напряженно глядя ему в глаза, утвердительно кивнул головой.

– Да! – прохрипел председатель, сглатывая ком в горле.

– Счита́й, что спас свою жопу! Из ЦК звонок был – требуют перегон на Москву, в программу «Время». Срочно!

Ребров подошел вплотную и вновь утвердительно кивнул головой.

– Ясно! Сделаем! – тихо, все еще не очень веря себе самому, ответил председатель в трубку.

На этот раз побелел директор телецентра. Чтобы ничего не объяснять вслух, Ребров кивком позвал его за собой в приемную.

– Да твою же мать! Это ж сколько народу придется выдернуть, – хрипло выдавливал из себя директор. – Проявка, ОТК, монтажница. Когда хоть перегон – не сказали? Одна проявка – четыре часа. Да пока растворы подготовят! Ну и жопа Новый год!

Ребров симпатизировал директору больше, чем другим начальникам. Тот пришел относительно недавно с оборонного завода, где прошел путь от токаря до председателя профкома. Был всегда тщательно одет в дорогие костюмы – каждый день в другой, уютюжен, свежий румянец выдавал в нем человека, начавшего день с кросса в любую погоду. И со всеми директор держался подчеркнуто на вы – никакого панибратства, никакого покровительственного тона по отношению к подчиненным. Чем выгодно отличался от большинства руководителей организации.

– Успокойтесь, Михаил Алексеевич! Сюжет готов. Если б я слушался всех подряд – какой же из меня был бы журналист?!

– Слава те Господи! Хоть один профессионал в конторе нашелся! Я немедленно потребую, чтобы перед вами извинились!

– Не стоит. Ситуация и так яснее ясного.

– Тогда... Дайте пожать вам руку!

Шлягер

Крупнейший из периферийных Уральский телерадиокомитет славился на телевизионном просторстве страны как новаторский. По большей части – из-за инициатив руководства. Не успевали где-нибудь «наверху» высказаться хоть о чем «а вот неплохо бы...», как оказывалось, что именно в этом направлении уже успешно работают на Урале и готовы хоть сегодня, хоть сейчас внедрять это самое в жизнь! Правда, чаще оказывалось, что идея-то не совсем жизнеспособна по целому ряду причин – в основном, из-за незрелости, но к тому времени, когда она проваливалась, рождалась уже новая и о старой можно было смело забыть. Зато слава руководства провинциального комитета была на Москве устойчивая: первопроходцы, смельчаки!

Весть о том, что будут объединять теле и радиоредакции в единое целое, что должно было дать, по мнению инициаторов, повышение квалификации журналистского корпуса, сокращение параллелизма в работе, укрепление власти среднего командного состава и многое что другое – у большинства энтузиазма не вызывало. Любое начинание – всегда риск: а не пошатнутся ли авторитеты, завоеванные годами? И потом – новый вид вещания предполагает освоение возможностей незнакомой техники. Учеба как плановое мероприятие и даже как обязанность не планировалась – не университет, сами не маленькие, разберетесь по ходу дела. По этажам быстро пробежал анекдот о том, как одна признанная телевизионная мэтресса – не стесняясь, вслух – откровенно возмущалась: «На кой черт мне этот радиоманитофон? А вдруг он меня током ударит?» Ей пытались втолковать – это ж невозможно, чем там ударит, какой-такой ток? Бесполезно! Ни в какую!

Так что... Впереди ожидало много веселого. Взявшиеся осваивать телевизионное пространство радиожурналисты слабо себе представляли, что такое телекомпозиция, сбивали с толку кинооператоров – то снимите, это снимите... на всякий случай. Те в ответ огрызались – кто за перерасход пленки платить будет? С вашей зарплаты будут высчитывать, если отснятое не пойдет в эфир? У нас закон – один полезный метр к трем! Из трех отснятых метров один должен идти в эфир! В результате видеоряд в передачах зачастую напрочь расходился с содержанием. Телевизионным спецам тоже доставалось на орехи – они сплошняком употребляли в радиопередачах эпитеты типа «но вы же сами видите», забывая, что картинки на радио нет. И не предвидится.

Скептики загибали пальцы, вспоминая прежние почины. Их уже всех пытались пересадить на автомашины, чтоб сократить автопарк. Имеющие права было ринулись исполнять, но им строго указали: сперва нужно организовать водительские курсы без отрыва от производства, а уж потом... Курсы с треском провалились – когда учиться в рабочее время? И ведь даже не просчитали энтузиасты – где столько машин взять? Да и кто за автомобилем ухаживать будет? Вспоминали и другой почин: журналистам предложили освоить кинокамеры – опять же в целях расширения квалификации. Нашлись желающие – и что? Где взять дефицитную кинопленку? Камер лишних тоже не наблюдалось. И кто учить будет? Кинооператоры? Чтоб потом остаться без работы? Так что очередной затее предрекли скорую кончину.

Довольно быстро все встало на свои места: внутри редакций опять вернулась на круги своя привычная специализация: кто тяготел к ТВ – тот им и занимался. И наоборот – лучше получается радио – ну и с богом. А то в телепередачах участвовать – лишнее раз шею мыть, рубашку гладить, физиономию до блеска брить! Но в Главной редакции информации

курс на объединение неожиданно восприняли с пониманием даже ветераны: теперь на событие выезжал один корреспондент, обаянный и сюжет в «Теленовости» дать, и радиорепортаж в «Областные известия». Особенно усердные успевали подготовить плюсом материалы на Москву – в программу «Время» и на Всесоюзное радио. Экономия времени и транспорта – налицо! Да и люди стали элементарно больше зарабатывать – наиболее активные чуть ли не в два раза!

Этих тонкостей не понимала киноредакция и смотрела на все сверху вниз:

– Серая масса получила повод для бузы, – изрек один из мэтров кинопроизводства. – Тришкин кафтан по-новому хотят кроить!

Но вот что несомненно стало обузой – так это летучки. Порой вместо профессионального анализа такое творилось! Если раньше «разбор полетов» по понедельникам занимал у радийщиков не больше часа, у телевизионщиков ну чуть больше, то теперь... Летучка начиналась в девять утра, а уж когда завершится... Кто-то откровенно зевал и присутствовал явно для мебели, кто-то втихую смывался, пользуясь многолюдьем – актовый зал теперь набивался полностью. Споры возникали практически каждый раз, порой и не шутейные. Время от времени вскакивал очередной возмущенный и, перебивая обозревателя, с места выкрикивал:

– Ты что несешь? Давно ли ты по-новому стал работать? Стратег!

Особенно доставалось бывшим радийщикам, рискнувшим выйти в телеэфир.

– Ведущий был одет, как на похоронах! А говорить хотели о новаторских методах работы, которые сразу же и закопали унылым зрелищем. Что, посветлее рубашечку найти не могли человеку? Приходите, зайдем!

Но самым апофеозом стала в один прекрасный день завершающая речь зампреда комитета. В прошлом он отвечал только за ТВ и редко вмешивался в процесс обсуждения. По новой моде

приходилось выступать. Чтобы, так сказать, подытожить и не дать окончательно разгореться страстям.

Обозреватель – кинорежиссер из молодых, которому пришлось по разнарядке Дирекции программ впервые в жизни рецензировать радиопередачу о жизни села, глубокомысленно изрек:

– Я житель городской, поэтому ничего не понял в этом севообороте, травополье, продуктивности. Видимо, посыл был рассчитан на узкоцелевую аудиторию. К коей я не принадлежу. У меня к автору передачи один вопрос. Александр Николаевич, почему ваши произведения всегда иллюстрируются песнями певицы Обуховой? Что, на селе так уж любят вечную вселенскую тоску и принципиально не хотят послушать какой-нибудь шлягер? Зачем же так плохо думать о людях?

Зампред в своей речи, завершая собрание, решил щегольнуть эрудицией.

– Вот тут Георгий Александрович негативно отозвался о передаче «Сельский час». Никто не спорит – творческое разнообразие во вред не идут ни на радио, ни на телевидении. Но! – многозначительно поднял указательный палец, – в городе тоже вкусы разные. Я тоже всю жизнь в городе живу. Вот, например, моя дочка – далеко не шлягер, а Обухова ей нравится.

Такого гомерического хохота актовый зал не слышал никогда! Стены дрожали!

СПОРТИВНИКИ

Два:три

Матч ожидался принципиальный. Многолетнюю иерархию грандов женского волейбола порушила настырная команда с Урала: пощады не было никому – то ЦСКА лихо разнесет, то киевлянок. Не говоря уже о рижанках и других соперницах – из Запорожья, Ташкента, Минска. А тут еще матч на поле уралочек за три тура до окончания чемпионата страны при ситуации, когда совершен-

но неясна была судьба медалей – давно такого не наблюдалось!

Тренер москвичек был отутюжен от затылка до пяток: безукоризненно сидящая на нестареющей, словно вытянутой ввысь волейбольной фигуре «клубная пара» (серый низ, синий верх), фирменный, динамовских цветов галстук, косо перечеркнутый золотой заколкой на нежно-голубой рубашке, золотая же печатка на правой руке. Четкий английский пробор лунного отлива как бы излучал гарантированный успех, помноженный на опыт и точный расчет.

Тренер команды хозяек, напротив, был взъерошен, источал адскую напряженность, откровенно мешковат и вряд ли мог внешне стопроцентно олицетворять волейбол – и рост, увы, не тот, и громких званий никаких. Даже не мастер спорта – куда уж до «Заслуженного СССР»! Прошлогодняя бронза уралочек была не в счет: многие авторитеты высказывали сомнение – вряд ли удастся повторить этот успех, когда это столичные лидеры безнаказанно прощали претензии периферии?

Игра началась сокрушительными эйсимами^{*} динамовок. За считанные минуты счет стал 7:0!

Уралец затребовал минутный перерыв, резко вскочил со скамейки навстречу понуро идущим подопечным и сходу стал что-то сбивчиво им толковать. Ассистент звукорежиссера трансляции было сунулся, повинувшись команде с пульта, с микрофоном на длинной стойке в гуцу команды, но тут же отскочил, боясь за технику – помощник уральского наставника наотмашь рубанул воздух рукой – отвали, мол, не до тебя!

Москвич, наоборот, не спеша поднялся во весь свой гигантский рост, величаво прошествовал к своим, и, явно играя на публику, громко отчетливо произнес:

– Молодцы, девочки! Смелее! Вы это умеете! – и, не задерживаясь на площадке, так же неторопливо вернулся в кресло.

Хозяйки отыграли кряду два мяча, но потом снова пропустили

пять результативных подач и, сопротивляясь на больше-меньше, все же провалили первый сэт со значительным отрывом столичных. Второй мало чем отличался от первого – смена сторон не повлияла на рисунок игры. Зловеще глядели на болельщиков цифры на табло – 0:2.

Перед самым началом третьего сэта москвич вдруг поднялся и пошел к выходу из зала. Около ложи прессы он остановился перед репортером спортивных программ местного ТВ и громко предложил, опять же играя на публику:

– Вы хотели взять у меня интервью? Сейчас самое время! Тут дел осталось – на полчаса с душем.

Репортер опешил. Отказаться? Немыслимо! Этот, кругом заслуженный, крайне редко соглашается на разговор. Второй случай может и не представиться.

Они прошли в пустой пресс-бар, заказали по кофе с коньячком. Москвич демонстративно выключил телевизор.

– Смотреть там нечего! Только отвлекать будет. И так...

Репортер включил магнитофон – действительно, корифей прав: звук из телевизора шел бы завязкой. А это – технический брак. С чего же начать? Но тренер приступил к делу сам.

– Завидую нынешней молодежи. Какие Дворцы спорта построили! Какие стадионы! Мы ж фактически на улице и выступали, и тренировались. Хоть в дождь, а то и в снег. И все это – в послевоенной Москве. Что уж про провинцию говорить! Бывало, ветер как посильней дунет – того и гляди мяч в кусты улетит. А форма? Шаровары да свитер. А тут объявили – СССР будет впервые участвовать в Олимпиаде. В Хельсинки, в 1952 году.

– Знаю.

– Да что вы можете знать, молодой человек! Играть-то предстояло в закрытом помещении, а у нас подобного опыта – ноль. Времена-то были такие – ого-го! Попробуй продуй! Еще неизвестно, где окажешься в результате! Хоть мы были уже чемпионами мира, начиная с 1949-го, но – Олимпиада! Я

тогда играл за команду ВВС МВО. И знаете, как мы вышли из положения?

– Интересно...

– Вася Сталин отдал нам ангар самолетный! В полное пользование! Вот где простор! И от непогоды – никакой зависимости! Ни зимой, ни летом!

«Как там наши девчонки?» – мысленно страдал репортер. Но остановить москвича никак не удавалось. Тот как бы вслух размышлял о своем, любимом – даже на собеседника не глядел. И все вспоминал, вспоминал: как тренировал мужскую сборную страны, когда и где выигрывали. Как потом предложили женскую сборную возглавить – и снова успех за успехом. Прошло томительных полчаса. И еще полчаса. Но матч, судя по всему, продолжался – так бы и остались они вдвоем в пресс-баре!

– Гиви Александрович, – умоляюще сложил ладони телевизионщик. – Мне бы хоть одним глазком!

– Хотите включить телевизор? Да ради бога! Я и сам уж смотрю – времечко бежит, а тут тишина мертвая!

«При счете два-два команды уходят на перерыв! Впереди решающая, пятая партия!» – под рев зала вещал комментатор.

– Большое спасибо за интервью! Было очень интересно! Но мне нужно срочно на рабочее место!

– Да идите! Конечно! – совсем по-другому, как-то очень устало, согласился титулованный гость. – Хотя в исходе я и не сомневаюсь до сих пор!

...Когда техническая бригада Передвижной телевизионной станции сворачивалась, кабельмейстер задал вопрос проходившему мимо тренеру уралочек.

– А почему этот грузин ушел при счете два-ноль в их пользу?

– Да понты корявые! Думал, что мы психологически сломаемся! Мол, они – машина, а местные так – чайку попить пришли. Не тут-то было!

– Мы всю глотку сорвали, за вас болеючи! Ну и жару вы им за-

^{*} Эйс – подача на результат, достигающая цели без сопротивления противника.

дали! Особенно в пятой партии. Все нервы измотали этим больше-меньше. А уж когда Колодяжная решающий кол засадила, мы чуть с ума не сошли от счастья! Спасибо огромное от всех!

– Следующая игра у нас с ними в Москве. Мы и там их сделаем! И в чемпионы страны выйдем – вот увидите!

Прыгунья

В ночь с субботы на воскресенье 26 апреля 1986 года в 23 минуты второго в Чернобыле рвануло. Ровно через сутки в одной из квартир тихого подмосковного Егорьевска раздался звонок. Семья пенсионеров поселилась здесь совсем недавно – приехали с Крайнего Севера и обзавестись друзьями, которые приходят запросто в любое время, еще не успели. Сыновья – один на Урале, другой на Волге – предупредили бы о приезде заранее.

Звонок повторился уже настойчивее. Муж отреагировал вяло: ну их – соседи, поди, нажрались на выходных – как всегда, будут на выпивку клянчить. Или – цыгане. Не открывай, сами отвяжутся! Но когда звонок протарахтел уже в третий раз, жена нехотя поднялась и пошла к двери.

На лестничной площадке стояли двое: высоченный, под два метра, мужчина, одетый с иголки – будто на показе мод, и рядом с ним девочка лет двенадцати. От мужчины исходила такая уверенность, такой шарм! Да еще пах он таким дорогим импортным парфюмом! Это слегка успокоило хозяйку.

– Извините нас, ради Бога, что в неурочный час потревожили. Вам звонили из Киева? Должны были позвонить, – боясь, что перебьют, выпалил он одной фразой. – У вас есть ведь родственники в Киеве?

– Есть...

– Вы ведь Ида Борисовна, правда? А мужа зовут Лев Григорьевич?

– Совершенно верно. В Киеве у меня родня от покойной сестры...

– От Елены Борисовны. Ее дочь зовут Лариса Владимировна Мельникова. А со мной – ее дочь Леночка. Слава Богу! Я уж боялся,

что впопыхах с адресом заплутал. Это была бы просто катастрофа!

– Что ж мы в дверях-то стоим, – пришла в себя хозяйка. – Проходите, раздевайтесь. Сейчас чаек поставлю.

– Я надолго не смогу – такси ждет, не отпустил, мне в аэропорт надо – лечу в Германию. Вы ничего не слышали о взрыве на Чернобыльской атомной электростанции? У нас, на Украине?

– Да нет. А давно это произошло?

– Вчера ночью. Облако от взрыва пока стоит, все гадают, куда подует ветер. Предположительно – на Брянщину. Но Киев на всякий случай готовят к эвакуации. Да, простите, я не представился, – сняв туфли, он так и остался в плаще; девочка же спокойно устроилась на тахте в гостиной, подложила под голову подушечку и стала медленно погружаться в сон. – Подин Вячеслав Вячеславович. Тренер Леночки по прыжкам в воду с трамплина. Леночка у нас – чемпионка Украины среди юниорок, я из нее собираюсь олимпийскую победительницу вырастить. Как раз к Барселоне* поспеть будем должны!

Именно поэтому я сейчас лечу в Германию – дома после этого взрыва делать нечего, какие теперь там чемпионы?! Я уже давно подумывал перебраться в Загранку вместе с семьей и лучшими учениками, да все не решался. Дождались с нашим-то бардаком, извините! Уже сутки, как прогреломело, а радио молчит! Вот и вы ничего до сих пор не знаете!

И тут прозвенел телефонный звонок. Лариса, плача в трубку навзрыд, попросила приютить дочку на какое-то время.

– Да не переживай! – как могла, успокоила ее хозяйка. – А то и сами давайте к нам – места хватит, мы слевой одни же. Даже веселее будет!

– Мы не знаем, что будет завтра. Если дойдет до эвакуации... Пока хоть дочку спасите!

Тренер вмешался в разговор, жестом попросив трубку.

– Лариса Владимировна, все в порядке. Мы уже здесь. Через неделю я Леночку заберу в Германию, будьте уверены. И насчет вас там поговорю. Неча делать в этом Киеве теперь! Представьте – здесь ничего о взрыве до сих пор не знают. Не страна, а сборище тупорылых идиотов!

И уже обращаясь к хозяйке квартиры, решительно произнес:

– Мое время вышло, самолет ждать не будет. Вот вам деньги на содержание ребенка, вот список, что она должна есть и во сколько. Не забывайте ей дважды в день обмывать ножки холодной водой – утром и вечером – вдруг мы уже успели дозу цапнуть. А как индивидуально тренироваться, спортсменку – кандидата в мастера спорта среди взрослых – учить не нужно. Мир еще услышит ее имя!

– Да какие деньги, что вы! – искренне возмутилась хозяйка. – Мы что, ребеночка не прокормим? Чай, с Севера, кое-что поднакопили. За всю жизнь-то!

– Прошу меня извинить, на дискуссии времени нет. Вы внимательно посмотрите. Это – доллары. Спрячьте подальше – скоро они будут в ходу. Раз мы уже всей страной к чертям собачьим в тартарары катимся!

Гостья оказалась на редкость организованным ребенком. Сама раненко вставала, аккуратно управляла диван в гостиной, где ее поселили – и шла на утреннюю пробежку. К возвращению ее всегда ждали горяченькие творожники, которые с удовольствием готовила двоюродная бабушка. После завтрака – двухчасовые упражнения во дворе. Какие только чудеса не вытворяла эта девчушка: стойки на руках, фляки**, подолгу ходила на руках, плюс всевозможные растяжки, прыжки, многоскоки... Весь двор собирался смотреть! Потом – часовой сон, и садилась за уроки. Сама занималась по всем предметам школьной программы, попытки подсказок со стороны взрослых мягко отвергала:

– Спасибо, я знаю, что нужно выучить! Мне задание выдали на месяц вперед.

* XXV летние Олимпийские Игры в Барселоне 1992 г.

** * Фляк – переворот назад на руки (элемент спортивной акробатики).

Сердобольный двоюродный де-душка было кинулся в бассейн до-говариваться о внучке, но и это не пригодилось.

– У меня сейчас по программе как раз «сухое плавание»*, так что спасибо, но не беспокойтесь. Мы все предусмотрели с тренером.

Подин появился ровно через неделю.

– Как всегда, спешу, извините! Большое спасибо за ученицу. Нас уже ждут в Ганновере. Если надумаете покинуть страну, свяжитесь со мной через Ларису. Там к нашим проблемам относятся с удивительным пониманием!

– Ну уж нет! – упрямо набычился Лев. – Я ж с ними воевал! Еще не хватало... Как вы вообще можете...

– Извините, если невпопад что-то брякнул, – виновато тряхнул лысеющей головой тренер. – Просто... Давно это было, Лев Григорьевич! Война, Победа! Мы очень уважаем ветеранов, у меня отец похоронен в Польше, любую возможность использую могилку навестить.

– Где?

– Под Колобжегом. В самом конце войны погиб – в марте сорок пятого.

– Первый Белорусский, Восточно-Померанская операция, – потеплел глазами хозяин квартиры. – Мы тогда под Кенигсбергом бились. А Колобжег был еще Кольбергом.

– Да то, что ваше поколение пережило – ни в какое сравнение... Но... Факт остается фактом – вот теперь немцы нас спасают. От своих же... дуболомов.

Лена Мельникова – в Барселоне ей исполнилось восемнадцать – выступала за команду Украины: равных ей не нашлось ни в Германии, ни на Родине. Весь период подготовки к Олимпийским играм ей и тренеру оплачивал Спорткомитет Украины. Медаль, правда, не завоевала – пойдя пробейся сквозь плотный строй китайцев и русских! Но на следующую Олимпиаду в Атланте четыре года спу-

* «Сухое плавание» – дополнительный комплекс упражнений вне водной среды (спортивный термин).

стя сумела отобраться уже в Германии как гражданка этой страны, однако опять осталась без медали. Ну, не всем светит олимпийское счастье!

За это время родители переехали вслед за ней в Ганновер. Пытались все вместе сагитировать родного брата Ларисы Мирона – куда там! Тот успел развестись со своей женой-киевлянкой и укатил с новой подругой жизни в Сургут.

– Вы как хотите, а у меня историческую память не отшибло. С немцами под одной крышей я по любому не уживусь. Это сейчас они все такие белые и пушистые. А случись что в международной обстановке? Да запросто новые Освенцимы пооткрывают!

– Не преувеличивай, – пыталась его урезонить сестра. – Не всю правду пишут в ваших газетах.

– Вот увидишь: как только Ленка отпрыгается, вы им на фиг никому не будете нужны! Но ты не тушуйся – в Сибири места хватит всем. Примем с доброй душой!

– Ну хоть в гости приезжайте. Может, мнение изменится. Нам тут вполне комфортно.

– Так у вас же там теплых морей нет. А у нас здесь путевок хоть в Египет, хоть в Эмираты любые – завались! Не говоря уж о Сочах и Геленджиках. Опять же, профсоюзы частично отдых оплачивают, чего вы в своих Европах никогда не дождетесь. Погреем косточки – и суровая зима не страшна!

Лена, закончив прыгать в двадцать два года, выучилась на архитектора, осталась жить в Германии, но уже в Гамбурге. А когда умер отец, перевезла маму из Ганновера поближе к себе. Вышла замуж, родила двоих детей и о Чернобыле никогда не вспоминает.

КИНОШИНКИ

Почтовый роман

Задудло так, что хоть святых выноси! Февраль в Москве бывает особенно противным!

– Активируем съемку? – беспокойно взглянул на режиссера директор картины. – Массовка – не

дура, чтоб за клятый трояк сопли морозить! А, Евгений Семенович?

Режиссер ответил не сразу. Для маститого, всенародно любимого актера – особенно за роли военных – это была вторая картина в качестве постановщика. Первая прошла «на ура» – по книге известного писателя о трудной судьбе цыгана Будулая. При приемке ей было дали вторую категорию, но народ перерешил по-своему – фильм посмотрело 53 миллиона человек, при такой посещаемости первая категория присуждается автоматически. Сложись все похорошему во второй работе – будут новые заказы. А вот если нет... Слышал он за спиной зловещие шепотки:

– Понятно! Тему взял беспроигрышную. Цыганешты таборами штурмовали кинотеатры, по пять раз заходили. Знаем мы цену такой популярности!

Сегодня планировалось снять совсем немного – массовую сцену с проходом главных героев вдоль стены Новодевичьего монастыря. И вот, надо же! Хотя еще вчера прогноз был вполне щадящий.

– Давай так! – решил он. – Погодим сворачиваться. И ловите всех, кто мимо идет! Глядишь, народишко и наберем.

В вагончике их было трое. Кроме участников диалога, здесь же прихлебывал горячий чай корреспондент радио с портативным магнитофоном – пришел брать интервью. Его мигом переделали в простецкий армяк**, онучи***, подпоясали кушаком****. На голову натянули противно пахнущий малахай***** – видать, не весь реквизит успели пропустить сквозь химчистку. Венчала всю эту красоту начала века козлиная бороденка, торчащая клином.

– Все интервью – после съемки! – властно распорядился режиссер. – Сейчас не до этого!

Тут еще один журналист нарисовался – практикант из отдела

** Армяк – верхняя долгополая одежда из грубой шерстяной ткани с капшоном, без пуговиц и застежек, запаховается ремнем.

*** Онучи – обвертка на ногу поверх лаптей.

**** Кушак – пояс из широкого длинного куска ткани.

***** Малахай – коническая меховая шапка с большими ушами.

кино газеты «Советская культура». И этого обрядили по образу и подобию коллеги.

С шумом ввалился оператор.

– Семеныч! Пора снимать! Я в визир глянул, ракурс выбрал – получится, будто народу сносно набралось. А этих – кивком головы показал он на прессу – я поближе поставлю, типажи нормальные. А то еще час – и свет уйдет, гадам буду.

Эпизод эпизодом, а с часик на морозе провозились. Режиссер был все время рядом, подбадривал, как мог. Парням-журналистам пообещал: терпите, как закончим – водки налью. И наговорю, сколько хотите.

Главные герои – высокий стройный актер в морской форме и его партнерша, будто и вправду замороженная, щедро загримированная актриса в длиннополой шубе – появились из своих вагончиков на какие-то пяток минут на два как бы неспешных прохода и тут же ретировались обратно в тепло.

Засадив по стакану, журналисты с полчаса слушали режиссера-постановщика.

– Сюжет такой. Они увиделись мельком – и влюбились. Но судьба развела их. Дальше пошли письма – длинные, подробные. Поэтому картина так и заывается – «Почтовый роман». В главной мужской роли – дебютант, я его нашел в Киеве в русском театре, когда поехал на подписание договора со студией имени Довженко. Надеюсь, что публика благосклонно примет его мужественную внешность. Лейтенант Шмидт был как раз такой – харизматичный, видный, киношное амплуа «герой» здесь как раз присутствует, природа не поскупилась. Героиню играет уже достаточно известная, пока что больше в театральных кругах, актриса МХАТа, это у нее не первая роль на экране, но в заглавных сниматься еще не приходилось...

У газетчика на языке вертелся вопрос, который задать он так и не решился. И тут режиссер подкинул ему шанс.

– Давайте, ребята, на сегодня пошабашим. Устал я что-то. Если

найдутся еще темы – милости прошу ко мне домой. Записывайте телефон. Я человек открытый. За это меня во ВГИКе студенты и любят.

– Жаль, но для меня это исключено, – ответил радийщик. – Материал пойдет сегодня в вечерних новостях. А завтра с утра – в командировку. Играете вы лично просто замечательно – порой чуть сердце не останавливается! Дай Бог вам такого же режиссерского успеха!

– А я, если можно, воспользуюсь предложением, – вдруг неожиданно для себя выпалил практикант.

Народный жил в самом центре Москвы – на Сивцевом Вражке, центрее – только Кремль. На всякий случай прихватил бутылочку коньяку. Она оказалась очень даже кстати: хозяин сидел на кухне с гостем-генералом, судя по галлифе, и напиток в графине у них оставалось разве что на один тост. Закусывали по-мужски: вареная картошка, черный хлеб, соленые огурцы, крупно порезанный репчатый лук, разделанная селедка, копченая колбаса. Никаких тебе салфеточек, ножей...

– Знакомься, корреспондент. Мой однополчанин по Омскому учебному центру. Всю войну прошел. А меня так и оставили в тылу – молодежь обучать. Хотя рапорта об отправке на передовую писал регулярно.

– Для кино тебя и сберегли. На фронте запросто могли и изуверчить, – угрюмо заметил генерал. – Давайте, работайте. Мне до дому пора.

Когда и прихваченная емкость показала дно, режиссер, внимательно взглянув на практиканта, одобрительно кивнул:

– Ну давай, что ты там...

– Да я вот... Про артистку эту вашу... Умом понимаю – очень красивая женщина. Да вот что-то... не цепляет...

– Думал, что ты про артиста на главную роль спросишь – можно ли дебютанта центровым определять? Боюсь, промахнулся. Откровенно не тянет. Чертовы киевляне навязали. А то бы фигу, а не кон-

тракт мне: кто платит, тот и музыку заказывает. Умом понимаю – заторможенный он какой-то. А как расшевелить? Хрен его знает! Уж не знаю, что и получится! А ты, значит, насчет артистки интересуешься. Могу сказать – но это строго не для печати. Сам там придумай чего. Знаешь, чего в ней нет? Нормальной бабской блядинки. А без нея...

Смотр невест

Что Москва для провинциала – адский омут, замешанный на отсутствии принципов и порядочности, Милька сполна наслушался еще на Северах, дома. Особенно, когда в восьмом классе понял, что хочет стать журналистом.

– Провинциальные журналюги, как правило, пьяницы, потому что завидуют столичным: там и слава, и оплата, – авторитетно заявлял отец. – А в Москву попервости надо либо с деньжищами дурными переться, либо родню на самых верхах иметь! А иначе сожрут с потрохами – и косточки выплюнут, не поперхнутся.

Первый столичный облом ждал при попытке сдать документы в МГУ.

– Вы что, не в курсе? Нужен производственный стаж два года.

– Не знал. Ладно. В Ленинград поеду.

– И получите такой же ответ. Правила везде едины.

Руководитель приемной комиссии вмешалась вовремя.

– Аспирант – как вас там? Не морочьте человеку голову, вас не для этого сюда пригласили. Пора бы знать – в этом году на журфаке Уральского университета проводят эксперимент: разрешено принимать выпускников школ без всякого стажа. Правда, условия особые: необходимо набрать на два балла больше, чем сложится средний балл. Так что, юноша – смелее, шанс у вас есть!

На журфаке Уральского университета царили совсем другие настроения относительно Москвы. Преподаватели считали уральскую школу журналистики одной из лучших в стране, поэтому неу-

станно приводили в пример своих выпускников, успешно работавших в самых популярных изданиях, напутствовали – дерзайте, только от вас самих зависит, что из каждого получится.

К выпускному курсу Милька утвердился среди товарищей как знаток театра и кино не только благодаря эрудиции. Солидные публикации в молодежной газете, «Вечерке», «Уральском рабочем», среди которых были рецензии на кинофильмы и спектакли, творческие портреты актеров, репортажи с фестивалей, развернутые отчеты о гастролях столичных театров размером иногда в целую полосу – все это вселяло уверенность в своих силах. Если он здесь обходится без протекции, почему в столице должно быть иначе? Уж Свердловск-то совсем не провинция!

Предстояла преддипломная практика. Можно было пройти ее в любой из газет на месте. А как же тогда Москва? Так и останется непокоренной? И он решился. Написал письмо в редакцию газеты «Советское кино» – еженедельное приложение газеты «Советская культура». И вскоре получил ответ на фирменном бланке: редакция не выплачивает заработную плату на время стажировки, не предоставляет жилье. Если подобные условия устраивают – считайте этот ответ официальным вызовом. И подпись: Г.Сенчакова, заместитель главного редактора.

В приемной редакции сидела хмурая дама с огромной «халой» на голове.

– Вам что нужно? Вы к кому?

Как-то это не сильно вязалось с представлениями о мире кино, где все должны быть приветливые, красивые, отзывчивые. Во всяком случае, хотелось так думать.

Милька молча протянул листок. Еще раз мельком взглянув на визитера, дама удалилась в одну из дверей, на которой висела табличка «В.Шалуновский». Приглядевшись, на второй двери он прочитал «Г.Сенчакова». Ну ладно, хоть по правильному адресу попал. Дверь распахнулась, и та же дама, преобразившаяся в само

обаяние: и улыбочка, и ямочки на щеках, и плечики расправлены – мило прощбетала:

– Вас ждут, товарищ Козин! Владимир Николаевич как раз сейчас свободен! Галина Ивановна в отъезде, в командировке. Так что вам повезло – знакомство для вас начнется с главного редактора.

Почти двухметровый, в строгом черном костюме с депутатским значком, главред был лаконичен.

– С жильем определились?

– У земляков с севера буду жить.

– Спортсмен?

– Да.

– По плечам видно. Значит, болеть не будешь. Иди к ответсеку Абрамовой, выделит тебе стол.

Очень скоро Милька понял, что, собственно, руководить им и его практикой никто особенно не спешит. Хочешь репортаж с «Мосфильма»? Вперед! Есть идея сделать творческий портрет любимого актера? Найди информационный повод – и твори! Он без чужой помощи вписался в рабочий ритм небольшого коллектива, где каждый – сам по себе, и его это вполне устраивало. Репортаж в сто строк со съемочной площадки картины «Комедия об Искремасе» молодого, но уже известного режиссера, иллюстрированный снимками, которые буквально на ходу впихнул ему фотограф киностудии, пошел почти без правки в ближайший номер. Следующим практикант приготовил творческий портрет известного актера Виктора Коршунова – как раз на выходе был фильм с его участием. И нацелился на интервью с Ларисой Лужиной – только что прошел по телевизору сериал ГДР «Доктор Шлютер», где она сыграла одну из главных ролей. Это было уже после «Тишины», прошедшей с оглушительным успехом.

В первый же день выхода Сенчаковой – приболела после командировки в Польшу на кинофестиваль, потому и лишнюю неделю просидела дома – ей тут же радостно сообщили:

– Галина Ивановна, ваш протеже успешно проходит практику.

Уже опубликовался. Из молодых – да ранний! Далеко пойдет!

– Какой протеже? Кто такой? – недоуменно уставилась на секретаршу замглавного.

– Да этот, как его, еще имя странное, нерусское – Мэлор. Который Козин. Из Свердловска. Хотя по виду – русак-русаком.

– Да я никогда не бывала на Урале вообще. Никого там не знаю!

– Странно... – потупила бровки секретарша. – Но вот ведь Владимир Николаевич сам...

– Давай этого авантюриста ко мне! Срочно!

Такого ненавидящего взгляда в свой адрес Мильке встречать не приходилось.

– Что за дела? Откуда вы меня знаете? Кто вам позволил так себя вести?

– Из письма. На бланке редакции.

– Где это письмо? Покажите.

– Секретарю отдал. Мне оно зачем? Там так и написано – «считать официальным вызовом». Вот и приехал. С направлением из деканата.

– Александра! – прорычала в телефонную трубку Сенчакова. – Найди это письмо на Козина – видимо, оно в отделе кадров.

Долго рассматривала листок, качала головой. Милька так и стоял у двери как пригвожденный. «Даже сесть не предложила». Вообще замглавного внешне вполне могла произвести приятное впечатление. Явно импортный костюмчик из вишневого вельветина дополняла элегантно золотая накладка в тщательно уложенной блондинистой прическе. Изысканный перстень с большим сапфиром на указательном пальце правой руки. Если бы не брезгливое, какое-то крысиное выражение худого лица, которое венчали очки с толстенными диоптриями.

– Кажется, начинаю понимать, откуда ноги растут. Была у нас тут практикантка из МГУ. Писать совсем не умеет. Посадили ее вместо технического секретаря. Вот она мне втихаря и подсунула на подпись.

– Подпись-то ваша? – осмелел практикант.

– Моя. Иначе вас здесь бы уже духу не было!

– В чем тогда моя вина?

– Ни в чем. Идите, работайте!

Но обстановка заметно изменилась. Причем – сразу! Ведущая очередного номера Валентина Иванова, известная не только хлесткими публикациями, но и своим склочным характером, во всеуслышание спросила:

– А на кой черт нам нужен этот Коршунов? Козин, откуда идея? От кого, вернее?

– Сам придумал. Хороший актер, убедительный.

– Ну тогда понятно. Это он у себя в Малом театре убедительный, а в кино... Средние роли в сереньких фильмах. Заберите и никому не показывайте свое отсутствие вкуса.

Со вкусом ей бы не вылезать. Полнеющая, с заметными складками на боках, критикесса по-прежнему одевалась как молоденькая: короткая юбка поверх явно невеликой длины ног «топориком», сапожки не в цвет. На голове – хаотичные выбеленные пряди разной длины – «я упала с сеновала».

Он перешел через дорогу в редакцию газеты «Московский комсомолец», и уже через три дня публикация вышла на заметном месте четвертой полосы вместе с фото актера. Интервью с Ларисой Лужиной просто вложил в редакционную папку. Номер вышел, второй – а материал в печати так и не появился. Решил пойти к Шалуновскому.

– Владимир Николаевич! У меня один вопрос: кто-то должен руководить моей практикой? А то не знаю, кого и спросить.

– Ну что ж. Правильно беспокоись. Пусть это буду я. Ко мне что-то есть?

– Материал в папке лежит две недели, его никто не читает.

– О чем материал?

– Интервью с Лужиной.

– Неси.

Читая, главный раз в десять минут менял очки. Явно уставали глаза.

– В целом неплохо. Я вот тут кое-что вычеркнул. Имя одного ге-

роя не понравилось. Хьюбнер. Нет у немцев такого имени.

– Лужина сказала.

– Много она о немцах понимает. Два месяца на съемках провела – и уже такая грамотная. Я вот тут поставил подпись – отдай Бахметевой, она сейчас номер ведет.

Критик Светлана Бахметева даже не взглянула на рукопись – отложила в сторону.

– Пусть полежит. Не к спеху.

– Как хотите, мне Владимир Николаевич велел вам в руки отдавать.

– А зачем главному редактору было специально твою рукопись читать? С чего такая честь?

– Как руководитель практики, наверное.

– Так. Посмотрим. Это его правка?

– Да. И подпись – тоже.

– Правильно он тебе это имя вычеркнул. Ему ли о немцах не знать – всю войну там провел. Разведчик. Полковник.

– Ни фиги себе! – не выдержал Милька.

– Плохо ты нашего шефа знаешь. Он так просто ничего не делает!

Это был последний номер Бахметевой – вскоре она уволилась. Говорили – давно собиралась. Ушла без отважной, ни с кем не попрощавшись. Напоследок шепнула Мильке:

– Вали из этого гадюшника. Здесь тебе на всю жизнь отобьют охоту заниматься журналистикой!

На вакансию нацелилось множество народа: молодые и в возрасте, писатели и репортеры, красивые и никакие. Приходили перенагруженные толстенными папками со своими публикациями, а кое-кто и с книгами, заискивающие улыбались всем подряд. Даже Мильке одна густо намалеванная втихую сунула контрамарку в театр на Таганке, куда было не попасть. На спектакль «Пугачев» с Высоцким! Никому из соискателей конкретно ничего не обещали – ждите звонка. Зато как им всем заочно мыли косточки, какими эпитетами только не награждали! Не успеет очередной претендент

закрыть дверь, как тут такое начиналось! Без зазрения совести! Яд – ведрами! От этого парада злословия практиканту вдруг остро захотелось домой. Вот оно, значит, каково истинное лицо редакции! А может, и профессии? То днями друг с другом словом не перекинутся, а как повод появился... Будто свора застоявшихся псов! Интересно, а как они про меня за спиной злословят? Пора отсюда ноги делать, пожалуй.

– Владимир Николаевич! Спасибо за помощь. Мне бы характеристику. Публикаций для зачетной практики вполне достаточно.

– Уже? А мы только-только стали к тебе привыкать.

– Мне еще диплом писать. Защищаю скоро.

– Вот что! Дам я тебе персональное задание. Сделай на планерке обзор последнего номера. А там посмотрим.

Милька уж постарался: тщательно отрецензировал все публикации, привел в пример цитаты из классиков, для чего пришлось денек посидеть в Ленинке в студенческом зале.

– Ну что, коллеги! – Шалуновский был сегодня явно в приподнятом настроении. – Молодежь растет способная. Ни к одному слову обзора придрататься не могу. А как там у нас с кандидатами на освободившееся место? Кто-нибудь намечается?

Тишина была ему ответом.

– Так, значит. Может, и к лучшему. А что, если мы Милика возьмем? Будет и у нас свой Мэлор. Пока что в журналистике я знаю лишь Мэлора Стурра в «Известиях» – сборкор по Америке. Блестяще пишет.

– Так Мэлор – грузинское имя? – удивленно подняла бровь Иванова. – Я было подумала, что татарское – типа Марлис, что ли.

– Валентина, – хохотнул главред. – Все знают – это аббревиатура патриотического характера: Маркс-Энгельс-Ленин-Октябрьская революция. С таким именем не стыдно и в Политбюро заседать. Еще наслужимся под его началом! А пока пусть немного разбавит наше женское царство,

– и взглянул на международного обозревателя Феликса Андреева.

– Как, Феликс? Что скажешь?

– Видел его раз с английской газетой. Если парень и в иностранных языках шарит – почему бы нет? Не один я буду. Не считая вас, конечно, Владимир Николаевич.

Иванова вновь подняла бровь, переглянулась с Сенчаковой.

– Владимир Николаевич! Практикант Козин ведь не москвич. Будут проблемы с пропиской, жильем...

– Разве? – удивился Андреев. – Я его за студента МГУ держал – судя по начитанности, знанию темы.

– И что, что не москвич? – парировал главред. – На Урале что – ни книг, ни газет нет? Там и телевидение то же, что и у нас. Я сам родом из Архангельска.

– Я тоже по рождению не столичная, – согласно кивнула головой Иванова. – Саратовские мы. Благодаря первому мужу здесь оказалась.

– Ну вот вам и метод его приземлячить, – улыбнулся главный. – Вы что, девочки, женить его не сможете? Такого богатыря уральского – кровь с молоком! Штангу, поди, поднимаешь? Какой разряд?

– Борьба классическая. Первый, – ответил Милька.

– Юношеский?

– Взрослый. Чемпион России среди студентов. По программе мастеров тренируюсь уже год.

– Во, слышали? Он еще чемпионом мира станет! И нас заодно прославит! Полутяж?

– Средний вес. До 90 кг.

– Я думал – все сто. Вон как пиджачок от бицепсов трещит! Точно не забухает, больничные таскать не будет еще много лет.

Вот тут-то и начался вертеп так вертеп! Уже на другой день объемно-величавая Октябрина Абрамова, в своем бархатном малиновом жакете смаживающая на администратора цирка, непрерываемым тоном распорядилась:

– Сегодня к четырем часам будь готов. Придет хорошая девочка. Зовут Наталья, моя дальняя родственница. Выходные данные: второй курс журфака МГУ, отец

– генерал-лейтенант, квартира в четыре комнаты в центре.

– И что? – Милька не сразу понял, о чем идет речь.

– Забыл, о чем шеф говорил? Или плохо слышишь?

– Так это ж шутка была.

– Ты дурак дураком – или притворяешься? В общем, так. Проводишь ее домой. Могут и в гости пригласить. Одет ты прилично. Пригласят – купишь по пути букет цветов для хозяйки дома. Присмотришься. Много не пей! Завтра расскажешь, как все прошло.

– Рабочий день, между прочим, до шести, – попробовал было поспорить напору практикант.

– Мы тебя отпускаем пораньше. Газета и без тебя выйдет. Это теперь твоя главная задача.

– А если она мне не понравится? Или я – ей?

– Другую найдем.

Пришла тихая, смиренная девочка. Стройенькая, одетая со вкусом – джинсовый костюмчик с цветной блузочкой, сапожки на меху тщательно вычищены... Мильке даже ее стало жалко – по морозу человек тащился на смотрины. Как по тревоге, можно сказать. Ан нет! У порога редакции стояла черная «Волга» с военными номерами.

– Садитесь, Мэлор. Папа машину прислал.

Ужин был накрыт на кухне – как бы по-домашнему, по-семейному. Милька изо всех сил старался быть непосредственным, как и хозяева. Получалось плохо, натянуто. Будто невидимая стена угрюмо воцарилась между ними. Помня о напутствии, он выпил одну рюмку водки под салатик, другую – под жаркое с кроликом, от третьей отказался.

– Спасибо! Мне сегодня еще материал писать. К утру должен быть готов.

– Это хорошо! – как бы даже обрадовался генерал. – Дисциплина – это важно! Одобряю! Ну пойдем, посмотрим квартиру.

Уютно, чисто, просторно. Милька будто смотрел фильм о ком-то со стороны. Будто это кого-то сватали, или покупали как скаковую

лошадь. Только что в зубы не заглядывали.

Чай с тостиками им с девушкой накрыли в ее комнате. И тогда он решился.

– Наташа! У меня к вам один вопрос: вам так позарез надо выйти замуж, что вы согласны хоть за кого?

– Мне про вас уже все рассказали.

– Да кто что знает? А вдруг я – тайный наркоман? Или родители алкоголики – тогда наследственность дурная скажется на ваших же детях?

– Родители ваши – инженеры в горной промышленности, оба партийные. Отец даже секретарь парторганизации в шахтостроительном управлении, ветеран Великой Отечественной войны, награжден орденами и медалями. Я ж говорю: Шалуновский навел справки. У вас с биографией все в порядке.

– Вот оно что? Да... Дела... Однако на главный вопрос вы так и не ответили.

– Вы бы пожили в той атмосфере, в какой я обитаю. Все – по часам, да не по часам – по минутам. Куда пошла, с кем пошла? Во сколько дома будешь? Опоздаешь хоть на минуту – скандал вселенский с битьем посуды. И все время твердят: выйдешь замуж – делай что хочешь! Так что уж лучше...

– Вы на меня не обижайтесь! Вы очень симпатичная. Но я так не смогу.

– Как так? Уж договаривайте!

– Как бык на веревочке. Вам еще встретится любимый человек. Вспомните тогда мои слова. Спасибо за ужин!

Следующей стала разбитная деваха из отдела писем газеты «Московская правда». И тоже – второкурсница журфака МГУ, только заочница. Смело вошла в комнату, плюхнулась на диванчик как у себя дома, нога на ногу! Джинсы «Лэвис», замшевая куртка, на правой руке – яркие фенечки прямого плетения. Все по моде! Будто сто лет здесь обитала!

– Пойдем, проводишь меня!

Пошли. Трещала, в основном, все время она. Темы нащупывала. Наконец, попала в точку.

– Говорят, ты театры любишь?
– Это правда. За время практики удалось аж восемь премьер посмотреть. И еще с десяток других спектаклей.

– А как в театры попадаешь?

– Как придется. С рук покупаю, при случае контрамарки перепродают, иногда в кассах перед самым началом билеты выкидывают. Я так в Вахтанговский на «Принцессу Турандот» сумел проникнуть. Прихожу в кассу и дуриком спрашиваю: а что, может один билетик залежался? Представь себе, с брони не выкупили два билета на второй ряд! А до начала спектакля – пять минут!

– У меня в городских театраль-ных кассах сеструха работает. Так что проблем больше не будет!

– Для этого я должен на тебе жениться?

– А чем тебе плохо? Не сдружимся – разбежимся! Так все делают. Кто хочет в столице остаться. А тебя на работу берут! Правда, с жильем у меня... Ну ничего, хату снимем. Это я беру на себя! А прописку фиктивную купим незадолго – у мамки есть ходы. У тебя ж родоки на северах? Значит, небедные.

Третью «невесту» ждать не хотелось совсем.

– Владимир Николаевич! Отпустили бы вы меня! – Милька угрюмо уставился в пол. – Я же все выполнил. Практика, можно сказать, закончилась. Я здесь многому научился. Спасибо за все.

– Значит, так получается: ты нам подошел, а мы тебе...

– Да диплом же надо писать. И потом – меня в Свердловске невеста ждет. Все эти девушки, что мне навеливали... Они мизинца ее не стоят!

– Ну, если невеста... Оценку тебе я поставлю «отлично». Может, так оно и лучше. Когда что-то силком – жизнь не в радость. Будешь в Москве – заглядывай. Твой шанс всегда при тебе! Оперись – заходи. Только долго не тяни – мне скорый пенсион светит. Да и сердчишко что-то взялось пошаливать. Бывай!

Через пару лет Мэлор прочитал в «Советской культуре» некро-

лог. «С глубоким прискорбием... И фото главреда, мало похожего на себя: еще достаточно молодой, с задоринкой, совсем не московской, в глазах.

КАЛИНИНГРАДИНКА

Держи на волну

Надо ж такому случиться! Вовка был из донских казаков, Милька – с Крайних Северов, а переселились они на журфаке Уральского университета. Большими друзьями не стали – Владимир был постарше, уже поработал в газете, тогда как Мэлор стал студентом сразу после школы. Когда получили дипломы, Володю отправили по распределению в «Калининградскую правду», а Мэлора – в лейтенанты туда же, в Прибалтику. Три месяца переподготовки в городе Гусев – бывший немецкий Гумбинен – и лейтенант Козин в полном офицерском облачении постучался в редакционную дверь корреспондента отдела информации Нефедова.

– Хорош! Прямо как с парада. А уж ботиночки блестят – глядеться можно как в зеркало!

Понятно, что в часть лейтенант вернулся только в понедельник раненько утром – перед самым полковым разводом. Сколько они «проглотили» – и считать не интересно. Вспоминали общагу, корешей, девчонок-однокурсниц, преподавателей.

– Я уже усек, Вов, жизнь взводного командира большого разнообразия не предполагает элементарно по понятиям. Общественное ограниченное, загрузка – разве что ни круглосуточная. «Двухгодичник» – это «через день на ремень»: наряды, наряды, наряды... То помощник дежурного на КПП полка, то во внутреннем наряде в полку на сутки в караулке, то патруль по гарнизону. Это мой первый выходной за месяц! Так что разнообразить мою жизнь можешь только ты. У тебя-то круг общения куда шире!

– Платили бы еще получше. Я даже не представлял, что посадят на такой оклад – 80 рэ. Как в «рай-

онке»! И это – областная партийная газета! Ладно хоть в «молодежку» не засунули! У нас разве что на гонораре можно как-то крутануться, у них – вообще просто слезы.

– По праздникам, которые ты мне организуешь, я тебя малость подкормлю – у нас в «Военторге» – магазин прямо в части – всего навалом: консервы качественные, колбасы всевозможные, разнообразная рыба. И шмотья всякого – не то что в городе. Никакого сравнения! Да и окладик у взводного – 180, грех жаловаться. Особенно когда тратить-то особо не на что: в наряде кормят, правда, из солдатского котла. Без разносолов, но достаточно. У меня другая заноза – чувствую, что скоро ботинки отучусь носить – в сапогах с утра до ночи! Так и постановим – праздники ты мне обеспечишь, остальное – моя забота. Не с прапорами же мне пиво сосать в Доме офицеров. Не заметишь, как до их уровня скатишься. Так что мое раннее журналистское психологическое состояние – на твоей совести. А то я свихнусь от исполнения воинского долга.

Первый раз корреспондент вытащил лейтенанта на вечер авторской песни в Технический университет. Телефонировать можно было только в одном порядке – из части. Когда Козин убедился, что в выходной его точно на дежурство не загребнут, набрал номер.

– Ты прям как будто знал! Давай, аллюр два креста.

После концерта продолжение, как и положено, переплеснулось в общежитие. Общага будущих рыбаков была как все студенческие общаги: накурено, на столах – скудно. Появление Володиного друга с портфелем, туго набитым и съестным, и бутилированным, было воспринято «на ура». Осмелев, лейтенант и сам пробился к старенькому роялю и выдал такое буги! Не зря четыре года играл в университетском ансамбле!

– Вы его свои вещи попросите сыграть! Не пожалеете! – поддал жару корреспондент.

Милька сыграл коротенькую пьеску в стиле рока, которую сочинил еще школьником, потом –

более позднее, очень томное танго... Девчонки тесно обступили инструмент, просили еще и еще...

В общем, в офицерское общежитие лейтенант вернулся за полночь и окрыленный. Словно окунулся в студенческие годы! Которые сейчас казались такими далекими-далекими! И невыразимо прекрасными!

Недельки так через три выдался очередной свободный денек.

– Дуй по-быстрому в редакцию. Ответсеку полтяшок, уже час как отмечаем.

В «Военторге» нашелся «Наполеон» в фирменной упаковке за полста рэ. Как раз в тему! Появление этой красивой бутылочки произвело эффект.

– А ведь твой друг не прогадал! – весело заметил юбиляр. Если лейтенант явился весь отутюженный от затылка до пят, даже повторно побриться успел и пах не каким-нибудь приторным «Саша», а модным «Садко» – цитрусы, мускус, то виновник торжества был в простом толстом свитере, озонировал простецким «Шипром», да и остальные, что называется, праздновали «без галстуков». – Сейчас бы тоже сидел на юношеском окладе, за каждый рупь гонорарный дрался где-нибудь в областной газетке.

– Меня вообще-то в многотиражку распределили, – мягко парировал лейтенант. – Трех месяцев не проработал – повестка. И прямо сюда, к Володе под крыло. У нас там гонораров не было вообще. А вот денежное содержание – не в пример вашему. 130 рубчиков. Плюс премиальные полста процентов от оклада. Ежемесячно.

– Завод-гигант? – поинтересовалась завкультотделом. У этой хоть макияж был получше других. – На Урале – все гигантское! – и она многозначительно смерила взглядом завидный Милькин рост.

– Да нет. Ведомственная газета УВД – для осужденных и политсостава. Две газеты по две полосы в неделю. Хотя вся редакция – два человека. Редактор-майор и я.

– Скучно, наверное, – полузадала, полуутвердила вопрос самая эффектная из всех дам – коррек-

торша, приодетая в кожаный костюмчик явно забугорного кроя.

– Ничуть! Мы в обед с редактором до одури в настольный теннис резались. В паре все управление подчистую выносили!

– «Солнце всходит и заходит»? – хохотнул фотокор. – Так называлось, поди, ваше издание?

– Хуже. «Трудовое знамя» и «Звезда». Зато рубрики интересные! «На свободу – с чистой совестью!», «Позор возвращенцам!» Не соскучишься!

Никакой тебе музыки, танцев. Водка под салатика с колбасочкой – и все. Но и этот «культпоход» все же как-то разнообразил офицерское существование.

А потом – как отрезало! Учения, строевые смотры. Пошли замены офицеров, служивших за рубежом, на местных. Местные-то шустро уматывали в Венгрии и Польши, а вот те, кто должен был прибыть вместо них, не очень-то спешили: использовали недогулянные отпуска, отгулы, всевозможные отсрочки – дни, выделенные для доставки семей в Союз, больничные... Дефицит кадрового состава ложился опять же на плечи наличного офицерского состава – дежурства, дежурства, дежурства... Только в Новый год наметился просвет в однообразной жизни взводного. И то не случайно.

Именно их полку «повезло» – Генштаб устроил не обычную, а хитрую проверку. К обычным-то все уже притерпелись. Проверяющие – майоры-подполковники – заявлялись в часть в открытую. Их сопровождали такие же майоры-подполковники из штаба полка. Вели «куда нужно» – откуда приедем было знать, какие темные углы прячутся в батальонах, мастерских, ружпарках, на складах? Эти места старательно и обходили. Ротные командиры привычно собирали «по пятерочке» со взводных и замполитов – и все это предназначалось на «ужин» проверяющей стороне. Потому и оценки боевой готовности редко опускались ниже «отлично» и «хорошо».

Но на этот раз... Команда инспекторов была сформирована из

слушателей академий и состояла исключительно из капитанов и очень молодых майоров – вчерашних капитанов. Прибыли втихую, без помпы, быстро проскочили КПП, предъявив соответствующие документы – и самостоятельно разошлись по подразделениям. Где недавние ротные легко обнаруживали даже то, что было не всегда ведомо местным. Легко находили общий язык с механиками-водителями, вещевицами, ГСМщиками, даже в оркестре и санчасти побывали за каких-то два дня. И все, что негативного нарыли, вывалили на полковом офицерском собрании.

Комполка с замполитом сидели в президиуме красные, как раки, и мысленно прикидывали, не пора ли им собирать вещички для нового места службы – в Забайкалье или еще где подальше. Зато возглавлявший инспекторскую команду из Москвы молодой полковник сиял, как новый рубль, – отменно поработали! В заключительном слове он спросил:

– Как думаете, все интересное обнаружила проверка, или что-нибудь еще осталось нераскрытым?

И тогда вдруг поднялся лейтенант Арнольдс Аболс – самый хмурый из «двухгодичников». Собственно говоря, обижаться ему имело смысл не столько на командование части, сколько на своих гражданских коллег. Сразу после защиты кандидатской диссертации в Латвийской академии сельскохозяйственных наук один профессор, схлестнувшийся с молодым ученым на защите по поводу каких-то только им двоим известных тонкостей в севообороте Прибалтийской гряды и услышавший в ответ нелицеприятную реплику насчет «кабинетных ученых», по своим каналам сплавил молодое дарование прямиком... на военные сборы. Откуда военкоматские и рекрутировали парня в войска. Лейтенант Аболс службой себя принципиально не утруждал. В часть приходил позже всех, зачастую крепко «под шафе», в казарме падал на первую попавшуюся солдатскую койку «отдо-

хнуть». Если за этим занятием его обнаруживали комбат или замполит батальона, Арнольдс недовольно строил взвод, оглядывал подчиненных мутным взглядом и громко командовал:

– Раздолбай! Пошли вон!

Он мог отсутствовать в части дня три, и всю неделю, и никто на это уже не обращал внимание. Выехав на учения, умудрился в пьяном виде потерять пистолет. Искали всей ротой – к счастью, нашли.

– С тебя за это надо звезду снять с погон! – орал при всех на него комбат. – Под суд офицерской чести отдадим!

– Мне эти неадекватные ощущения – в одно место! Вам моя звезда понадобилась? Заберите сразу обе! – и пошел себе вразвалочку в палатку.

В наряды Аболса отправлять вскоре перестали – он проходил в караульное помещение, скидывал сапоги и заваливался спать. Всю службу за него правил сержант-замкомвзвода. Офицерские еженедельные собрания вообще не посещал. А на это заявился абсолютно трезвый, выбритый до синевы и нафабранный как новобранец!

– Вот вы тут правильно, товарищ полковник, говорили насчет отдельных случаев дедовщины. У нас этих «отдельных» – пруд пруди! Но я не об этом хочу спросить. Товарищ полковник, ответьте на вопрос: у «двухгодичников», или как нас еще называют, «пиджаков» равные права с выпускниками военных училищ?

– Что вы имеете в виду, лейтенант? – насторожился москвич. – Договаривайте!

– А почему не обсуждается вопрос дедовщины среди офицерского состава? Мы вынуждены ходить в наряды чуть ли ни через день, а кадровые – один-два раза в месяц? Такие же взводные, такие же лейтенанты! Посмотрите книгу нарядов полка, это же проверить – проще пареной репы!

С перепугу комполка распорядился – на Новый год дежурить ставить только кадровых офицеров. Чтоб ни одного «пиджака» близко не было в части хотя бы на праздник!

Однокурсника лейтенант Козин застал в редакции за початой бутылкой пива. И в совсем не новогоднем настроении.

– Дежурю по номеру. Освободюсь часиков в шесть, не раньше.

– Ну и что? До полуночи времени много!

– Так-то оно так... Да вот толком ни с кем не договорился. Все же – семейный праздник.

– Телефон тебе на что? Шуруй!

Как-то неохотно Владимир принял за это дело. Будто почувствовал... Куда ни позвонит – везде нарывался на вежливый отказ.

– Видать, придется в общаге Новогодье встречать.

– Ты меня еще в часть отправь! Предлагаю вариант покайфовой. Как освободишься – идем гулять по городу. К кому-нибудь примкнем. Чай, не с пустыми руками!

Город сиял гирляндами огней. Будь Мэлор в парадной форме – вполне могли бы попасть в какой-нибудь ресторан. Не предусмотрел. Да и... Из гражданских костюмов у него в арсенале был сейчас только летний – явно не по погоде. Да и Вовкин прикид не дотягивал до праздничного.

Около штаба моряков две симпатичные девчонки их лет «висели» на единственном телефоне-автомате, обе были явно чем-то обескуражены.

– Попробуй еще пару звонков, – обратился лейтенант к корреспонденту. – Может, что-то и выгорит. Не до ночи же нам по улицам болтаться.

Подошли к девушкам. Решили ждать, когда освободится трубка.

– Он совсем никакой, – чуть не плача, говорила та, что пониже ростом. – Да еще в ванной заперся и не отпирает. Ужас какой-то!

Лейтенант решил проявить инициативу.

– Девчонки, у вас проблемы? Может, мы с товарищем на что сгодимся?

– Да не спрашивайте! – охотно отозвалась вторая. – Не Новый год, а кошмар! Собрались давние знакомые – кто учился вместе, кто по работе. А хозяин квартиры напился вдрыбадан, заперся. Жена

ревет – она моя одноклассница, никогда Таньку такой не видала. Что там с ним? Весь праздник на-смарку!

– Тогда мы-то как раз вам и нужны с другом, – радостно влез в разговор журналист. – Он – военврач, без труда приведет все в порядок. Так ведь? – подмигнул он Мэлору. – Через пять минут вы забудете об инциденте. А пока идем к вам, по пути расскажем о себе. Скажете друзьям, что встретили давних знакомых и уговорили – понятно? Уговорили – вас выручить. Мы с ним как раз шли туда, куда особенно ноги не несут. Лучше уж с незнакомыми людьми встретить Новый год!

«Ну Вовку несет! С чего это я военврач?» Но действовать Мэлор стал решительно – выбора не было. Коротко поздоровавшись с компанией, он крепко надавил на дверь ванной, и шпингалет снесло без особого труда. Высокий парень стоял, упершись руками в ванну, и всячески пытался избавиться от того, что его распирало изнутри. Но кроме беспомощного рыка, ничего у бедолаги не получалось.

– Хозяйка! Мне графин кипяченой воды, марганцовку и полотенце! – непреклонно выкрикнул в коридор «военврач».

А дальше пошло все как по маслу: заставил парня выпить большой графин с марганцовкой до дна, как следует надавил ему на живот в несколько приемов. Результат не заставил себя ждать! Обессиленного «пациента» Милька довел до спальни, уложил на кровать, широко открыл форточку.

– Полчаса лежать неподвижно – и будете как новенький. Как зовут?

– Олег. Вы доктор?

– Доктор, доктор! Кто ж еще?

Вышел в большую комнату к накрытому столу.

– Скоро пациент будет в форме не хуже вас. Военврач лейтенант Козин. Давайте знакомиться.

– Скромничает! – нагло продолжал врать однокурсник. – Старший лейтенант, завтра будет капитан! Досрочно к внеочередному званию представлен – за уникальную операцию на легких!

Кого хочешь хоть с того света вытащит!

Вскорости и «оживший» усилиями Мэлора присоединился к компании. Пока лейтенант восстанавливал перепившего, Владимир щедро угощал всех военторговскими вкусами из Милькиного портфеля.

– Пробуйте, ребята! У нас этого добра навалом.

Веселье стремительно набирает силу, никто толком даже не заинтересовался, откуда появилась здесь эта парочка бывалых парней. Хотя девушки, их приведшие, успели уже что-то наплести про «старые знакомства», какие-то пионерлагеря, туристические слеты. И вот уже Вова в танце запускает шаловливую ручонку одной из партнерш пониже талии, и той приходится возвращать корреспондентскую длань на место.

– Владимир! Я здесь с мужем! Осторожнее!

Хозяйка же квартиры, наоборот, сама буквально «повесилась» на Мэлоре.

– Какой вы молодец! Олежка вообще-то не пьет. Не пойму, с чего это он сегодня.

Краем глаза лейтенант заметил, что муж красавицы вовсе за ними не следит. «Да уж! Не пьет!» Олег усиленно налегал на «Старку» из лейтенантского портфеля. Да еще как налегал! «Знать-то, доверяет жене. А, может, ему на это как раз наплевать – с кем и как она танцует, если рядом столько вкусного бухла».

За полночь Мэлор почувствовал, что при всем пиетете им с Вовкой пора и честь знать. Праздник-то состоялся, задача выполнена! И после боя курантов по телевизору вытащил сопротивляющегося однокурсника, которого уже немало подразвезло, на морозный воздух.

– Ловим такси, добросим тебя до общаги – и я в часть.

Такси поймать было проблемой. Удалось остановить ЗИЛок. В теплоте полуночной машины Владимир сразу отключился. Но вскоре продрал глаза и прошептал прямо в ухо водителю, обдав смачным перегаром.

– Шеф! Держи на волну!

Тот брезгливо отдернулся.

– Вы бы между собой, парни, определились! У меня смене давно конец! Тоже погулять охота!

– Ресторан «Волна» знаешь? – настырно продолжал корреспондент. – Нам туда. Друг город плохо знает, слушай меня. Я плачу!

– Кто вас туда пустит?

– Живу я там, шеф! Сечешь?

И вот уже задний борт грузовика уплывает в ночи. А Владимир тянет однокурсника во двор.

– Вов, уймись! Мы уже встретили Новый год! Ты молоток, нашел выход из трудного положения. И мы с тобой уже достаточно наподдавались. К чему еще одна компания, где нас не ждут? Помоему – перебор. Да и портфель мой пуст. С голыми руками в гости?

– Там нам будут рады! Вот и третий этаж. Звони!

Дверь открыла – кто бы подумал? – та самая премилая корректорша, с которой лейтенант познакомился в редакции.

– Вот это сюрприз! Володя! Мэлор! Вот уж кого не чаяла увидеть! Проходите, мальчики!

Это была, по сравнению с тем, что оставленной, совсем другая квартира. Да что там! Это был совсем другой уровень, другой мир! Просторный холл, где можно было просто жить, не проходя в комнаты. Бесконечно длинный коридор с множеством дверей – как в фирменной гостинице. Зеркальная люстра манила в гостиную. Стены, увешанные картинами – даже на непосвященный взгляд – подлинниками (репродукции выглядят значительно проще). Мебель красного дерева, глубокие диваны с шикарной бархатной обивкой в тон. Стол поражал количеством и разнообразием яств, рассчитанных на значительно большую компанию, чем собралась за ним. Кроме корректорши – «Как же ее зовут? Как-то вычурно, необычно. Вспомнил! Гонората!» – делал немыслимые усилия Мэлор – за столом присутствовала еще одна женщина: высокая стройная блондинка с очень сложной прической – просто верх парикмахерского искусства! Кроме дам, компанию

составляли два очень похожих – как под копирку – мощных атлета с одинаковыми прическами, в однотипных по покрою дорогих шерстяных пиджаках цвета моренго с деревянными пуговицами ручной работы. На блондинке сияло ярко-красное платье с золотыми нитями, хозяйка же в этот раз была облачена в розовый костюмчик «под Жаклин Кеннеди» с монограммой «Teddy boy», ловко сидевший на ее мальчишковой фигурке. Витал запах неролей – конечно же, «Шанель № 5».

– Ребята, знакомьтесь! Это мои друзья-журналисты. Володя работает в ведущем отделе нашей газеты, а Мэлор – его однокурсник. Представляете – человека с таким красивым именем прислали сюда проходить службу офицером на целых два года! Они – свердловчане, окончили Уральский университет, журфак. Как хорошо, что решили меня навестить прямо на Новый год! Такой сюрприз! А это – мои друзья: Светлана, Игорь и Александр. По ходу общения познакомьтесь поближе.

Парни в знак приветствия надменно склонили гладко зачесанные, щедро набриолиненные проборы, блондинка с явным любопытством оценивающе взглянула на Мэлора – Владимир ее явно не заинтересовал. В глаза бросилось возрастное несоответствие мужской и женской частей компании: если дамам было крепко под сорокет, то их кавалерам – разве что по тридцатчику, да еще с натяжкой.

Пока хозяйка суетилась со столовыми приборами, Мэлор строго допросил коллегу, благо руки они мыли в ванной, одинаково удаленной как от гостиной, так и от кухни.

– Колись: кто есть кто? Пока нас эти атлеты под задницу с лестницы не спустили. Мы им явно малину обгадили!

– Значит, так. У хозяйки и этой белобрысой мужья на одном траулере Атлантику бороздят. По восемь месяцев в году. У Гонораты муж – капитан, у этой, Светланы – замполит. А парни – ясно кто. Не парься – здесь это в порядке вещей. Дублеры – как у космонавтов.

Никто ничего уже давно не скрывает.

– И на кой хрен мы им сдались? Ты думал, когда меня сюда тащил?

– Да не кипишуй ты! Думаешь, они три дня как скорешились? Ты на рожи их кислые посмотри! Да они друг другу давно надоели хуже горькой редьки! Мы хоть какое-то разнообразие привнесли!

Стол хозяйка успела обновить. Появилась фаршированная стерлядь на длинном блюде, свежие, еще с капельками воды помидоры, маринованные огурчики один к одному, великолепные по разнообразию мясные рулетки – с ветчиной, различными колбасками, бужениной. И – нераскупоренная бутылка «Наполеона».

– Открою маленький секретик. Этот коньяк – любимый напиток Мэлора, он его даже к нам в редакцию приносил как-то. Я вам угодила? – бросила она взгляд на лейтенанта.

Знала бы она, что «Наполеон» Козин будет пить всего-то второй раз в жизни!

– Более чем! – охотно подхватил за друга Володя. – Он без него в гости не ходит. Мы бы и сегодня императора с собой притащили – да в предыдущей компании остались!

После второй рюмки – а пили они из итальянских хрустальных винтажных бокальчиков муранского стекла «под ретро» – Мэлор решил: хватит на сегодня. Полировать дальше водку, крепленое вино, пиво коньяком – это может плохо кончиться. Позором! И тут заметил, как Вовку потянуло куда-то в сторону... Хотел было помочь другу – но и сам почувствовал, что с глубокого дивана ему не подняться. Благородное с плебейским точно смешивать нельзя!

...Проснулся лейтенант от чьего-то взгляда. Это был прелестный мальчонка лет пяти. Видимо, хозяйкин – что-то в редакции, помнится, говорили о позднем, но крайне удачном браке корректорши: мол, терпение вознаграждается – такого бобра убила! Даже дите спроворить сумели! Это нарушало планы – честно говоря, помня о неадекватном отключении

посреди праздника, хотелось по-быстрому, что называется – без шума и пыли – покинуть этот шикарный дом. Пусть Вовка и отдувается – его инициатива, как никак.

– Дядя, считаешь мне книжечку?

Ребенок протянул «Незнайку на луне». Мэлор и сам любил это произведение Николая Носова. Стал читать, раскладывая «на голоса», и так увлекся, что не заметил Гонорату. Она вошла в шикарном набивном халатике с красными маками по желтому полю, в руках поднос, на подносе – бутылка чешского пива «Будвайзер» со стекающими капельками воды – прямо из холодильника, плюс бутербродики с красной икрой.

– Вижу, ребята, вы легко нашли общий язык. Миша, иди к себе – дядя сейчас будет вставать.

Мальчонка не без сожаления удалился.

– Мэлор, как вы себя чувствуете? Так внезапно отключились, я даже забеспокоилась. Пока вас укладывали, даже слова не сказали. Просто спали сном праведника!

– Я-то замечательно. А Володя как?

– Пока спит. Ему вчера как-то резко похужало. Но ничего, мальчики с ним легко управились. Хоть он и упирался почему-то, нес какую-то белиберду, что специалист по реанимации – как раз вы.

– Это – отдельная тема. Вечер закольцевался. С чего начали – тем и закончили. Как-нибудь расскажу.

– Нам с вами много о чем можно поговорить. Я была приятно удивлена, что вы – родом из Ленинграда. Я ведь тоже ленинградка. Жила на Васильевском острове. Сюда, как и Володю, прислали по распределению. Ну, а потом – уж судьба.

«Ну, блин, Вовка! Ну трепло! Ленинград-то тут причем? Я ж там не бывал ни разу».

– Обязательно! Вот только восстановлюсь окончательно. Мне вообще-то скоро в часть.

– Хотя бы полдня-то у вас еще есть? Мы собираемся на озеро – будем запекать гуся на костре. У

нас с подругой это традиция уже много лет.

За руль пафосной – вся в блестящих молдингах, явно экспортного исполнения – «Волги» Гонората села сама. Ее кавалер устроился рядом. Остальные набились сзади, парнишку устроили на коленях. На Вовку было больно смотреть: так говорят о людях, когда поднять подняли, а вот разбудить... То бормотал себе что-то под нос, то вырубался намертво. Небольшое лесное озерцо появилось неожиданно – будто в сказке. Ледяная пустошь вокруг – а тут аккуратно вырубленная поляна, тщательно очищенные мостки. Пока «кавалеры» разжигали костерок – мешочек с углем они достали из багажника, оттуда же появилась и гусятница – дамы переоделись в машине и вышли, к изумлению Мэлора, обе в купальниках. Не спеша спустились с мостков, не спеша же поплыли брассом. Лейтенанта аж до костей пробрало. Моржихи! «А я бы так смог? Ни фигя себе!» И тут окрестную тишину прорезал истошный Вовкин фальцет:

– Мужиков нет? Тогда я...

Мэлор ничего не успел предпринять, когда мимо него пронесся однокурник и с разбега нырнул следом за женщинами. Будто что-то толкнуло лейтенанта. Резко сбросив с себя все, кроме плавок, он тоже следом прыгнул ласточкой в ледяную воду. А дальше... Словно какие-то мощные руки схватили его за плечи, и он обнаружил себя стоящим на мостках со стаканом водки в руках. Пил ее, клятую, как воду – и не чувствовал крепости абсолютно! «Воспаления легких не избежать!» – мелькнуло в мозгу. – «Так и надо дураку безмозглому!»

И – хоть бы что впоследствии. Даже не чихнул ни разу!

РАССКАЗЫ

АНТАГОНИСТЫ

Валерий АНИШКИН.

Филолог, историк,
член Союза российских
писателей.

Лауреат и дипломант многих
литературных Всероссийских
и Международных конкурсов.
За литературную деятельность
неоднократно награждался
почетными грамотами
и благодарственными
письмами Губернатора
Орловской области,
Союза российских писателей,
Управления культуры
и архивного дела
Орловской области,
Департамента образования
Орловской области и др.
Автор более 15 книг.
Живет и работает
в г. Орле.

В пятницу вечером молодой инженер Анатолий Качко дал в морду Пашке Савкову, сантехнику их домоуправления и своему соседу за то, что тот отодрал за ухо его шестилетнего Кешку.

Дал прилично, потому что парень он был крепкий, и корявый Пашка Савков скатился по шаткой деревянной лестнице старого двухэтажного дома, пересчитав все пятнадцать ступенек, ведущих от площадки второго этажа. Пашка быстро поднялся на ноги, но на Качко полезть не решился, только поводит скулой из стороны в сторону и разразился матом.

– Ну, так твою растак, ты попомнишь Пашку Савка. Ты узнаешь его силу! – пообещал Пашка и пошел из подъезда, от бессильного зла грохнув дверь так, что от стенки отвалился шмот штукатурки.

А в субботу днем пьяный Пашка гонялся за Качко по двору с топором. Майка на нем висела ключьями, ноздри раздувались, как у бешеного быка, а глаза, затянутые мутной пленкой, закатились под самые брови и ничего не видели, кроме бегущего Качко. Это было страшно. Пятеро мужиков, сидевших вокруг самотельного стола, сделанного из листа фанеры, который был прибит к врытым в землю

столбам, оставили домино и с любопытством наблюдали за происходящим. Зинка Щекотихина вешала во дворе, опутанном паутинами веревок, белье. Увидев Пашку с топором, она бросила таз с бельем и пронзительно закричала:

– Ой, люди, ратуйте, он его сейчас насмерть убьет.

Из дома выскочила Катерина, Пашкина жена, и заорала на мужиков:

– Что ж вы сидите? Отнимите у него топор.

– Да он понарошку, – усмехнулся пожилой, но сильный и жилистый, как рабочий конь, Ребров. – Толя попугать хочет, чтоб двор не баламутил.

А Толик зайцем петлял по двору, и ему было не до смеха. Страх перед топором заставлял его проделывать замысловатые зигзаги, чтобы сохранить безопасную дистанцию. Он был проворнее, но ему приходилось нырять под бельевые веревки, а низкорослый Пашка, хотя и с злыми глазами, бежал не менее резво, потому что почти не касался веревок. Свое спасение Качко видел в подъезде своего дома, но Пашка все время отрезал ему дорогу в ту сторону.

Закружив Пашку, Толик наконец оторвался от него, влетел в подъезд и, захлопнув двери, уцепился обеими руками за ручку, подперев для верности дверь ногой. Пашка как бежал, сходу запустил

топором в захлопнувшуюся дверь. Топор деревянно громыкнул обухом по доске и мирно дворовой собакой улегся у дверей, уже не страшный.

И тут мужики скрутили Пашку, не дав ему снова взяться за топор.

Пашка вырывался, поливал всех матюгами и обещал кучу страшных неприятностей, если его не выпустят, но его держали крепко за вывернутые руки и отпускать не собирались.

– Врешь, у нас не вырвешься! – удовлетворенно проговорил бывший стрелок охраны Кисляков и в подтверждение своих слов завел заломленную руку к лопатке.

– Ой, что ж ты, легавый, делаешь? – блатным голосом взвыл Пашка. – Руку, гады, сломали.

– Цыц, придурок, лежи! – шикнул на него Ребров. – А то шею к едрене фене сверну.

Пока мужики держали Пашку, его жена сбегала домой и принесла два длинных ремня для транспортировки мебели, которыми хозяин подрабатывал иногда трояк-пятерку.

Пашку связали по рукам и ногам, оттащили домой и положили на кровать. Сначала он ругался, скрипел зубами, грозил Катерине, потом просил развязать и плакал, а потом уснул, и храп его слышен был на улице.

Кисляков, Ребров и Колька Долженков, возбужденные от возни с Савковым, пошли к столу, где оставили костяшки домино.

– Ну, что? По рваненькому? – предложил Сашка Рябушкин, который в усмирении Савкова участия не принимал.

– В самый раз, – согласился Ребров и, заваливаясь на бок, полез в брючный карман за деньгами.

Все, кроме Кислякова, сдали Реброву по рублю.

– А ты что, не будешь, что ли? – удивился Ребров.

– Денег нет, – ответил Кисляков.

– А когда у тебя были? – сказал Ребров. – Всю жизнь на халяву.

Кисляков надулся и ничего не ответил.

– Вить, сходи-ка! Принеси червивочки. Ты самый молодой, – приказал Ребров, и Витька Хряков, двадцатилетний увалень с растопыренными губами, чуть потоптавшись, пошел в продмаг за вином.

В это время во двор вкатил милицейский фургон. Пока Савков гонялся за инженером, перепуганная Зинка успела позвонить в милицию. Из машины вышел участковый, старший лейтенант Герасименко, старший сержант и рядовой милиционер. Они огляделись и направились к столу.

– Что у вас тут случилось? – спросил Герасименко.

Кисляков раскрыл рот, но Ребров зыркнул на него глазами и сказал, не поворачивая головы:

– Да ничего не случилось. Полный порядок, как у тети Маши.

– У какой тети Маши? – не понял старший сержант.

– У Копровой, что без мужа троих родила.

Сашка Рябушкин и Колька Долженков фыркнули.

– Шутки шутить? Я тебе покажу тетю Машу! – разозлился старший сержант. – Продержу трое суток, маму будешь вспоминать.

– Да что с ним разговаривать? – вмешался его молодой напарник. – Сажай в машину, посмотрим, какой он там будет разговорчивый. Ишь, арапа заправляет, морда уголовная.

Ребров молчал, словно в рот воды набрал, только уши нервно шевелились, да спина ниже склонилась, будто в ожидании удара.

– Ладно, я спрашиваю, кто милицию вызывал? – справившись с раздражением, обратился к сидевшим за столом старший сержант.

Зинка затаилась в своей полуподвальной квартире за тюлевыми занавесками и ждала, когда машина уедет. «Черт меня, дуру, дернул вызывать! – изводила себя Зинка. – Пашка, паразит, очухается да узнает, прибьет тем же топором». Ей казалось, что милиционеры посматривают в ее сторону, и она невольно отступала от окна в глубь квартиры. Зинку трясло мелкой собачьей дрожью, и она никак не могла ее унять.

Вдруг из подъезда выскочила Юлия Качко, жена Толика.

– Товарищи, – едва сдерживая слезы, заговорила Юлия. – Хорошо, что приехали. Здесь чуть человека, моего мужа, не убили.

– Что ж вы-то молчите? – повернулась она к соседям. – На ваших же глазах.

Колька Долженков скрипел, будто в рот ему налили лимонной кислоты.

– Врешь! – сказал Ребров. – Из пустяков милицию только беспокоишь. Если уж на то пошло, то Толяй сам его вчера первый отоварил.

– Ладно, разберемся, – остановил его участковый. – Расскажите, как было дело,

– повернулся он к Юлии. – Только не волнуйтесь. По порядку.

– Вчера Павел... – начала Юлия, справившись с собой.

– Савков? – уточнил Герасименко.

– Да, Савков.

– У Савкова две судимости, – пояснил участковый милиционер. – И обе за хулиганство.

– Савков избил нашего Кешку, – продолжала Юлия. – Нашел с кем справиться! С шестилетним ребенком. Мой муж не вытерпел и ударил Савкова... Это было вчера. А сегодня муж пошел в сарай за яблоками, а пьяный Савков бросился на него с топором. Муж успел вскочить в подъезд, и только случайно топор не попал в голову, потому что муж успел захлопнуть дверь.

– И опять врешь, – снова влез неугомонный Ребров, переступая ногой скамейку и поворачиваясь лицом к Герасименко. – Не было у него такого намерения убивать. А с топором бегал, чтобы Тольку пострадать.

– Как же вам не стыдно? – заплакала Юлия. – Что вы его выгораживаете?

– Одного поля ягодки, – сказал старший сержант. – По нем, я смотрю, тоже тюрьма плачет.

– Ладно, пошли к Савковым, – предложил участковый.

Милиционеры во главе с Герасименко прошли через двор к деревянному барачному дому.

Показался Витька Хряков. Карманы его были оттопырены, и он шел неловко, как вода в полном снаряжении, осторожно придерживая бумажки, чтобы не болтались.

Увидев милицейскую машину, Витька встал как вкопанный. Его ждали и поэтому заметили сразу. Долженков стал махать ему рукой, показывая, чтобы он обошел дом кругом. Витька понял и через минуту появился с другой стороны, у самых сараев. Он скользнул в открытый сарай Реброва и вышел налегке, одергивая брюки и поправляя легкую саатиновую куртку.

Жилье Савкова находилось в конце коридора, по обеим сторонам которого теснились двери квартир. Пашкина жена открыла сразу, не успели постучаться. Она уже знала о милиции и теперь моргала подслеповатыми глазами, переводя взгляд с одного милиционера на другого.

– Ну, где твой баламут? – спросил Герасименко, но уже и так было ясно, что «баламут» спит, потому что квартиру сотрясал какой-то нечеловеческий храп.

– Спит он, – умоляюще сказала Катерина.

Герасименко, а за ним старший сержант шагнули из запертой кухни в комнату, добрую половину которой занимала печка. Связанный Пашка лежал навзничь на высокой железной кровати с четырьмя металлическими шарами на спинках. Рот его был широко открыт и работал как насос, тяжело втягивая воздух и выдыхая его со змеиным присвистом.

С минуту милиция любовалась Пашкой Савковым.

– В дугу, – сказал, наконец, рядовой милиционер.

– Да уж хорош был, если связать пришлось. Кто связал-то? – поинтересовался Герасименко.

– Мужчины со двора, – ответила Катерина, нервно пе-

ребирая край цветастой ситцевой кофты.

– Ну что? Забирать? – спросил старший сержант участкового.

– Да черт его знает. Вроде, права не имеем. Спит.

– Федор Степанович, миленький, не забирайте, – загундосила Катерина. – А я ему, паразиту, рожу-то его поганую сама раскровяню. Он же безвредный. Проспится – тише травы будет.

– А похмелится – прибьет кого-нибудь, – в тон Катерине сказал Герасименко и, подумав чуть, решил:

– Ну, вот что, Катерина, сейчас мы его трогать не будем, пусть спит. А завтра я приду, опрошу свидетелей, да протокол составлю, а потерпевшая сторона заявление напишет. И загремит твой Пашка под фанфары, пойдет опять баланду хлебать.

Катерина всхлипывала и размазывала слезы по щекам.

Участковый Герасименко, а за ним милиционеры пошли к выходу.

Сержант с напарником сели в машину и уехали, а Герасименко направился к Юлии, которая стояла у своего подъезда, неловко переминаясь с ноги на ногу и поглядывая в сторону барака.

– Почему же вы его не забрали в милицию? – спросила недовольно Юлия. – Или вы забираете только тогда, когда человека убьют?

– Мы не забрали Савкова только потому, что сейчас он реальной опасности не представляет. Он спит, и к тому же связан, – спокойно сказал Герасименко и громче, так чтобы слышно было за столом, добавил:

– Пишите заявление – будем судить.

Потом спросил:

– Ваш муж дома?

Юлия кивнула.

– Я бы хотел с ним поговорить.

Когда они вошли в квартиру, Толик ползал на коленках по полу вместе с Кешкой вокруг железной дороги и гудел вместо паровоза.

– Толя, к нам из милиции, – окликнула мужа Юлия.

Толик увидел участкового, смутился и торопливо встал.

– Проходите в комнату, – пригласила Юлия.

– Спасибо, я ненадолго, – отказался Герасименко и сразу приступил к делу.

– Я уже вашей жене разъяснил, что вы можете подать заявление в милицию, и Савкову дадут как минимум пятнадцать суток, – сказал он, обращаясь к хозяину.

– Вот и пусть посидит, – зло отозвалась Юлия.

– Конечно, стоит. Ему, стервецу, и этого мало. Только, боюсь, здесь не пятнадцатью сутками пахнет. У Савкова две судимости. Так что, вполне могут дать двестишестую статью, часть вторую, квалифицируя его действия, как хулиганские, совершенные лицом, ранее судимым за хулиганство. А это от одного до пяти лет.

Участковый внимательно посмотрел на Юлию, потом на Анатолия. Юлия криво усмехнулась и промолчала.

– Я писать никуда не собираюсь. А с этим гадом и сам справлюсь. Пусть еще попробует топор взять, голову проломлю. Вон арматуры кругом сколько валяется.

Анатолий выглядел таким бойцовым петухом, но в нем скорее говорила обида и стыд за то, что пришлось бегать от Савкова.

– А вот этого не надо, – жестко сказал участковый. – За это сами под суд пойдете.

– Вот видите, – всплеснула руками Юлия. – За бандита под суд. Его же чуть не убили, и его же будут судить за то, что он в порядке самообороны ударит вооруженного бандита.

– Ну, уж и бандита, – усмехнулся участковый и, подняв палец, подчеркивая важность своих слов, сказал:

– В порядке не-об-хо-димой самообороны, но не превышая ее. А в это время очень даже просто превысить эту самую самооборону.

И, поймав себя на мысли, что говорит о чем-то отвлеченном, а не о том, для чего сюда пришел, Герасименко недовольно нахмурился:

– Давайте-ка не будем перебирать кодекса законов. Давайте поступать так, как требует того гражданская совесть. Зачем вам-то равняться на Савкова? Впрочем, ваше законное право требовать наказания виновного. Пишите заявление, а мы дадим ему законный ход. Я к вам пришел вовсе не для того, чтобы выговаривать Савкова, а чтобы вы были в курсе дела. В общем, смотрите сами.

Участковый козырнул и вышел, чуть не сбив фуражку о низкую притолоку двери, но вовремя успел удержать ее рукой.

Толик видел в окно, как участковый подошел к доминошному столу и стал что-то выговаривать Реброву. Ребров оправдывался, время от времени прижимая обе руки к груди.

Только Герасименко покинул двор, Ребров поспешил к сараю и через минуту вышел

оттуда, что-то дожевывая на ходу. Потом в сарай сходили по очереди Колька Долженков и Сашка Рябушкин. С новой силой загрохотало домино.

– Юль, уже приложились, – поделился Толик своими наблюдениями.

– Долго ли! – пожалала плечами Юлия. – Теперь будут прикладываться, пока магазины не закроются. И вдруг заговорила зло, выплескивая разом давно сидевшее в ней мутью раздражение:

– Не двор, а забегаловка какая-то. Ребенка лишний раз выпустить боишься – мат сплошной стоит. А окна хоть не открывай – от стука домино оглохнешь... Вышла замуж в хоромы.

– Могла б не выходить, – огрызнулся Толик. – На аркане не тащили.

– Не тащили. Только золотые горы обещали, а я, дура, уши развесила, – продолжала заводиться Юлия. – Ты посмотри, все твои институтские, с кем ты учился, давно с квартирами. У Кузьмина – трехкомнатная, у Савина – двухкомнатная в девятиэтажном доме.

– А у Юрки Левицкого какая? – с иронией спросил Толик.

– А у Юрки Левицкого «Жигули», и гараж во дворе. И уж не беспокойся, будет и квартира.

– Ну что вечно одни и те же разговоры заводите? Знаешь же, что я на заводе на очереди стою. В следующем году будут дом сдавать. Мне обещали. И что воду в ступе толочь?

– А то, что все люди, как люди, а мы, как бедные родственники. Потолки нависли, полы провалились. По лестнице идешь – скрипит и ходуном

ходит, того и гляди вместе с лестницей загремишь. Одно название, что инженеры.

– При чем тут инженеры?

– Да вот именно, что ни при чем. Вон, Танькина мать – парикмахерша, а отец – шофер. Так давно в кооперативной квартире живут и на своей машине разъезжают.

– Вот и шла бы в парикмахеры, а не в институт, – ехидно сказал Толик.

– Да молодая, дура была, – изводилась Юлия.

– Я смотрю, ты и сейчас не поумнела, – усмехнулся Толик.

– Ох, умник нашелся! – вскипела Юлия и, бросив на мужа презрительный взгляд, повернулась и пошла на кухню.

Кешка играл в железную дорогу и не обращал на родителей никакого внимания. Ему даже нравилось, когда они ссорились. Перебранки быстро кончались, и родители начинали целоваться. Тогда он тоже влезал между ними, и на его долю выпадала большая доля ласки от обоих. Они словно чувствовали себя перед ним виноватыми и тискали его, гладили, обнимали.

– Это только слова! – пошел Толик за женой. – Верни все назад, и ты снова будешь поступать в институт... Лично я не променяю свои книги ни на какую машину. Между прочим, если, продать по пятерке том, как раз на машину и получится.

– Можно подумать, что у них книг нет. У Танькиной матери побольше возможностей, чем у тебя.

– Так у нее и книги служат чем-то вроде хрусталя... Ну ладно, хватит злиться-то.

Толик попытался обнять жену за плечи.

– Отстань! – раздраженно передернула плечами Юлия.

Толик вспыхнул и, взяв ключ от сарая, вышел из дома, привычно пригинаясь под притолокой двери.

Во дворе его остановил Ребров и, прищурив оба глаза, спросил:

– На хрена милицию-то вызывал? Ума много?

– А на хрена мне нужно, чтобы всякий придурок перед моим носом топором размахивал? – в тон Реброву ответил Толик. – Вот теперь кайлом помахает, может быть, и поумнеет.

– Посадить хочешь? – с презрением посмотрел на Толика Ребров.

– Там видно будет, – мстительно сказал Толик и пошел к сараю, но, сделав несколько шагов, обернулся и бросил в сторону стола:

– Милицию, между прочим, ни я, ни Юлька не вызывали.

– Как это не вызывали? – изумился Колька Долженков.

– Да вот так, не вызывали и все.

– А откуда ж тогда милиция?

Толик на вопрос Долженкова не прореагировал, будто и не слышал, подошел к сараю и стал возиться с замком. Открыв сарай, он достал инструмент, взял давно приготовленные квадратики фанеры и стал городить клетку для хомяка, жившего пока в трехлитровой стеклянной банке. Работая, он слышал, как мужики окунались в Ребровский сарай, как ругалась жена Реброва, Валька, и как Ребров беззлобно отмахивался от жены, словно от назойливой мухи, доводя ее до белого каления.

То ли по причине разговора с милицией, то ли по случаю хорошего куража, по домам разошлись рано. Только Ребров сидел за столом вдвоем с Кисляковым и сводил с ним мелкие счеты. Кисляков был трезв, но по своей природной тупости никак не хотел уступать и цеплялся хуже пьяного за каждое слово. Ребров скрипел зубами, делал страшные глаза и даже брал Кислякова за грудки, но ударить рука не поднималась. Кисляков это понимал, но ему доставляло удовольствие ощущать себя на грани мордобоя, и он с каким-то садистским наслаждением лез на рожон, подзуживая Реброва. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы Кислякова не увела дочка, вредная и злая, как цепной пес, баба, зашившаяся в девках. А Ребров долго еще сидел в одиночестве, поскрипывая зубами, и пугал тишину бессвязным бормотанием.

Толик Качко вставал обычно в шесть. В выходные – на час позже, но не изменял давно заведенному правилу. Делал небольшую, но изматывающую пробежку по рву, что находился сразу за домами, поднимаясь и опускаясь по многочисленным веревочкам тропинок, пересекая его вдоль и поперек.

– Можно бегать, – объяснил как-то Сашка Рябушкин. – На работе ни хрена не делает, на заднице сидит. А тут у станка набьешься – жрать не хочется, не только козлом прыгать.

После пробежки Толик мылся до пояса холодной водой, потом завтракал и шел на работу.

Воскресенье было исключением, и Качко, пофырвав

под умывальником, драил махровым полотенцем кожу, отчего она наливалась кровью, и он становился похожим на клопа, и мурлыкал под нос какой-то модный мотивчик, предвкушая удовольствие посидеть над кляссером и поколдовать над своими марками. Жена уже возилась на кухне, а Кешка еще тихонько посапывал носом в некрепком утреннем сне.

И в это время появились Савковы.

– Вот, привела своего дурака, – волнуясь и пряча неловкость за развязный тон, сказала Катерина и будто «дураком» поставила стенку между собой и мужем.

– Сейчас оденусь, – буркнул Толик и позвал: – Юль, выйди, тут пришли.

Из кухни вышла Юлия.

– Юленька, Христом Богом прошу, простите моего паразита, – стала причитать Катерина. – Все водка проклятая. Разве трезвый-то стал бы с топором гоняться? Вот сегодня, проспался, да как узнал – сам стал не свой, идем, говорит, прощения просить.

«Врет! – подумал Толик. – Сама привела».

Пашка молча томился за Катькиной спиной. Лицо опухло, посерело, а веки тяжело плавали по залитым глазам, отражающим всю гамму человеческих страданий.

– Знаешь что, Катерина! Он не маленький ребенок, и за свои поступки должен отвечать. Пьяный был, не пьяный. В глотку никто насильно не вливал.

– Мама! – позвал Кешка.

– В общем, пусть сам решает, как хочет, – махнула рукой Юлия и пошла к сыну. Из

комнаты, заправляя на ходу рубашку, вышел Толик.

– Толик, золотце, – кинулась Катька теперь к Толику. – Не подавай в милицию. Его ж, дурака, как пить дать, посадят.

– Во-во, теперь Толик золотце, – усмехнулся Толик. – Мозгами шевелить нужно. А то, как что, глаза вылупит и за нож, да за топор. Люди мы, в конце концов, или кто?

– Ну ладно, ладно, кореш, – обиделся Пашка. – Ша! Сказал, не буду – все. Завязано. Век свободы не видать, если брещу.

– Сказал, пить бросит, – то ли перевела, то ли подтвердила довольная Катерина и зашипела рассерженной кошкой: – Ну, смотри, оглоед, если не бросишь – сама заявлю, так и знай. Больше я с тобой, паразитом, мучиться не буду.

Пашка, стиснув зубы, молчал.

– Так что ж, Толенька, простишь, что ли?

– Можешь не беспокоиться, никуда я заявлять не собираюсь... А насчет простишь – это дело пятое. Но предупреждаю, Пашка, если ты хоть раз сунешься ко мне, уж я найду как ответить. Что в руках, то и в голове будет. Больше не побегу, будь уверен.

– А ты меня не пугай, я в жизни пуганый, – стал закипать Пашка, но Катька ткнула его в бок и осадила разом:

– А ну-ка смолкни, тварь! Что обещал? А?

Пашка сник.

Савковы ушли, а Юлия возмущенно сказала:

– Вот мерзость! Как шкандить, так герой, а как ответ держать – хвост под лавку. Стоит с невинной мордой.

Пить бросит... Зарекалась свинья...

– Да ну их. Еще из-за Савковых нервы трепать. Давай-ка лучше завтракать, есть хочется.

Вечером Толик с Кешкой возились в сарае. Толик водил резцом по дереву, и под его руками постепенно оживала липовая плочка, которых у него было заготовлено впрок, постепенно превращаясь в еще нечеткий лик. Резчицкий инструмент у него был знатный. Полный набор стамесок с лезвиями различных профилей: плоские, косяки, пологие полукруглые, церазики с лезвиями в виде дуги круга, рейсмусы – угловые стамески, клюкарзы для глубокой резьбы. А кроме того, вся мелочь вроде линейек, угольников, ерунков, струбцин и прочих разметочных инструментов, без которых, в общем-то, и не обойтись. Увлекался Толик резьбой по дереву давно и дело это любил еще со школы, но времени у него на все не хватало, и часто начатая вещь подолгу валялась незаконченной, но иногда на него словно «находило», и он все дни после работы торчал в сарае или, если это было зимой, располагался на кухне и резал дерево. Сначала он отдавал предпочтение объемной резьбе, и у него скопилось много разных статуэток и жанровых композиций. Потом перешел на высокорельефную резьбу. Кухня украсилась красивыми тарелками, а зал – масками.

Теперь Толик работал над маской индейца. Он увлеченно колдовал над заготовкой, а Кешка не менее увлеченно забивал молотком гвозди в кусок доски.

В дверях показался Пашка Савков. Глаза его блестели, а морда разгладилась, словно блин на сковородке. Видно было, что он хорошо похмелился и находится в совершенно удовлетворенном расположении духа.

– Столярничаешь? – поинтересовался Пашка.

– Столярничаю, – недружелюбно ответил Толик. – А ты опять выпил?

Пашка обиженно запыхтел и какое-то время сдерживал себя, но вдруг взорвался.

– И что ты, Скачков, за человек? И что ты все цепляешься? – заговорил он в растяжку петушиным тенорком, почему-то делая упор на «ч» в слове «что». Глаза его сузились, голова втянулась в плечи, и он весь собрался, точно перед прыжком.

– Ну, выпил, выпил. Бутылку портвейного. Гадом буду, – он ногтем большого пальца ковырнул передний зуб, вроде вырвал его, и провел ладонью по горлу. – Так похмелиться надо было? Надо.

– Ты только не ругайся, здесь ребенок, – предупредил Толик.

Савков приложил палец к губам и заговорил вдруг проникновенно:

– Я к тебе, кореш, со всей душой. Только ты непонятный какой-то. Мужики как мужики. И выпьют, и поговорят. Опять же, «козла» забьют.

– И в морду дать могут, если что, – заметил Толик.

– Вот вишь, вишь? Опять ты с подковыркой. Ну и что, если и в морду? Обычное мужское дело. А вот ты все сам с собой. Забьешься в свою хату и сидишь, книжки читаешь. Ну, это дело, предположим, нужное. А только и выпить с

соседями нужно. И по душам поговорить. Нет в тебе этого понятия.

Толик молчал, ожесточенно давил на стамеску, и из-под нее вылетала, извиваясь, тонкая спираль сухой стружки.

– Это, значит, чей-то форштевень вырезаешь? – удивленно покачал головой Савков, показывая на маску индейца. – Молоток, падла буду.

Толик метнул на него уничтожающий взгляд.

– Все, все, мешать не буду. Я похилял.

Он было вышел из сарая, но, что-то вспомнив, остановился и просунул голову в дверь.

– Чуть не забыл. Катька сказала, что милицию не ты вызывал... Зинка, сучара. Ну, с ней будет разговор особый. А ты молоток. Ты, кореш, не обижайся. Я по-простому.

Савков повернулся и с важным видом зашагал через двор к столу, где азартно грохали костяшки домино.

Толик еще несколько минут поводил резцом по маске, но руки дрожали от непонятной обиды, и он, швырнув инструмент в ящик, оставил работу, позвал Кешку и стал закрывать сарай. На душе было муторно, и, когда Кешка спросил, кто его завтра поведет в сад, он или мама, Толик дернул сына за руку и раздраженно сказал:

– Кто поведет, тот и поведет.

ИЗМЕНА

Умерла Володькина бабушка, Дарья. Было ей под девяносто, и жила она в семье своего старшего сына Михаила. Володька бабушку любил, хотя виделся с ней редко, и когда

ему сообщили о ее кончине, не пойти на похороны не мог. Отца давно не было в живых, а мать не пошла, потому что не пошел отчим, который считал, что знаться с родственниками бывшего мужа своей жены дело кляузное. Жена Володьки, Ирина, родственников мужа тоже не жаловала. Ей претил откровенный сельский налет, который сопровождал их быт. Какой-то вечный «кагал». Если Михаил ехал куда-то на своей машине, то туда набивалось народу до отказа. Ходили они кучей. А все их праздники были шумными, с обильной выпивкой и частушками. Но деваться было некуда, и Ирина на похороны вместе с мужем пошла.

Хоронили Дарью с попом. Как и положено, отпели в церкви, опустили в могилу, засыпали и поставили временный крест, сколоченный из сосновых брусков в столярной мастерской на предприятии, где работал Михаил.

У могилы стали поминать, разливая водку в небольшие граненые стаканчики.

К Володьке, жавшемуся с женой к ограде соседней могилы, подошел Колька Павлет, красавец с шапкой русских волнистых волос на крупной голове.

– Ты что-то, племяш, совсем загордился. Чураешься нас что ли?

На нем ладно сидело демисезонное пальто. В его красоте было что-то грубое, от топора, но был он хорош, и скроен крепко. По мускулистой шее и широким скулам видно было, что он недюжинно силен. Даже через пальто ощущалась мощь бицепсов.

«Здоров, черт. Чистый Геракл», – с неудовольствием

отметил Володька и покопился на жену, которая с любопытством поглядывала на Павлета.

Володька знал, что бабы не давали Павлету проходу и липли к нему, словно мухи к сладкому, хотя у того была жена и двое детей. Жену, бесцветную робкую женщину, мать его двух сыновей, Павлет жалел, но с ней не считался, а она угождала ему всячески, смотрела сквозь пальцы на его похождения, и редкие ласки его принимала как подарки.

– Да все как-то времени нет. Сам знаешь, с работы на работу. То, да се, – протянул Володька.

– Ладно заливать-то, – обнажил Павлет ровный ряд белых зубов. – Знакомь с женой, – потребовал он. – Слышал, женился, а что да как, толком не знаю. Ириной звать, кажется?

– Ирина.

– Очень приятно. – Павлет долго держал руку Ирины в своей огромной лапище и, не сводя с нее своего кобелиного взгляда, говорил комплементы:

– Ишь, какую бабенку отхватил. Все при ней. Хороша!

Он откровенно раздевал ее, но делал это с наивным восторгом первозданного человека, и Ирина, к удивлению своему, не чувствовала стыда. Наоборот, что-то сладкое и тревожное будоражило и волновало кровь. Она кокетливо улыбалась.

– Работаешь все там же? – повернулся Павлет к Володьке.

– Там же, а ты?

– Да все в своем НИИ. Восемнадцать лет сельское хозяйство поднимаю. Нам, сельским, при сельском хозяйстве

и состоять надо, – засмеялся Павлет.

– У вас, говорят, там хорошо только кандидатов выращивают.

– Это точно. Кандидатов стало как собак. Кандидат на кандидате сидит... Четыре доктора. Мой шеф Рыжевский тоже докторскую зимой защитил. А темы, хоть в «Крокодил» посылай. Как только ВАК пропускает: «Роль силоса в развитии животноводства».

Павлет искоса поглядывал на Ирину, проверяя впечатление, которое он произвел, рассуждая про кандидатов. Та с интересом слушала.

– Да сейчас, вроде, защититься-то не просто, – вставил Володька.

– Да брось ты, – отмахнулся Павлет. – В институте существует план научной работы, где определено, сколько надо подготовить кандидатов, сколько докторов. И готовят, за уши тянут. А в ВАКе тоже не дураки сидят, знают, кому помочь. Институт, слава Богу, один такой на всю страну...

– Так уж и один? – усомнился Володька.

– Серьезно говорю, – обиделся Павлет. – Институты такие есть, конечно, но с такой базой как наша, вряд ли. У нас одна селекционная станция больше тысячи гектаров.

Подошла Клавдия, жена Михаила, и позвала помянуть усопшую. Павлет обласкал взглядом Ирину и пошел за Клавдией.

– Он тебе кто? – спросила Ирина мужа.

– Седьмая вода на киселе, – отмахнулся Володька. – То ли двоюродный, то ли троюродный дядька по отцу.

– Научный сотрудник какой-нибудь?

– Что? – усмеялся Володька. – Шофер. Раньше возил директора, теперь водит институтский автобус... Что-то ты им больно интересуешься, – подозрительно прищурился Володька. – Понравился что ли?

– А что? Ничего мужчина, – засмеялась Ирина и скользнула взглядом по мужу, будто сравнивая с Павлетом.

Володька обиженно засопел и молча пошел туда, где поминали Дарью. Был он среднего роста, при ходьбе сутулился и бестолково размахивал руками, отчего казался меньше, чем был на самом деле.

Ирине с Володькой налили водки. Ирина выпила два глотка и взяла из протянутого кулька конфету. Володька выпил до дна, и Ирина, не отягощенная редким пристрастием мужа к водке, неожиданно для себя прошипела с раздражением:

– Дорвался?

Володька вспыхнул и чудом сдержался, погасив вспыхнувшую в душе обиду. Только стиснул зубы, и желваки заиграли на скулах.

Когда шли через кладбище, к Володьке прицепился муж тетки Шуры Иван. Он успел хорошо помянуть Дарью и по своему пьяному обыкновению плел несуразное. Его душила жалость, он всех любил, не знал, как это выразить, и время от времени звал: «Володь, а Володь?» Володька поворачивался слушать, но Иван только кивал головой и подмигивал двумя глазами. Мол, вишь как? Так-то вот все! От бессилия выразить то, что не ясно таилось в подсознании, он плакал, размазывая ладонью слезы по лицу.

– Господи, вот полудурок-то, – подкралась боком Шура. – А ну, отстать от людей, пьянь! – отогнала она Ивана от Володьки.

Иван безропотно отстал и плелся сзади.

За воротами кладбища полезли в похоронный грузовик. Лезли с двух сторон по колесу через закрытые борта и садились прямо на еловые ветки. Благопристойность осталась за воротами. Говорили оживленно, спорили за место. В кабину, было, села Клавдия, но Михаил вытурил ее, отправив в кузов, и сам уселся рядом с водителем.

В кузове всем места не хватило. Ирина с Володькой, Павлет, и еще несколько человек потащились к трамвайной остановке. В трамвае все держались кучкой на задней площадке. Садиться никто не решался, будто боялись перепутаться с остальными пассажирами. Павлет все терся возле Володьки с Ириной. Он вздохнул, расписывая свои края, причем обращался больше к Ирине.

– Да у нас на станции лучше любого курорта. Ни пыли, ни гари, – голубем ворковал Павлет. – Воздух...

– Чист и прозрачен, – скривил губы в усмешке Володька. Павлет его все больше раздражал.

– Чист и прозрачен, – серьезно подтвердил Павлет. – Опять же, пруд, летом грибы пойдут, ягоды. Вы вот что, – решил Павлет, обволакивая Ирину бесовским взглядом. – Как чуть потеплеет – сразу ко мне. Походим по лесу, покажу ягодные места, на пруд сходим.

Ирина живо воспринимала слова Павлета, она то и дело

поправляла непослушную челку, выбивавшуюся из-под берета, а Володька, насупившись, слушал треп Павлета и недовольно поглядывал на Ирину...

Поминали Дарью в два захода. Сначала за столы усадили старушек и соседей. Старушки расположились было основательно, но их быстро спровадили, и они, расходясь, благодарили, лицемерно хваливая стол друг другу, чтобы слышали родственники и знали, что они довольны.

Наконец за стол полезли родственники. Володька с Ириной сели рядом по центру стола. Сидели тесно, мешая друг другу локтями. Павлет отодвинул от Ирины Клавдию и втиснулся между ними. Клавдия зашипела змеей и заерзала на лавке, устраиваясь удобней. Володька недовольно покосился в его сторону и отвернулся, напустив на себя безразличный вид.

Расселись. Стали наливать в граненые стаканы водку, раскладывать по тарелкам закуски. Но никто не решался выпить. Вроде чего-то не хватало. Поглядывали на Михаила. Тот видел, что все ждут его слова и лихорадочно искал слова, которые нужно было сказать о матери. И слова эти в нем были, он их чувствовал, знал, но встал и понес ахинею про то, как его ценят на работе, как он всего добился сам: и на механика выучился, и еще курсы газооператоров закончил; так что на кусок хлеба всегда заработает. К матери эти слова отношения имели только в том смысле, что она его, Михаила, родила, но бессвязную речь его выслушали серьезно. Хоть и был он жлобоват, родственники с

ним считались и почитали за главного. Михаил умел жить. У него была трехкомнатная квартира, полированная мебель, на которую молилась Клавдия, и машина «Жигули».

– Ладно, про себя скажешь потом, – перебил Павлет Михаила. – Давайте лучше Дарью помянем. Встал и выпил налитые полстакана водки до дна. Михаил хотел что-то сказать еще, но за столом уже активно поминали Дарью, и не обращали теперь на него никакого внимания.

У Ирины от выпитой стопки лицо некрасиво передернулось, и гримаса оставалась на лице, пока она тыкала вилок в тарелку с холодцом. Володька с коровьим равнодушием водил скулами, перетирая кружок вареной колбасы.

Стол был обильный: холодец, селедка, сыр, вареная колбаса, консервы «Сельдь иваси» и «Скумбрия в томатном соусе», вываленные из банок в глубокие тарелки; котлеты с картофельным пюре. Все грудилось беспорядочно на столе, все крупно нарезано: хлеб, колбаса; даже котлеты были огромные, в ладонь.

Некоторое время за столом стояла тишина. Только слышалось металлическое звякание вилок о тарелки, вздохи и чавканье.

Михаил, помня о своем старшинстве, снова поднялся. Глаза его масляно поблескивали, но на этот раз он сказал коротко и по существу: «Давайте выпьем за мать. Чтоб на нас там не обижалась. Кажись, все по-человечески». Выпили по второму разу. Шура принялась вдруг опять голосить. Ее успокаивали. «От этого не уйдешь, – изрекла младшая

сестра Нюра. – И так пожила, слава Богу!»

Шура быстро успокоилась. Скоро заговорили свободнее, за столом стало оживленно.

После второй рюмки Нюра вдруг затеяла склону с Шурой.

– Плохо нам без матери будет, – вздохнула Шура. – Любила я ее.

– Любила, – ехидно сказала Нюра. – Потому и клубнику со своей дачи по базарной цене продавала.

– Брешешь! – оцетинилась Шура. – Я клубнику Клавке, а не матери приносила. А чегой-то я ей за так должна отдавать? Я работаю так же, как и она. Не богаче всех.

– Клавке принесла, – передразнила Нюра. – А мать не с Клавкой живет. Как только совести хватает? Нет, чтоб принести – на, мол, мам.

– Подлюка ты, Нюрка! – взорвалась Шура. – Кто бы говорил, только не ты. Помолчала бы лучше. Ты матери много принесла? Твой Федор из последних грошей тридцатку у матери занял, да так и не отдал.

– А ну, хватит! – цыкнул на них Михаил. – Забыли, где сидите? Совсем охренели?

Шура уже поставила руки в боки и набрала побольше воздуха в легкие, готовясь разнести Нюрку, но от окрика опомнилась. Груды сестер тяжело вздымались, а из глаз, когда они встречались взглядами, летели разящие молнии, сталкивались где-то на полпути, и, казалось, треск идет по комнате.

Охмелевший Иван вдруг затянул «Ой, цветет калина». Разгоряченная Шура с разворота подцепила его локтем, и он кувыркнулся со скамей-

ки на пол, попытался встать, но дальше четверенек дело не шло. Михаил с Шурой подняли его и увели на кухню, где уложили на топчан.

Павлет пил и не пьянел. Он старательно ухаживал за Ириной, подливал в рюмку водку, подкладывая закуску и, протягиваясь к тарелкам, то и дело, как бы невзначай, цеплял ее то за бок, то за грудь, хотя и так сидели тесно, касаясь друг друга.

Ирина почти не пила, но ухаживания с замиранием души принимала. В этой игре, которую затеял Павлет, было что-то греховное, но до обморока сладостное, и она не противилась этому; и любопытно было, и тревожно, и хотелось броситься в грех, как в омут, с головой.

Володька только подливал себе в стакан и пьянел все больше и больше. Ирина поглядывала на мужа настороженно и, хотя сама дала ему волю, теперь боялась за него, ненавидела и жалела себя, не сознавая, что этой жалостью старается оправдать свой флирт.

Когда Володька встал и твердо пошел в коридор курить, Ирина вышла за ним и дала волю раздражению.

– Нажрался? – Учти, я домой тебя тащить не буду.

– Я трезвый, – тяжело выговорил Володька. И вдруг свирепым взглядом вцепился в Ирину и рывкнул:

– Иди отсюда, гадюка!

Ирина вспыхнула и, ни слова не говоря, тенью скользнула в комнату. Застолье базарно гудело. Разбились парами и кричали о своих делах, обидах, болезнях.

Шура плакалась Клавдиной соседке Вере на своего Ивана.

– Убила бы, паразита. Я с ним и по-хорошему, и по-плохому – ничего не помогает, – жаловалась она. – Вер, ведь без просыпу. Прошлый раз чуть дачу не спалил. Хорошо, мы с Валькой подросли. Как пьяный курил, так с папиросой и уснул. В одеяле полуметровая дырка. Вата тлела, дым, гарь по всей комнате – так хоть бы шевельнулся! Ох, и зло ж меня взяло. Я его возила за волосыя ...всю морду раскровянила. Да что толку-то? Проспался – и за старое.

Шура всхлипнула и вдруг зло блеснула глазами:

– А я терплю, терплю, а потом сдам во Мценск, в ЛТП*, там быстро вылечат.

Вера наклонилась к Шуре:

– А я вот что тебе скажу, – зашептала она. – Есть одно средство. У нас сосед хромой, Юрка. Уж как пил! Все пропивал. С себя вещи продавал... Сейчас в рот не берет. Как подменили.

Шура заинтересованно посмотрела на Веру.

– Есть одна бабка, ее все Шкрипка зовут. С трех раз заговаривает со святой водой и дает травку, а травку нужно в еду подмешать. И все! После этого водку на дух не принимает.

Шура заволновалась:

– Веранька, милая, век буду Бога молить. Сведи меня с бабкой этой.

В глазах была мольба.

– Свести не долго. Только не за так. Шкрипка двадцать пять рублей берет ... Ну, и мне пятерочку.

* ЛТП – Лечебно-трудовой профилакторий, который действовал в СССР, как средство исправления увлекающихся алкоголем. Часто в ЛТП попадали просто по заявлению близких родственников, жены или тещи в результате семейного конфликта.

– Да кабы вылечить, оно и не жалко, – нерешительно сказала Шура. Вера уловила эту заминку и, приставив к ее уху ладонь, зашептала что-то. Зинка также отвечала шепотом.

А рядом тетка Марья давала рецепты «от солей» жене Михаила Клавдии:

– Ты попробуй кедровые орехи. Двести граммов неочищенных орехов на поллитру спирта. Потом залей спиртом, и пусть стоят две недели, – учила Марья. – Потом на ночь растирай больное место. Говорят, хорошо помогает.

– Не знаю. Чего только не пробовала. И адамов корень настаивала, и рис натоцак три месяца ела, и змеиным ядом растиралась, и пчелиным – ничего не помогает.

– Ну, тогда тебе надо ехать на Украину к костолому. Знаменитый дед, говорят. Про него даже в газетах писали. Всех на ноги ставит.

– Это куда Полякову Нинку муж возил?

– Нет, Сашка Нинку в Молдавию возил. Там свой костолом есть. Но тот больше массажем берет. А это место называется Кобеляки, а фамилия дядьки – Косьян. У меня все записано: и как доехать, и как стать к нему на очередь.

– Ну, не знаю, как там. А только Нинка Полякова опять в больнице лежит. Сашка говорит, что две тыщи отвезли. Сколько прожили, пока очереди дождалась! Народищу, говорит, тьма. Все квартиры забиты. А за квартиру местные пять рублей с носа берут. Дороже, чем в любом Сочи.

– Это ты ничего не знаешь, – поджимая от обиды губы, возразила тетка Марья. У

Нинки, после того как она туда съездила, все как рукой сняло. Только ей нужен был покой, а она сразу на самолет, да потом поездом. Ее растрясло, что-то там опять в позвоночнике сместилось, и стало хуже. Вот в больницу и попала. Здесь сами виноваты. Потом, этот, который в Молдавии, больше массажем действует, а в Кобеляках, который Косьян, тот нащупывает вывих какой и вправляет. Даже, говорят, пальцами соли разбивает. У нас на работе бухгалтер, Петр Афанасьевич, без палки ходить уже не мог. Извелся, в щепку превратился. Сейчас не узнать. Как боров стал...

Ирина села на свое место. Павлет что-то ей говорил, она не слушала и кисло улыбалась, искоса поглядывая на двери. Вошел Володька. Он втиснулся на свое место и сразу же налил в стакан водки.

От выпитого Володька был бледен. Глаза его становились все более бессмысленными, а отяжелевшие веки ползли вниз, и он с трудом их разлеплял, закатывая при этом глаза куда-то под брови.

Ирина все это видела, у нее кипело все внутри, но она не подавала вида. А когда Володька взял ее за локоть и глухо, заплетающимся языком потребовал: «Пойдем домой», она вырвала руку и процедила сквозь зубы: «Нажрался – иди. Я с тобой никуда не пойду».

Володька поднялся и, ни с кем не попрощавшись, ушел.

Ирина сидела как на иголках. Павлет жужжал ей что-то в ухо, но ей было уже не до Павлета, она думала о Володьке и изводилась. То ей казалось, что он где-нибудь завалится и его заберут в вы-

трезвитель, или заведет шпана куда-нибудь: нож в бок – и поминай как звали, а то спяну под машину попадет. В конце концов Ирина не выдержала:

– Извините! – перебила она Павлета. – Мне надо домой.

– Я провожу, – сказал Павлет.

– Нет, нет! Не надо. Я сама, – торопливо ответила Ирина. Встала и пошла к Михаилу, чтобы попрощаться, но тот, багровый от духоты и выпитой водки, стал шумно уговаривать ее остаться посидеть еще.

– Не могу. Володька пьяный ушел. Как бы чего не случилось.

Только тут Михаил заметил, что Володьки нет. Ирина сняла с вешалки в прихожей свой плащ и вышла, просовывая на ходу руки в рукава. Внизу ее догнал Павлет.

– Я же сказала – не надо! – Ирина недовольно посмотрела на Павлета.

Павлет, казалось, не заметил ее настроения. Он широко улыбнулся, показав ровный ряд безукоризненных зубов.

– А если кто остановит? Не страшно?

– Не страшно, – голос Ирины был все еще сердит.

– Сейчас не страшно. Потому что со мной.

– Да ну вас, – отмахнулась Ирина от Павлета, как от назойливой мухи.

И в автобусе, и когда шли пешком, Павлет без умолку болтал, стараясь развеселить Ирину. Он шутил, рассказывал анекдоты, и это у него хорошо получалось. Но Ирина кроме раздражения и усталости ничего не чувствовала. У своего подъезда она немного задержалась, ожидая, что

Павлет повернется и уйдет, но он открыл дверь, мягко, но решительно втолкнул ее в подъезд и втиснулся сам. И она вдруг оказалась с ним лицом к лицу в темноте под лестницей. Это ее так ошеломило, что она растерялась и молчала, инстинктивно напрягаясь, когда Павлет притянул ее к себе и стал целовать. Она билась в его руках цыпленком, задыхалась, отворачивала лицо, и горячие поцелуи приходились на щеки, шею.

– Вы с ума сошли! – выдала из себя Ирина. Она освободила руки и выставила их перед собой, отталкиваясь о каменную Павлетову грудь.

– Отпусти, – шепотом потребовала она, боясь, что ее могут услышать.

Павлет ослабил железные тиски, но совсем Ирину не отпустил. А у Ирины дрожали и подкашивались ноги. Она вдруг как-то ослабла, и у нее не было сил сопротивляться. Она еще пыталась оттолкнуть руки Павлета, когда он задрал ей платье и начал судорожно стягивать трусы. Это ему плохо удавалось, и он рванул их с силой так, что лопнула резинка. Потом она почувствовала тепло его обнаженного тела и уступила ему, плохо соображая что-либо, и не стала кричать и звать на помощь. Он вошел в нее грубо, и его судорожные толчки вызывали боль, но в какой-то момент она ощутила желание, которое все усиливалось и закончилось вулканическим извержением и невольным ее вскриком.

Все произошло как-то скоро. Ирина стояла обессиленная, расслабленно опустив руки, а Павлет тяжело дышал и все еще держал ее своими медвежьими лапами.

– Пусти, – вяло попросила Ирина, высвобождая ногу из цепкой павлетовой хватки.

Он отпустил ее, и Ирина, нащупав упавшую сумку, сунула в нее сползшие на щиколотку трусы и, придерживаясь за перила, стала медленно переступать ступеньки лестницы, поднимаясь к себе на третий этаж.

– Я тебе завтра позвоню на работу, – сказал вслед Павлет.

Ирина не ответила.

Павлет слышал, как она нащупывает ключом отверстие замка и открывает двери. Щелкнул английский замок – двери закрылись. Павлет с минуту еще постоял, прислушиваясь к шорохам, вышел на улицу, осторожно закрывая дверь...

Ирина с порога услышала храп, потом увидела Володькины туфли. Туфли валялись среди коридора, грязные и даже не расшнурованные. Она ногой отшвырнула туфли к порогу и как была в плаще и сапогах, ринулась в спальню. Володька лежал на кровати одетый, поверх покрывала. Из полуоткрытого рта вырывался с каким-то орлиным клекотом храп. Одна нога свесилась на пол, а руки были сложены на груди, как у мертвой Дарьи. И тут Ирина дала волю слезам. Слезы душили ее, и она, словно во сне, снимала плащ и стягивала сапоги в прихожей. Потом пошла в ванную, разделась и долго мылась, будто вместе с липким потом хотела смыть грех своего падения. Она ненавидела свою плоть и ненавидела себя. Но не за то, что уступила, – в конце концов, этот Павлет взял ее силой, – а за то, что поддалась похотливому желанию, кото-

рое вдруг охватило ее, отодвинув реальность происходящего, заставив забыть обо всем на свете. И только в этом она видела – или хотела видеть – свою измену.

Войдя в спальню, Ирина подошла к кровати и стала изо всех сил трясти мужа, пытаясь разбудить, но он только нечленораздельно мычал и вращал мутными белками. Поняв, что все попытки бесполезны, Ирина ткнула его кулаком в бок и снова заплакала. Размазывая слезы по лицу, она достала из шифоньера простынь и одеяло и пошла спать в зал на диван. Вернулась за подушкой, сразу не нашла и выдернула подушку из-под Володькиной головы: голова откинулась на покрывало, и дыхание стало тяжелым, а храп прорывался, словно преодолевая препятствие, с трудом. Тогда Ирина достала из кладовой старое пальто и, свернув, подсунула его под голову мужа.

Она долго не могла уснуть, заставляя себя не думать ни о Павлете, ни о муже, но невольно думала, и ей одинаково были сейчас противны и муж, и Павлет, и сама себе она была противна тоже, потому что затеяла двусмысленную игру с едва знакомым человеком, и со стыдом вспоминала подъезд и себя с Павлетом под лестницей.

Мысли путались, в ушах стали звучать пьяные голоса Володькиных родственников, потом появился батюшка в рясе и пропел трижды «аллилуйя».

– Завтра уйду к маме, – уже где-то во сне решила Ирина и уснула незаметно со слезами на глазах.

В. ВИНУКUROV